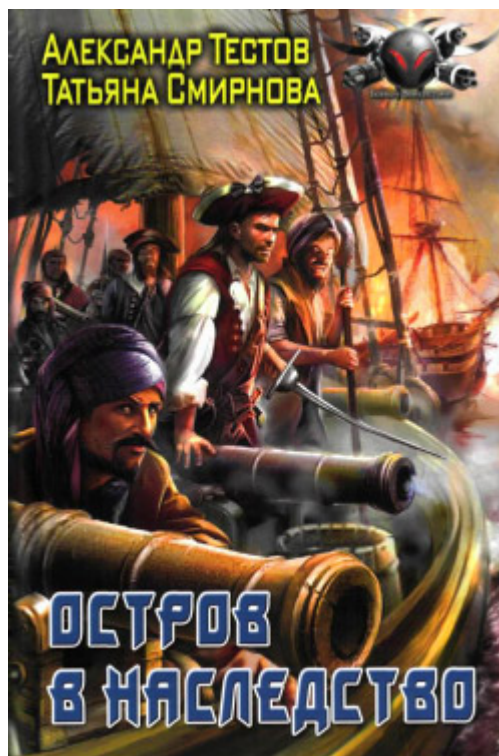

Александр Тестов Татьяна Смирнова Остров в наследство

Текст предоставлен издательством <http://www.litres.ru>

«Остров в наследство»: Ленинградское издательство; Санкт-Петербург; 2010
ISBN 978-5-9942-0529-7

Аннотация

Обыкновенная лодочная прогулка с друзьями по Черному морю привела Якова Риковича к неожиданным последствиям. Налетевший шторм чудом не погубил Якова, но спасло его после крушения... судно совсем другой эпохи. И понеслось...

Авантюризм XVII века, пираты Карибского моря, страх и отвага, верность и предательство, abordаж и погони. Иногда Рик догонял, а случалось – сам вынужден был убегать. Все это время он хранил принесенный из «прошлой жизни» цветок ирис – талисман, который, как было предсказано, должен помочь ему... И вот в жизни Якова появляется красавица Ирис с берегов Туманного Альбиона. Как разгадать тайну этой отчаянной девушки, умеющей сражаться наравне с мужчинами?

Александр Тестов, Татьяна Смирнова Остров в наследство

Веронике Сергеевне Каторгиной посвящается, в память о литературных начинаниях в далеких теперь 90-х годах минувшего века

Пролог

День выдался жарким, душным, тяжелым. Синяя майка прилипла к телу уже через две минуты после душа и, естественно, до того, как Яша выскочил из подъезда в дрожащее

уличное пекло. Он уже подумывал о том, а не снять ли ее вообще, пренебрегая опасностью обгореть, когда неожиданно посвежело. Очень сильно посвежело. Яша подозрительно взглянул на небо. Край его быстро темнел. И тут мобильник сыграл позывные «Зенита».

– Яшка! Рикович, ты что, через независимую Украину идешь?

– Зачем? Я напрямую, через Лос-Анджелес, – плоско сострил Яша, – уже бегу, Макс. Ты небо видишь?

– Ну, – отозвался приятель. Голос его враз поскучнел, – думаешь, дело труба?

– Я думаю, – медленно проговорил Яша, озираясь на переходе, – надо за мыс подъезжать. На то место, помнишь?

– Будет штормовое предупреждение?

– Сто пудов, – кивнул Яша, перебегая дорогу почти перед самым «кенгурятником» серебристого «Ниссана» с жестоко тонированными стеклами. Джип резко затормозил и нервно просигналил. Не обращая на него внимания, Яшка нырнул под кирпичную арку, отделяющую двор от улицы имени героя войны Пряжкина.

– Так, может быть, и ну ее, рыбалку? – осторожно спросил голос приятеля в трубке.

– Да брось ты, – пренебрежительно отмахнулся Яшка, – до острова на моторе меньше получаса идти. Я возьму такси и через десять минут буду на точке. Вы тоже подъезжайте. Пока спасатели прочухаются, мы уже уху варить будем.

– Не знаю, – протянул Макс, – в прошлом году у нас четыре лодки пропали. Просто пропали. Ничего не нашли: – ни людей, ни обломков...

– Крымский треугольник, – фыркнул Яша и предложил: напиши агенту Малдеру.

– Я серьезно, – оскорбился в трубке голос Макса.

– А если серьезно, то такие вещи не обсуждаются по пятнадцать центов за минуту. Все, до встречи за мысом. Я буду скоро.

Пестрая птица преградила дорогу, захлопав огромными цветными крыльями. От неожиданности Яшка осадил назад и чуть не споткнулся. Солнце из-под арки ударило по глазам. Он сощурился. Довольно высокая, плотная, но какая-то необыкновенно ладная женщина в ворохе разноцветных одежд скалила зубы. На смуглом лице они смотрелись как в рекламе пасты «Бленд-а-мет».

– Постой минутку, сокол. Всю правду тебе скажу, ни в чем не обману, – голос цыганки оказался грудным и необыкновенно теплым.

Яшка, собравшийся, было, с чувством выразиться непечатно, прикусил язык и ответил гораздо вежливее, чем хотел.

– Извините, мамаша, я спешу. И денег у меня нет, ручку золотить нечем. В другой раз, хорошо?

– Молодой, – тихо, почти про себя проговорила цыганка, – глупый. Пока. Ну да ничего. Жизнь тебя выучит. А денег твоих мне не нужно. И дал бы, так не взяла. Опасное это дело – у тебя деньги брать.

– Почему? – Яшка так удивился, что застыл перед цыганкой как вкопанный, полностью позабыв о такси и о встрече за мысом.

– Еще за собой туда утянешь, – туманно высказалась цыганка, – а у меня пока что здесь дела не сделаны.

– «Туда» – это куда? На тот свет, что ли? – уточнил Яшка, чувствуя, что внутри у него как-то нехорошо сжимается. Не то чтобы он верил бродячим предсказателям, но...

– Дорога тебе предстоит, – пояснила цыганка, глядя на паренька в упор своими зеленущими, яркими глазами, – долгая дорога. Очень долгая.

– Да брось, мамаша, – отмахнулся Яшка, – мы только на остров и обратно. Ну, может быть, с ночевкой, если клев будет.

Цыганка упрямо качнула головой, туда-сюда качнулись темные пряди и золотые ушные кольца.

– Дорога у тебя дальняя, – тихо, убежденно повторила она, – и конца ей даже я не вижу. Скажу только одно: чтобы вернуться назад, тебе понадобится сохранить синий цветок.

– Какой цветок? – опешил Яшка.

– Вот этот, – очень спокойно ответила цыганка и протянула парню только что распустившийся ирис на коротком стебле.

Машинально он взял и так же, без раздумий, сунул за пазуху.

Когда он проморгался, ветер с залива уже всюду рвал вывешенные на просушку простыни, с неба тянуло холодом, а цыганки и след простыл. На всякий случай Яшка проверил карманы и выяснил, что бумажник на месте.

– Дичь какая-то, – вслух высказался он, – шоу «Гипноз», да и только, – и закрутил головой в поисках подходящей тачки.

О странной цыганке Яша больше не думал. Они всегда плетут всякую чушь, не хватало еще себе голову забивать.

Вода у берега была спокойной, с легкой рябью. Макс уже справился с лодкой и ставил мотор. Юлька, его недавняя подруга, спортивная шатенка с легкой, разлетающейся челкой и смешливыми карими глазами выгружала из багажника потрепанной синей «Нивы» на короткой базе удочки в чехлах, пару сумок с провиантом и что-то еще. Макс всю жизнь был запасливым.

– Наконец-то, – буркнул он, не прерывая своего занятия, – тебя зовешь к завтраку, ты приходишь к ужину.

– Задержали, – отмахнулся Яша и с ходу включился в работу.

Лодка у Макса была трехместной, с хорошими, высокими баллонами и надувным дном, так что за плавучесть опасаться не приходилось. На веслах она сильно парусила, но когда приятель, не без помощи Юльки, приобрел мощный мотор, этот недостаток перестал быть таким уж существенным.

Яшка решительно отобрал сумки у дамы и поволок в лодку. Макс покосился недовольно, но смолчал. Юлька относилась как раз к тому типу девушек, к которому неровно дышали оба приятеля: спокойная, без бабских «соплей», любила спорт, правда болела за «Локомотив», но этот недостаток вполне мог исправиться с годами. Когда они познакомились на открытой дискотеке, на набережной, шансы были равными. У Яшки, казалось, даже было небольшое преимущество. Но потом ветер подул в другую сторону... По обоюдному молчаливому согласию парни об этом не говорили.

Небо темнело.

– Ветер-то крепчает, – заметила девушка, глядя на горизонт из-под руки.

– Ну и хорошо, – буркнул Макс, – быстреей дойдем. Надеюсь, все присутствующие хорошо помолились утром?

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона, – провозгласил Яшка, переваливая сумки в лодку.

– Не пей вина, Гертруда, – отозвалась Юлька, подняла глаза и озорно подмигнула.

Сердце пропустило удар, потому что как раз моталось в пятки и обратно. Такие девушки встречались одна на миллион. Проблема в том, что Макс это тоже понимал. А еще в том, что Яшка считал себя человеком чести и девушка друга – это была полностью запрещенная территория. Она для него считай, что замужем, хотя некоторые и утверждают, что замужняя не значит мертвая! Но Яшка мнил себя в некотором роде джентльменом, поэтому – баста!

В правильности принятого решения Яшка засомневался уже тогда, когда берег превратился в тонкую полосу. Вода за бортом сплошь покрылась мелкими бурунами, все трое «мореплавателей» прекрасно понимали, что это означает. Охота смеяться и шутить как-то быстро пропала.

– В это время года сильных штормов не бывает, – высказался Макс, но в голосе его уверенности не было.

– Думаешь, стоит вернуться? – Яшка сощурился.

Юлька сидела на дне лодки, внешне безучастная, но ее вздернутый подбородок лучше всяких слов говорил о том, что она будет думать об обоих парнях, если рыбалка окажется

испорченной.

– Да тут идти-то осталось с полкилометра.

Ровное гудение вдруг прервалось. Мотор чихнул. Макс бросил на корму тревожный взгляд. Звук повторился.

– Вот только этого нам не хватало для полного счастья, – заметила Юлька, убирая ноги, чтобы пропустить Макса к заглохшему движку.

– Ну? – через полторы минуты не выдержал Яша.

– Зажигание, кажись... Пациент скорее мертв, чем жив...

– Отлично! Твою мать...

– Идем на веслах? – с олимпийским спокойствием спросила Юлька.

– Идем-то идем, вот только куда?

– Думаю, это решать не нам, – заметил Макс.

В это мгновение длинная волна прокатилась под днищем лодки, заставив побледнеть всех, кроме Юльки, загоревшей так, что негры в Африке вполне могли принять ее за свою.

Яшка огляделся, приметил нужную сумку и вытащил три спасательных жилета. Один бросил Юлке, второй через голову натянул сам.

– Ты еще привяжись, – фыркнул Макс, – как накроет волной, так вместе с лодкой и ау!

– Надевай жилет, – жестко бросила Юлька, и Макс мгновенно и охотно послушался.

Потемнело как-то внезапно. Береговая линия пропала, пропал и остров. Море вдруг выгнулось большим котом, по спине его прошла дрожь, лодка взлетела, заваливаясь на бок. Юлька вскрикнула: «Мама!». Яшка повернулся к ней. Девушка, прикусив губу, сосредоточенно выбрасывала воду ладонями, сложенными «ковшиком».

Макс пытался развернуть лодку. Ветер внезапно усилился до почти шквального. Волны вставали вдвое выше бортов, Яшка зачарованно смотрел на эти стеклянные громады, не в силах отвести взгляд. Звуки вдруг сделались невероятно отчетливыми: плюх! – весло в воду, плюх! – и верхушка волны в лодке, плюх! – и еще одна. Юлька снова помянула мать, уже в другом контексте, и схватилась за кривобокую кастрюльку с одной ручкой.

– Весло! – заорал приятель, – надо встать носом к волне, быстро!

Яшка потянулся за веслом... И тут что-то огромное, невероятно, невысказанно сильное легонько, почти нежно толкнуло в днище. Яшка покатился, ощутил невесомость, а потом в спину ударила волна...

Он ушел с головой, но почти сразу вынырнул, тяжело дыша и отплевываясь. Спасжилет не дал ему уйти на дно, но, похоже, он же сослужил еще одну не слишком хорошую службу. Надутую резинку подхватило волной, и темный борт лодки маячил теперь метрах в семи и продолжал удаляться. Яшка заметил в быстро густеющей тьме две фигуры: одна бестолково металась от одного борта к другому, рискуя вылететь следом, а другая безостановочно, как машина, наклонялась и выпрямлялась, выбрасывая из лодки воду. Ветер донес крики приятелей, но тут подоспела следующая волна, Яшку развернуло спиной, подкинуло вверх, пахло запредельным холодом из стеклянной, на миг открывшейся бездны, он опомнился и что было сил замолотил руками.

– Эй, я здесь! Макс! Я здесь!

Расшалившееся море небрежно хлопнуло ладонью, и увесистая горсть брызг пополам с пеной влетела прямо в открытый рот. Яшка «схватил огурца», а когда закончил отплевываться, то ощутил странную тишину, наступившую как-то вдруг. Он вскинул голову, отбросив с лица мокрую прядь волос и с изумлением, граничащим с ужасом, увидел темно-серую плотную стену воды. Она стояла почти вертикально... и, если бы стояла... Она двигалась прямо на него.

«Все, – подумал Яшка, – раздавит. Кранты».

Глава 1

...Возвращение к жизни оказалось мучительным. Первым ощущением была жара и

нестерпимая жажда. Пить хотелось больше, чем жить. Яшка попытался шевельнуть губами и почувствовал резкую боль и соленый привкус крови.

Он лежал на чем-то твердом. И, похоже, был не один. Гул в ушах определился как негромкие голоса, но смысл их почему-то оставался темным. Яша прислушался.

– Is he an English man? Hey, Guy, who are you? What is your name?¹

– Look at his hands! It's could be only sailors hands.²

Яшка попытался приоткрыть глаза. Это почему-то было очень трудно, и, спустя мгновение, он сообразил: веки слиплись от соли и пота. Непереносимо яркий солнечный свет хлестнул по глазам как плеть. Яша зажмурился и попытался отвернуть голову.

– His clothes look very strangely... No, he is not an English man – look, he has come to himself. He has opened his eyes...³

Яша наконец-то сообразил, что не так. Голоса вокруг звучали по-английски. Что случилось? Последнее воспоминание – удар большой волны. Его смыло за борт. Вероятно, Макс и Юлька не смогли его втащить назад... его сразу отнесло на несколько метров от лодки... А что потом? Ребята живы? Наверное, да, ведь жив же он. Неужели его подобрали какие-то иностранные туристы? На чем он лежит? Земля? Не похоже. Покачивание было слабым, но отчетливым. Лодка? Нет, скорее яхта.

Он попытался приподняться. Чьи-то руки подхватили его, подняли и поддерживали. Перед глазами все плыло. Голова кружилась. Яшка неосторожно наклонился вперед и его стошнило на собственные ноги. Он стыдливо покраснел. Но на стоявших вокруг мужчин это не произвело никакого впечатления, как будто так и надо.

– На вот, прополощи рот, – по-английски сказал высоченный, коренастый мужчина и протянул ему небольшую стеклянную емкость.

Он был средних лет, но носил ультрамолодежную прическу – хвост на одну сторону – и одевался соответственно: жилет из натуральной кожи, правда, малость грубовато пошитый, и штаны из парусины. В левом ухе покачивалась серьга с крупной грушевидной жемчужиной. Хиппи? Или, может, рок-музыкант?

Яшка глотнул и едва не умер. Жидкость в бутылке была, судя по ощущениям, разогретым асфальтом. Его стошнило во второй раз. Участливые руки резко, но не сильно похлопали по спине и щекам, и в голове немного прояснилось. Он обратил внимание на сосуд, который держал в руках, и едва снова не лишился сознания. Это была не бутылка, а бутыль. Толстая, непривычной формы, очень тяжелая, из темного стекла. Без этикетки. Но, судя по одному глотку, это был настоящий, крепчайший ром не менее чем пятидесятилетней выдержки. А то и большей.

Пожалуй, если и музыкант, то рок-звезда. Такой напиток, навскидку, стоил несколько штук баксов.

Яшка посмотрел на участливого иностранца более внимательно, но, черт, знакомых по постерам, не обнаружил.

– Как тебя зовут, парень? – повторил рокер. По-английски.

– Яша... Э-э... – в голове как будто щелкнула пружина, он быстро перевел свое имя, а фамилию Рикович тут же решил обрезать. – Джеймс... Джеймс Рик.

– Ты моряк?

– Я... Нет, я не моряк. Я студент, – старательно подбирая английские слова, ответил он, – мы просто немного ходили с друзьями и на моторе, и под парусом.

¹ Он англичанин? Привет, парень, ты кто? Как тебя зовут?

² Посмотри на его руки! Это руки моряка.

³ Его одежда выглядит очень странно... Нет, он не англичанин – посмотри, он приходит в себя. Он открывает глаза...

Мужчина склонил голову, прислушиваясь. На его широком, грубоватом лице явно обозначилось недоумение. Яшка подумал, что, наверное, плохо перевел фразу на английский язык, с которым у него отношения были сложные. То же, видимо, решил и пожилой рокер.

– Ты не англичанин. И не испанец. Тогда кто? Веруешь ли ты в Господа?

Яшка опешил. Но сориентировался быстро. Похоже, правду говорили по телевизору, что вся Америка на вопросе веры по фазе двинулась.

– Я верующий, – сказал Яшка и на всякий случай перекрестился. Хотя признаться честно осенил себя по православному. По-другому он и не умел...

Мужчина одобрительно кивнул, наклонился, и на мгновение Яшке открылось то, что до этого прятала широкая грудь незнакомца: высокий деревянный борт и, провалиться на месте, самую настоящую музейную пушку на лафете. Заметил он и то, что до сих пор ускользало от его внимания – старинную саблю за поясом «музыканта» и пару пистолетов... вернее, пистолей. С длинными стволами и темными от времени гладкими деревянными ручками.

– Вы кино снимаете? – догадался Яшка и широко улыбнулся. – Голливуд? Колламбия-Пикчерс? Йес?

– Парень, я не понимаю тебя, – негромко проговорил мужчина, – ты странно одет. Ты говоришь странные слова. Ты христианин, но крест кладешь не по-нашему. Из какой ты страны?

– Да местный я. Русский. Россия.

– Россия, – едва не по слогам повторил тот. Сморщил лоб.

– Москва... Водка... Гагарин... Владимир Путин...

Из всей трескотни собеседник уловил лишь одно слово. В глазах его мелькнула тень понимания.

– Московия... Это же на востоке. Ого! Далеко тебя занесло, парень. Очень далеко. Но ничего. Капитан «Марианны», сэр Адам Бикфорд, он же наш хозяин, человек добрый. Он доставит тебя до Ямайки. А дальше – как Господу будет угодно. Обычно «Марианна» не берет пассажиров, но у нас недавно от малярии умер матрос. Заменишь пока его. Я покажу, что нужно делать.

– А... вы кто?

– Я, – мужчина улыбнулся, и Яшка заметил, что двух зубов у него не хватает, – я здесь боцман. Том Хаггард. А ты, значит, Джеймс. Ну, хорошо, Джеймс. Отдохни. Дик достанет тебе воды, отмойся... А потом мы подыщем тебе новую одежду, твоя уж больно неказистая...

Боцман встал, собираясь уходить. Парень смотрел во все глаза и ничего не понимал: примерно метрах в десяти от него возвышалась странная конструкция, похожая на огромный столб. Яшка поднял голову... и чуть не спятил. Конструкция несла громаду сероватых, слегка провисших парусов.

– Постойте... Мистер Хаггард...

Боцман обернулся.

– Где мы?

– Примерно в трех днях пути от Ямайки.

– Но... этого не может быть! – Яшка помотал головой. Дикая мысль, пришедшая в голову, заставила его похолодеть.

– А... вы не скажете, какой сейчас год?

– Одна тысяча шестьсот семьдесят шестой, – слегка удивленно ответил боцман.

– Ой, – икнул от неожиданности парень, – е-мое...

– А что не так? – не удержался от вопроса боцман, видя в глазах спасенного неподдельное удивление.

– Да нет, все нормально, – поспешил заверить его новоявленный Джеймс Рик.

Боцман еще секунду смотрел на него, а затем резко развернулся и двинулся вдоль борта, походя подгоняя матросов.

– А ну, там! Подтянуть брамсель!

Яшка приложил ладонь ко лбу.

– Бредятина, – пробурчал он себе под нос, – одна тысяча шестьсот семьдесят шестой... отлично покатались на лодочке.

* * *

Ямайка пестрила и переливалась всеми цветами радуги. Шумные говорливые толпы разномастных и разноплеменных людей заполняли большой город – буйную столицу острова Порт-Рояль. От такого всплеска красок и эмоций у Яшки закружилась голова. И как было ей не закружиться?! Одно имя нынешнего вице-губернатора – Генри Моргана, – внушало страх и уважение. Об этом прославленном и удачливом пирате Яшка Рикович и в своем времени наслушался, а уж прибывая на «Марианне», так и вовсе наслушался такого, что верилось с трудом. Воистину Генри Морган был удачлив сверх всякой меры. Из пирата превратиться не только в вице-губернатора, недавно завоеванной Ямайки, но и стать главнокомандующим её военно-морскими силами. До него, наверное, подобными взлетами в карьере мог похвастаться только Френсис Дрейк.

Как и обещал боцман, его ссадили с «Марианны», и теперь он был предоставлен сам себе. Первым вопросом было: куда идти? В сердце кольнуло, и оно учащенно забилось в юношеской груди. Ах, до чего же хотелось найти дом вице-губернатора и хотя бы одним глазком посмотреть на легенду Карибского моря. Но горячий порыв молодости остудил холодный разум образованного студента. Кто пустит бродягу в дом вице-губернатора?! Да никто.

Итак, вопрос оставался открыт. Следующим и вполне резонным ответом было: в кабак! А где еще можно узнать все новости и сплетни со всего света, только в кабаке или как они тут называются. Благо на прощание его одарили двумя мелкими серебряными монетами за расторопность при работе на судне, а еще, ползая по вантам, он первым заметил землю. Сопляк на марсе проглядел, а он – новоиспеченный моряк Джеймс Рик – заметил. Две серебряные монеты, чем не награда. Решено – кабак! На поиски ушло не более одной минуты. Рик покрутил головой, прошел несколько метров через бурлящий поток портовой жизни и оказался перед вывеской. Огромная доска свисала с наддверных балок на массивных цепях и легонько поскрипывала от свежего ветра, дующего со стороны залива. Пышнотелая русалка, как и положено, обнаженная по пояс, игриво улыбалась посетителям. Рик, не раздумывая, толкнул дверь, вошел вовнутрь «Русалки» и едва успел увернуться от пролетающей табуретки. В кабаке было весело – там шла драка. Рик замер на пороге, пытаясь уразуметь, кто и кого бьет. После недолгого наблюдения он понял, что бьют всех и вся. Он уже намеревался покинуть праздник, но неожиданно на него налетел здоровенный детина с кувшином в руке. Объемистый сосуд уже был занесен для удара, и Джеймс инстинктивно присел – кувшин пролетел мимо. Он не стал дожидаться очередной атаки, врезал нападавшему кулаком по голому пузу. Дитина хрюкнул и тут же получил еще раз. Рик работал, как швейная машинка, монотонно выводящая строчки. С каждым новым ударом юноша прикладывал все больше усилий, настойчиво отбивая противнику внутренности так, что детина не имел возможности даже ответить. Наконец Рик резко выпрямился и приложил детину в челюсть – нокаут! Поверженное тело рухнуло на дощатый пол, сотрясая весь кабак.

– Ух, – выдохнул Рикович, про себя добрым словом помяная инструктора по рукопашному бою в секции, которой он без зазрения совести отдал три года.

Довольный собой, Рик выпрямился в полный рост и огляделся. На удивление драка вокруг уже прекратилась. На полу лежали тела: охающие, стонущие, и пытались подняться. Поле боя осталось за тремя молодцами с обветренными лицами, которые как братья-близнецы были одеты в ярко-красные рубахи и синие парусиновые штаны.

– А ловко ты его! – воскликнул один из них, тот, что был выше всех ростом, – я тебе, парень, слышишь – молодчина.

Рик, поняв, что обращаются именно к нему, подошел ближе.

– Так пришлось, что ж делать?! – равнодушно пожал плечами юноша.
– Так держать, – хлопнул его по плечу второй из троицы, – парень-то не промах, да, Спенсер?

Тот, которого называли по имени, чуть наклонил голову и изучающе посмотрел на Рика.

– Моряк?

«Ага, моряк с печки бряк!» – подумал юноша про себя, а вслух добавил:

– В каком-то роде да.

– Здесь нам больше делать нечего, – вставил высокий, – Спенсер, Джонни, айда на «Фортуну».

– Роджи, может, и парня прихватим, чуёт моя печенка, из него будет толк.

– Роджер, можно просто Роджи, – представился высокий и протянул Риду руку.

– Джеймс Рик, – отвечал юноша, пожимая мозолистую ладонь моряка.

– Ну что? Давай с нами, парень, – не унимался Джонни, – у нас крепкая посуда и отменный капитан.

– Я вижу, что у тебя в карманах ветер, давай с нами, что тут думать, и скоро у тебя в карманах зазвонят дублоны! – подтолкнул Роджер Рика, и моряки громко заржали.

– А вы... это ...пираты? – отважился спросить юноша.

На миг смех прекратился, а затем раздался ещё с большей силой. Причём смеялись не только эти трое, но и те, кто был рядом и расслышал вопрос.

– Ха-ха! Вы поглядите на него, – трясаясь от хохота, сквозь слезы проговорил Джонни, – Мы, и пираты? Ха-ха!

Первым пришел в себя угрюмый Спенсер, собственно он и смеялся гораздо сдержаннее всех.

– Мы не пираты! Мы каперы!

– А есть разница?

– Небольшая, но все же есть.

– Так ты идешь или будешь ломаться как девка? – уняв смех, спросил Роджи.

– Пойдем, – решил Рик, про себя махнув рукой: будь, что будет.

* * *

Знакомство с Робертом Лесли, капитаном четырнадцатипушечной «Фортуны» прошло на удивление быстро. Он пристально оглядел Рика, задал несколько ничего не значащих вопросов и зачислил новобранца в помощники к канониру на правый борт, к третьему орудию. Рик не стал возражать, собственно, выбор у него был невелик. Или стать капером, или пропадать в трюбах Ямайки.

«Фортуна» на следующий же день ушла из залива и взяла курс на юго-восток, а для новобранца Джеймса Рика начались морские будни. Питер, по прозвищу Глыба, седовласый канонир третьего орудия, со шрамом на щеке, незамедлительно принялся обучать вновь прибывшего артиллерийскому делу. Он брал своими огромными ручищами картузы с порохом и показывал, как правильно заряжать и закладывать ядро в ствол.

– Вначале кладем картуз и забиваем банником, понял?

– Да.

– Потом ядро, и опять банником, чтобы плотно, понял?

– Да.

– Теперь бьем протравником – и дырявим картуз...

– Через отверстие...

– Да, через отверстие... пробили картуз, теперь сыпь немного пороху в отверстие, чтобы огонь взялся, понял?

– Да проще пареной репы!

– Повтори теперь сам.

Рик быстро повторил операцию – зарядил орудие.

- А стрельнуть дадите?
- Твое дело заряжать, навожу я, а поджигает Томас – наш ферверкер.
- Кто? – не понял Рик.
- Ферверкер, что не понятно?
- Ага, фейерверкер – понятно!
- Я вижу, ты грамотный очень.
- Да есть малость, – гордо выпятив грудь, ответил новобранец.
- Послушай, грамотный, если ты мне в бою хоть на секунду опоздаешь с перезарядкой, я тебя лично скормлю рыбам, – грозно заметил Питер и, сложив ладонь в кулак, продемонстрировал Рик увесистую кувалду.
- Не грози южному централу... – пробурчал юноша.
- Что?
- Будем стараться, говорю.

* * *

Небольшой городок Санта-Клементина на лазоревом побережье испанской Мексики был вполне заурядным местечком, за исключением разве что небольшого серебряного прииска, организованного здесь с десятков лет тому назад. Колонисты поначалу застраивали его весьма хаотично, но прибывшее высокое начальство в лице коменданта Энерике Барозу внесло некоторое упорядочение. Прежде всего комендант распорядился возвести небольшой форт, аж на десять орудий. К форту присовокупили казарму на сто двадцать солдат его величества и оружейный склад. Ну, и что абсолютно естественно, Барозу выстроил в центре уютный каменный особнячок для себя и своего семейства, и, как набожный католик, распорядился возвести напротив своего нового жилища церковь в честь Святой Клементины.

Население городка едва перевалило за полторы тысячи человек, которые кормились в основном заработками с серебряного прииска. Мирное существование жителей Санта-Клементины продолжалось ровно до той поры, пока Роберт Лесли, капитан каперского брига «Фортуна», не решился навестить сей благодатный край.

Войдя в небольшую гавань испанского городка, английский бриг, развернувшись правым бортом, открыл плотный огонь по земляным укреплениям форта. Джеймс Рик работал исправно, быстро заряжал орудие и выдавал по два выстрела в минуту, за что уже успел получить законную, хоть и весьма сдержанную похвалу от Питера Глыбы.

– Давай, сынок! Молодец! Подавай! – покрикивал канонир сквозь шум и грохот канонады.

Испанские артиллеристы пытались было огрызаться и даже почти удачно. Три ядра угодило в английский бриг, убив четверых корсаров. Однако вскоре канонирам «Фортуны» удалось заставить замолчать испанские пушки, и капитан отдал приказ спускать шлюпки.

– А можно и я пойду? – вдруг спросил Рик у своего канонира.

Не то чтобы ему не терпелось лезть в драку, но все же было чертовски интересно. И еще, какое-то непонятное досели чувство охватило юношу. Может быть, это был просто азарт... страсть? То, что это может быть опасно, что, возможно, придется вступить в схватку, Рик тогда не думал.

– Иди, – равнодушно пожав плечами, ответил Питер.

Рик бегом кинулся к последней отходившей шлюпке с абордажной командой. Гребцы взялись за весла, и десант в считанные минуты оказался на берегу. Выскочив вместе с остальными корсарами, Рик выхватил короткую саблю – единственное свое оружие, полученное от боцмана накануне, и влекомый общим порывом атаки устремился вперед. Лавина корсаров разделилась на три потока. Один устремился к форту, дабы подавить там последнее сопротивление, вторая волна потекла в обход города, туда, где находилась главная цель нападения – серебряный рудник. А третий отряд атаковал сам город, вместе с ним оказался и Рик.

На одной тесной улочке им перегородили дорогу испанские мушкетеры. Их было немного, человек двадцать. Они сделали дружный залп, скосив около десятка нападающих. Пираты ответили пальбой из пистолетов и, яростно крича, атаковали строй солдат. Рик с одной саблей в руках оказался в первых рядах. Мгновенно в разгоряченном мозгу промелькнуло все, виденное им раньше... в другом мире, виденное в кино... Романтика... пираты... реальный бой... Черт его знает, но Рик был готов ко всему!

Азарт атаки охватил его полностью, до боли сжав зубы, он рубанул наотмашь первого подвернувшегося испанца. Удар пришелся по кирасе, а клинок переломился.

– Вот дрянь! – выругался юноша и едва успел уклониться от ответного удара рапирой.

Он пригнулся, ушел от удара, а затем молниеносно всадил свой обрубок сабли под кирасу испанца. Сталь погрузилась в плоть по гарду, и Рик впервые увидел кровь убитого им человека. Но на лирику у него не было времени. Свой укороченный клинок он так и оставил в теле падающего испанца, а сам подхватил выпавшее из рук поверженного противника оружие. Длинный эспадрон послушно лег в руку, и Рик тут же пустил его в дело. Следующего испанца он заколол, угодив точно в горло, но и сам через секунду получил прикладом мушкета в бок. Боль вспыхнула, но мгновенно потухла в азарте боя. Джеймс перехватил свободной рукой мушкет и рубанул по руке. Мушкет упал, а солдат здоровой рукой зажал обрубок и заголосил благим матом. Рик не стал его добивать, из-за его спины раздался выстрел, и испанец с пробитой кирасой завалился на бок. Больше Рик в этой схватке никто не достался. Корсары быстро смяли сопротивление горстки солдат и двинулись дальше. Рик впервые ощутил привкус крови. Ни при порезе или заборе в больнице, а реальной крови, в бою, и она пахло смертью. Чертовски приятно пахло смертью врагов.

– Вон впереди домина, давай к нему! – услышал Рик зычный голос одного из пиратов.

– Давай, парни, вперед, к большому дому! – подхватил кто-то еще, и отряд ринулся к дому коменданта.

У металлической решетки, которой был обнесен дом местного градоначальника, их вновь встретили выстрелами. Первым же залпом убили высокого корсара в черной шляпе с пером, который, как понял Рик, командовал этим отрядом. Второй залп охладил пыл остальных атакующих. Огонь был убийственно метким. Пираты укрылись кто за чем смог, кто за забором, кто за деревьями, кто за близлежащим домом. Рик успел прислониться к каменной опоре входных ворот. Юноша огляделся – пираты перезаряжали мушкеты и пистолеты. А из комендантского дома продолжали стрелять, и на удивление метко. Стоило кому-то неосторожно высунуться, и его тут же находила испанская пуля.

Выглянув из своего укрытия, Рик заметил прямо перед дверьми штурмуемого дома небольшой возок. Его заполняли небольшие деревянные бочки, а один из бочонков стоял рядом на земле. Бочонок оказался продырявлен...

– Порох, – догадался Рик.

Мысль пришла мгновенно. Он дождался, когда отгремит очередной залп испанцев, глубоко вздохнул и кинулся вперед. Рик рассчитал все правильно. До следующего залпа было около сорока секунд, именно столько требовалось опытному мушкетеру на перезарядку. Юноша стрелой добежал до дырявого бочонка, обнял его, словно младенца и тут же кинулся назад.

– Сорок! – выдохнул он, заворачивая за спасительную опору решетки.

Залп! Кто-то из атакующих ойкнул, но Рик словно не замечал этого.

– Огонь есть? – громко спросил он ближайшего корсара.

Тот недоверчиво взглянул на тяжело дышавшего Рика, потом на бочонок.

– Ты что, решил нас подорвать? – спросил он.

– Не нас, а испанцев. Сам посмотри, – Рик кивнул за ограду.

Корсар осторожно высунулся и увидел темный след, тянувшийся от телеги к Рик.

– Да ты ловкий, – усмехнулся корсар.

Несколько ударов по кресалу выбили искру, и порох, запыхав, побежал по следу. Рик

едва успел зажать руками уши, как раздался страшный грохот, послышался звон разбитого стекла, и все вокруг заволочло дымом.

– Вперед! – в азарте скомандовал Рик и первым кинулся к дому....

Глава 2

Джеймс Рик сидел за столом капитанской каюты в белоснежной атласной рубашке и задумчиво созерцал игру света в бокале с перламутровым вином. За окном властвовал новый день и солнце нещадно палило, забравшись высоко в зенит.

– Мда, как же давно это было, – тихо произнес он и залпом осушил бокал, – почти два года... два долгих года...

С ним случалось это крайне редко, вернее сказать, практически никогда, может быть, сейчас это вообще было впервые. Впервые капитан Джеймс Рик напился. Отчего-то именно сегодня, прочитав «Жизнеописание господина Френсиса Дрейка, адмирала Ее Величества», Рик предался ностальгическим воспоминаниям. Он отчетливо помнил свое появление в этом безумном круговороте отваги, предательства и денег. Помнил свое первое появление на борту «Фортуны», теперь уже его «Фортуны», и свой первый бой, после которого он заслужил уважение не только всей команды, но и старого капитана. А потом было еще много чего разного... Абордажи, погони... Иногда «Фортуна» догоняла, а случалось, что и убегала...

Старый капитан «Фортуны» Роберт Лесли, был на удивление внимателен к молодому таланту. Да что там греха таить, Рик иногда и сам ощущал себя чертовски везучим. Всего две царапины на теле, которые оставили после себя лишь скромные шрамы. Да, старина Лесли, упокой господи его душу. Рик вообще всегда с теплотой вспоминал о Лесли. Он дал ему путевку в жизнь.

– Боже, до чего же все нелепо, – капитан Рик прикрыл правый глаз, пытаясь навести фокус на полупустую бутылку, – пираты Карибского моря и капитан Яшка, упс, – он икнул и потянулся за бутылкой.

Вино быстро наполнило бокал.

– Т-с-с-с, – приложив палец к носу, пробурчал капитан, – никакого Яшки Риковича нет и не было... есть капитан Джеймс Рик, черт бы побрал вас всех!

На палубе склянки отбили полночь, было время смены вахт, капитан отпил вина и устало поднялся, опершись о стол. На столе, лежала карта Карибского моря с островами, заботливо прижатая бутылками и тарелкой с вяленным мясом.

– Так... так... так, – пробурчал себе под нос капитан, – куда же ты подевался?

Рик взял перо и принялся почти бесцельно водить им по карте.

– Куда же ты делся? – иногда, лишь иногда, когда он оставался совсем один и никто не мог его случайно подслушать, Рик разговаривал, размышлял по-русски. Порой он ловил себя на мысли, что чувствует себя тайным агентом, посланным в чужую страну, для выполнения сверхсекретной миссии. И это в чем-то роднило его с любимым героем детства, с товарищем Исаевым, в простонародье Штирлицом.

– Ууу, проклятый, – злобно протянул хмельной капитан и рухнул обратно на стул.

Рик был раздражен. Вчера на закате он упустил испанский флейт. Тот нырнул за полосу мелких островков и как сквозь воду провалился. На «Фортуне» стояли все паруса до единого, включая и носовые платки, но все оказалось тщетно. «Испанец» не объявился. А еще через час небо низвергло проклятие и море вскипело от буйного ветра. Рик поспешил укрыться в удобной бухте на острове, где и переждал шторм, который, однако, закончился на диво быстро, так, что за остаток ночи команда еще смогла выспаться.

Джеймс Рик допил бутылку прямо из горлышка и, плюнув от отчаянья на карту, подошел к окну.

– О, развлекаются, – капитан заметил часть своей команды, резвившейся на пляже. Матросы мылись, стирались, ну а кто считал себя безупречно чистым, просто купался. И все

от того, что Рик строго следил за гигиеной в команде и почти силой приучал их мыться. И с мылом!

– Ммм... – Джеймс втянул свежий ветер и ощутил приятных запах жареного мяса.

Конечно, парни жарили мясо...

Выходить из своей каюты в таком виде Рик никогда себе не позволял, дабы не ронять честь мундира и не пятнать высокого звания капитан. Чушь! Конечно, он иногда чувствовал во всеобщих попойках и с ромом и с девочками. НО! Он строго следил и за этим. Никакого рома во время похода. И вот сегодня он дал самому себе слабину, а этого не должен видеть никто.

– Эх, – Рик махнул рукой.

Его мысли вновь убежали к испанскому флейту.

– Ведь глубоко сидел, сволочь... груженный!

Он уже собрался было отправиться спать и, кинув прощальный взгляд в окно, обомлел. Из-за мыса неспешно, выходил тот самый бежевый флейт. Красивый, как игрушечка, в отблесках солнечного света.

– Ап... об... еб... твою... – он захлопал ртом, как рыба выброшенная на берег.

Рик пулей вылетел из каюты на палубу и проорал как иерехонская труба:

– Всем по местам! Живо!

Голос капитана сотряс округу.

– Всем по местам! – Рик тряхнул головой, и хмель улетучился словно по волшебству. – Живее, парни!

Команда, бывшая на берегу, тут же побросала свои приятные занятия и устремилась на бриг.

– Давай-давай! – Рик метался по палубе, подгоняя товарищей.

– «Испанец»!!! – в этот миг раздался крик с мачты.

И это сладкое для всех пиратов слово поддало энергии всей команде.

* * *

Флейт шел ходко. Надо полагать, испанцы заметили незваных гостей и, быстро оценив опасность, добавили парусов. «Фортуна» несла всего две мачты, в отличие от трехмачтового «испанца», и Рик мог надеяться только на легкость своего хода. Флейт же, груженный и оттого глубоко сидящий, не мог уйти от преследователей. Не должен...

Погоня продолжалась уже более двух часов, и бриг успел приблизиться к цели почти на орудийный выстрел.

Капитан английских флибустьеров резким движением разложил подозрную трубу.

Суда сближались, и Рик уже успел прочесть посеребренную надпись на кормовой надстройке.

– Искушение, – по буквам прочел капитан. – Вот уж поистине...

– Гарри! Готовьте носовое!

Через несколько минут Рик счел момент удобным.

– Гарри, дай им под бушприт!

Капитан не верил, что этот сигнал подействует и испанцы остановятся, но все же следовало попробовать.

– Пли!

На баке гроыхнуло, дым, сорванный порывом ветра, отнес смрад в сторону, а ядро умчалось вперед. Снаряд зарылся в воду далеко в стороне от флейта.

– Мазила! – выругался капитан. – Ладно, хватит с них и этого. Дени! Держи им прямо в корму! Робби! Готовь абордажную команду! Дени, ближе, – продолжал Рик руководить штурманом, – ближе... так... прямо на корму... так держать. Гарри – картечь!

– Есть, кэп, – со злой ухмылкой отозвался канонир носового орудия.

Минуты текли чудовищно долго. Высокая корма бежевого флейта медленно, но

приближалась. Джеймс Рик уже видел и без трубы, как испанцы готовят фальконеты, разворачивая их в сторону пиратов.

А затем, два кормовых порта открылись и оттуда выползли жерла пушек.

– Все с носа! – дико заорал Рик и первым скатился по трапу.

Расстояние было убойным, промахнуться – нереально и все же, видимо, испанские канониры слишком поторопились. Одно ядро лишь по касательной задело обшивку борта, не причинив никакого вреда. Зато второе, нырнуло под самый бушприт, пробило доски и гулко рвануло внутри.

– Готовсь! – Рик вскочил на носовую надстройку. – Гарри – картечь! Робби – тащи брус!

– Высоко! – проорал канонир.

– Что? Черт!

Рик закрутил головой. Он как-то сразу не сообразил, что борт флейта слишком высок. А нужно, очень нужно достать испанских канониров картечью.

– Робби, где брус?

– Тут!

– Давай его сюда, – решение пришло само собой.

Массивный брус, предназначенный для стопорения вражеского руля, мгновенно упал на палубу.

– Дружно!

Два десятка пиратов облепили носовое орудие, как трудолюбивые муравьи. Они приподняли лафет и подсунули брус.

– Мало! – почти простонал Гарри.

– Малыш! – закинув голову, прокричал капитан. – Убирай паруса! Дени, клади левее! Теперь все! Взялись за брус! Робби, еще людей! С двух сторон! – Рик торопил. Испанцы уже готовы были окатить их картечью из фальконетов.

– Подняли! Держим! Гарри, черт поганый – пали!

Опытные пираты открыли рты, дабы не оглохнуть от близкого – ба-бах! Единственное носовое орудие «Фортуны» изрыгнуло картечь. Свинцовые нарезки смели прислугу испанских фальконетов.

– Хорошо! Робби, брус на руль! Давай-давай!

«Фортуна» с частично зарифленными паруса мягко ударилась о корму «испанца». Абордажная команда тут же закинула на высокий борт крюки, а Робби с еще пятью пиратами ловко пристроил брус, застопорив руль флейта.

– Бомбы! – скомандовал Рик.

Этим он мог гордиться. Ни у кого, ни на одном судне, бороздившем водные просторы Нового Света, не имелось таких адских штучек. Рик давно приметил, что ручные бомбы семнадцатого века несовершенны. Он лично усовершенствовал их. Ведь сущий пустяк сделать на бомбе продольные и поперечные надпилы. Тем самым Яшка Рикович заполучил в свой арсенал своеобразную «лимонку». Правда, несколько увеличенного размера...

С десятков пиратов, уже державшие наготове ручные бомбы, размахнулись и закинули их на палубу «испанца». Не прошло и десяти секунд, как послышались взрывы, отчаянные крики и корму флейта заволочло серым дымом.

Испанцы не убирали паруса, и теперь флейт тащил за собой пиратский бриг. Оба судна сцепились мертвой хваткой. Рик прекрасно понимал, что с кормы им на палубу не проникнуть, разве что...

– Робби, каюта!

Ряд окон в кормовой надстройке были вполне достижимы. Как только капитан англичан озвучил эту мысль, окна разлетелись и сразу с десятков дул изрыгнули смерть. Трое пиратов упали на палубу.

– Католические собаки! – взревел канонир Гарри и первым разрядил свой пистолет.

Его примеру мгновенно последовали и остальные пираты. Тут же три широкие доски

влетели в оконные проемы.

– За мной! – скомандовал Рик, выстрелив в оконный проем.

Он вытащил второй пистолет, левой рукой выхватил дагу, вскочил на подставленную доску и первым рванул на abordаж.

* * *

Англичане во главе с капитаном быстро очистили огромную, по всей видимости, капитанскую каюту и разъяренным потоком хлынули на верхнюю палубу.

– Робби, бери нижние деки!

Пират кивнул.

Как только они оказались на палубе, их встретил дружный залп мушкетеров. Свинцовые пчелы смертельно ужалили несколько человек. Рик решительно перешагнул через труп своего матроса и выстрелил, почти не целясь. Испанец, в начищенной до блеска кирасе, рухнул лицом вниз.

– Вперед! – взмахнул рукой пиратский капитан и со злостью швырнул опустевший пистолет в лицо испанского мушкетера. Рик рывком вырвал из ножен увесистый эспадрон, тут же пустил его в дело...

Испанцы защищались отчаянно, дорого отдавая свои жизни. С потерями, англичанам удалось оттеснить мушкетеров до бизань-мачты, где началось самое интересное...

– Откуда вас столько прет! – Рик в порыве ярости выругался на русском, приложив еще пару крепких, никому здесь не понятных ругательств.

Из носовой надстройки, как чертики из табакерки, вынырнули с два десятка испанцев в черных камзолах. И прекрасная толедская сталь в их ловких руках пошла гулять, жаждавшая вражеской крови.

– Ёе, – Рик обернулся, и это было спасение.

Десяток его, как он их гордо именовал гренадеров, запалили ручные бомбы.

– Назад! – едва не порвав горло, проорал Джеймс, и, подавая пример своим парням, первым бросился назад к кормой надстройке. Испанцы на миг опешили, удивляясь такой прыти пиратов, и тут же поплатились за свою нерасторопность. Десять «лимонок», противно шипя шнурами, метнулись в строй испанцев. Две или три штуки рванули прямо в воздухе, видимо, гренадеры поспешили и слишком укоротили фитиль – получился эффект шрапнели. Пираты во главе с Риком за секунду до первого разрыва упали на палубные доски, избегая летящей смерти. Осколки горячими кусками металла легко пробивали кирасы и рвали плоть. Остальные снаряды, бухнувшись о палубу, закатились под ноги черным камзолам и рванули их строй. На несколько секунд половину флейта заволокло вонючим туманом. А гренадеры – красавцы! Они уже извлекли пистолеты и разрядили их прямо в этот туман...

На миг стало тихо как в раю... а затем флейт огласился душераздирающими стоном раненых. Когда дымка рассеялась, Рик встал и узрел кровавые массы, которые перекатывались по палубе, истошно призывая на помощь Господа Бога и деву Марию. Двое испанцев, голосили громче всех. Один с оторванной кистью, прижав культю к груди, бережно качал ее словно больного ребенка. Другой, сидя, пытался обеими руками дотянуться до оторванных пяток....

Капитан «Фортуны» еще раз огляделся. Несколько коварных осколков бомб все же нашли свои жертвы и среди его команды. Но главное было сделано – на верхней палубе противников не осталось.

Через минуту металлическая решетка люка откинулась и показалось довольное лицо Робби.

– Кэп! – воззвал он, высунувшись из отверстия. – Внизу чисто!

– Отлично!

– Мы нашли... Вам лучше взглянуть самому.

– Гарри! Стив! Осмотритесь везде! Оружие собрать! – капитан, быстро дав указания,

поспешил на нижние деки.

Рик и Робби спустились в трюм.

– Вот! – гордо изрек Робби, откидывая парусину.

Взору капитана открылись многочисленные ящики.

– Ну чего скалишься? – спросил Рик. – Уже посмотрел?

– Да, – продолжая улыбаться, заговорщически ответил пират.

– Ну?

– Серебро!

– Тихо. Не ори. Во всех ящиках?

– Во всех, кэп. Во всех...

С этими словами Робби забрался на ящики и полностью скинул укрывавшую их ткань.

Рик упер руки в бока.

– Мда...

Ящики, новенькие, еще не успевшие потемнеть, высились в три ряда и занимали почти весь объемный трюм флейта. Рик подошел и скинул крышку одного, другого, третьего...

– Я же говорю, кэп, во всех!

Улыбка на лице Робби лишь подчеркивала его легкое умопомрачение.

– Серебро!

«Мда, – ухмыльнулся про себя Рик, – тут есть от чего потерять голову...»

В ящиках лежали новехонькие серебряные слитки, аккуратно уложенные вплотную друг у другу.

– Сколько же тут, кэп? – все больше дурея от блеска счастливого будущего, спросил Робби.

– Много, Робби, много... боюсь всего это нам на «Фортуне» не разместить.

– Возьмем вместе с флейтом! – пират едва не прыгал на ящиках от радости.

– Ты sdурел, Робби! Тащить это корыто, через испанские воды! Возьмем сколько сможем. Остальное – к Посейдону!

– Куда?

– В воду! Вижу по твоим глазам, что жалко. Но выбора нет, Робби. Нам этот флейт тащит куда бы то ни было опасно. Вред ли этот испанец был один. Скорее всего, отбил от каравана. Флейт могут искать! А ты знаешь, как испанцы охраняют свои караваны? – в любом другом случае Рик не стал бы объяснять, но сейчас, когда дело касалось большого куша... Он знал Робби как облупленного, тот обязательно донесет все до команды, а Рик было проще, когда парни не драли глотку, ища правды, а знали все наперед.

– И не будем спорить! – капитан чуть повысил голос. – Нельзя рисковать. Берем, что можем, и уходим.

Глава 3

Порт-Рояль процветал и пах, по-разному... Запахов было так много, что они все, слившись воедино, столь перемешались, что уже трудно было отличить какой и где. Вонь от требухи морепродуктов впиталась в ароматы каштанов, запахи смолы и потных тел накладывались на духи парфюмерных лавок, а гниение старых рыбацких лодок впитывалось в дурман рома. А на эту ароматную карусель море накладывало собственное благоухание, и еще где-то чуть в стороне сладковато потягивало коноплей...

«Фортуна», осевшая чуть не по самые орудийные порты, неуклюже вошла в гавань и встала на якорь. По прибытию в Порт-Рояль у капитана Джеймса Рика не было четкого плана, как пристроить свалившееся счастье в виде нескольких тонн первоклассного мексиканского серебра. И главное куда? То есть кому? Он перебрал в памяти всех представителей торговых компаний, который знал и которые держали свои конторы на Ямайке. Но кто обменяет такую кучу серебра на золото. Про золото Рик подумывал вяло. Хотя его по обмену окажется меньше, его легче поделить и спрятать. Но...

Если Рик все правильно себе представлял, то при курсе один килограмм золота за десять серебра, все равно получалось неприлично много.

– Кто обменяет все это серебро? – бормотал себе под нос капитан, пока спускали шлюпку.

И тут его взгляд упал на «Марианну». Судно-спаситель, что два года назад подобрало его из воды.

– Адам Бикфорд, – вспомнил Рик хозяина торговой компании имени себя. – Компания «Бикфорд»... так-так-так...

Мысли сконцентрировались на «Марианне» и ее хозяине. Туда же прицелилась и шлюпка.

– Вахтенный! – громко позвал Рик.

– Чего? – с борта «Марианны» свесилась кислая рожа.

– Мистер Бикфорд на судне?

– Нет.

– А где?

– На берегу, где же еще...

– Точнее можешь?

– Тебе-то, господин, что за дело?

Рука метнулась к кошельку, и серебряный шиллинг полетел вверх. Вахтенный тут же заглотил наживку.

– Мистер Адам с сыновьями будет обедать дома.

– Где его дом?

– Ну, господин... Кто же не знает дом уважаемого мистера Бикфорда...

В руке Рика появился еще один шиллинг.

– Где его дом? – повторил он свой вопрос, маня вахтенного серебром.

Матрос неприятно улыбнулся:

– Если господин сойдет вон там, – вахтенный протянул руку, – на южном пирсе, то от него пойдет улица Де Вальядо, вам туда. Потом сверните налево к собору Святого Себастьяна, затем через площадь, налево на улицу Алаведо и увидите большой двухэтажный дом с тремя колонными при входе – это и будет дом нашего хозяина.

– Молодец, – поблагодарил Рик и отвернулся.

– Эй, господин, а шиллинг?

Рик, не оборачиваясь, замахнулся и через плечо бросил монету. Она не долетела до вахтенного всего чуть-чуть и булькнула в воду.

– В расчете!

* * *

Капитану «Фортуны» за эти годы приходилось неоднократно бывать в этом самом грешном городе во всем христианском мире. Именно так его прозвали многие, а особенно испанцы, которые потеряли его в середине семнадцатого века. Теперь бывшие хозяева молили Бога, чтоб сей развратный Вавилон утонул в собственном грехе и чтоб пучина морская поглотила его. Испанцам было отчего ненавидеть обитателей Порт-Рояля, ибо добрую треть всего населения составляли отважные храбрецы, джентльмены удачи. Или выражаясь языком испанской инквизиции – висельники, еретики и пираты.

Но несмотря на все многотысячные молитвы поданных испанского короля, город рос и процветал, хотя немного и пахивал...

У ограды дома мистера Адама Бикфорда Рик был уже через час. Он оставил своих провожатых чуть в стороне, а сам решительно дернул за звонок.

К металлической решетке-калитке подбежал шустрый юнец.

– Что угодно господину?

– Господину будет угодно видеть твоего господина.

– А кто его спрашивает.

– Капитан Джеймс Рик.

– О, – парень чуть отпрянул от калитки, – капитан Рик, одну минуту.

Юнец пулей умчался по короткой аллейке к дому. Минута, и он уже несясь обратно.

– Прошу вас, господин капитан. Мистер Адам ждет вас, сэр.

Рик важно вышагивал по аллее, а мозг уже напрягал память. А память, всколыхнувшаяся от мощного импульса, выдала хозяину нужную информацию. Мгновенно созревший план обрел нужные формулировки. Оставалось убедить Бикфорда во взаимовыгодном контракте.

– Джеймс! – обрадованно изрек Адам Бикфорд, когда капитан вошел в кабинет. – Ваша слава, молодой человек, опережает вас.

– И я искренне рад видеть вас, мистер Адам, – последовал обмен рукопожатиями. – Вы однажды спасли мне жизнь, и я чертовски вам признателен.

– Не стоит, мой друг, – Бикфорд отмахнулся. – Прошу садиться.

– Благодарю, – Рик сел в широкое кресло, обтянутое тончайшей кожей.

– Как ваши успехи, Джеймс? Я слышал, вы теперь капитан.

– Да. У вас верные слухи, – Рик открыто улыбнулся. – У меня четырнадцатипушечный бриг и восемь... – он осекся, – пятьдесят отменных головорезов.

Бикфорд уловил осечку в голосе и спросил напрямую:

– Было дело?

– Небольшое, но весьма выгодное. Нам удалось уладить кое-какие разногласия с испанским флейтом.

– О, Джеймс, вы здорово рискуете, – мистер Адам погрозил пальцем. – Между Англией и Испанией вот уже несколько лет как мир.

– Никак не могу простить себе, что не успел к той войне, – Рик вновь растянулся в улыбке.

– Так, значит, вас можно поздравить с победой?

– С полной!

– Тогда виски? У меня настоящий шотландский виски, а не те выжимки, что подают за пенни в здешних кабаках.

– С превеликим удовольствием, мистер Адам.

Хозяин дома извлек из буфета двухпинтовую бутылку и разлил по бокалам.

– За вашу «Фортуну» Джеймс, ибо ваш бриг оправдывает свое название!

– За «Фортуну»!

– И за ее капитана.

– Вы льстите мне...

Бокалы легонько соприкоснулись, издав тонкую мелодию.

– Виски чудесен, – причмокнув, заметил Рик, и его взгляд на секунду остановился на бокале с голубоватым отливом.

– Венецианское стекло, – не без гордости заметил Бикфорд. – Я вожу понемногу эту прелесть.

– Мда... – Рик отставил бокал и, закинув ногу на ногу, продолжил: – Я, собственно, мистер Адам к вам по насущному вопросу...

– Понимаю-понимаю, – поспешил заверить его коммерсант, – какова добыча?

– Серебро.

– О! В слитках?

– Вы проницательны...

– О какой сумме идет речь?

– Видите ли, скорее меня интересует не прямая продажа, а обмен... скажем некий товар в обмен на серебро.

– Ну что же... Моя компания возит в Новый Свет много разных товаров, – глаза Бикфорда улыбнулись, – впрочем, как и обратно. Вы желали бы часть серебра обменять на

товары, а часть продать? Я правильно понял?

– Почти... Все будет зависеть от стоимости товара.

– Тогда я хотел бы услышать перечень интересующих вас товаров.

– У вас найдется перо и бумага?

– Обижаете... – хозяин торговой компании, поднялся и быстро приготовил на письменном столе все необходимое. – Прошу.

– Буквально две минуты, мистер Адам.

– Не спешите, я подожду, – заверил Бикфорд и, отойдя от стола к буфету, принялся не спеша колдовать над виски и бокалами.

Джеймс Рик писал, тщательно выводя крупные буквы английского алфавита. Он трудился недолго.

– Прошу вас, – Рик протянул список.

– Так. Ну и это просто, – начал изучать бумагу коммерсант. – А... О! Чудо! Ага... Мда, Джеймс! – воскликнул Бикфорд. – У вас прекрасный аппетит. Вы хоть представляете сколько будет стоить хотя бы вот это... где это? Ах, да, вот – железные ядра – 1000 штук! Это дорогие игрушки даже для короля! Я не говорю уже, про... как вы там написали – шестизарядные мушкеты системы Багга. Я слышал об этом оружейнике, да-да и даже имел честь быть представлен. Моя компания торгует его изделиями, но, – Адам поднес руку к виску, – но вы представляете себе Джеймс, какие у него цены? Один лишь раз он показывал мне свой новый мушкет, но я не взялся торговать этим оружием. Его цена – девятьсот фунтов!

Рик молчал. Он слушал. И чем больше расходился коммерсант, тем больше ширилась улыбка капитана.

– Я не понимаю, Джеймс, – продолжал Бикфорд, – вы меня либо дурачите, либо... извините, но ваш список тянет минимум на пятьдесят тысяч фунтов. Признайтесь, молодой человек, вы взяли кассу всей Ост-Индийской компании?

– Вовсе нет, – Рик сложил руки в замок и весьма непринужден попросил: – А можно еще виски?

– Да сколько хотите...

Хозяин дома налил, и они выпили не чокаясь. Затем Рик решил играть в открытую:

– У меня в трюме слитков, по меньшей мере на девяносто тысяч, я думаю этого хватит.

– Сколько?

– Примерно на девяносто тысяч...

Адам Бикфорд закашлялся.

– Простите... что-то погода нынче...

– Сколько времени понадобится на выполнение заказа? – спросил Джеймс, когда приступ кашля у владельца торговой компании миновал.

– Не меньше года. Но есть очевидная трудность, Джеймс... Видите ли, в Англии мне никто не ссудит такую сумму, а везти через океан, такое количество серебра, это весьма хм... проблематично.

– Понимаю вас, мистер Адам, и готов сопровождать груз лично на своей «Фортуне».

– О! Но ваши люди? Они же могут произвести фурор в портах Англии.

– Я улажу эту проблему. А вы, мистер Адам, закупите для нас сто пар приличных комплектов одежды. Ну, вы понимаете? Чтобы не стыдно было перед лондонцами...

Глава 4

У него было все. Ну или почти все из того, о чем только может мечтать джентльмен удачи. Прекрасный корабль с днищем, обитым медью, отчего «Фортуна» позабыла это въедливое слово «ракушки». Его четырнадцатипушечный бриг осыпал противника стальными ядрами, которые пробивали любые борта любых судов и даже на предельной дистанции. И это было чудо, которое он сотворил своими руками. Люцифер! О, да! Испанцы

избегали встреч с бронзовым бригом.

Рик мог гордиться не только кораблем, но и командой. Почти сотня отменных парней, с железной дисциплиной, – это ли не мечта любого капитана. Команда верила в него, ведь еще не было случая, чтобы «Фортуна» сидела без дела и без добычи. Уже несколько десятков отменных ребят скопили себе на кусок земли и на ферму. И теперь наслаждались жизнью на берегу в окружении женушек и сопливых отпрысков.

А чего стоил десяток морских гренадеров, которые угощали противника «лимонками». Насечки на ручных бомбах увеличили осколочность и количество испанских сирот. Люцифер!

Не раз и не два Рик поминал Господа Бога, который так неосторожно, шесть лет назад, даровал ему испанский флейт и серебро из его чрева. Слава тебе, о Боже!

Капитан лично обучил абордажную команду диковинным приемам рукопашного боя. Передал им почти все, что знал сам. И как-то вспомнив слова одного наполеоновского гренадера о том, что Бог помогает не большим батальонам, а тем, кто лучше стреляет, он изрядно потратился, чтоб так оно и было. И не только лучше, но еще и быстрее. Шестизарядные барабанные мушкеты мастера Багги – это было само совершенство, разумеется, в рамках семнадцатого века. Шесть выстрелов в минуту против одного вражеского. Но и это еще не все! Мушкеты мистера Багги имели нарезы, что повышало не только их цену, но и эффективность. Но это был строжайший секрет. Никто и никогда из команды не сходил на берег с казенным оружием. Три десятка мушкетов системы Багги хранились под запором и выдавались только перед боем. Три десятка... но это только пока. Денег Рик не жалел. Он покупал эти мушкеты всегда, когда имелась хорошая добыча. А мастер Багги трудился. Медленно, но очень качественно. Ведь его мастерская, да что там мастерская, почти фабрика, построенная на деньги Рика, находилась всего в нескольких милях от...

– Тсс! – Капитан приложил палец к собственным губам и с подозрением огляделся – в каюте не было никого.

Всего неделю назад наступил кризис. Капитан запил от скуки. В море больше не хотелось. Там не осталось ни тайн, ни загадок. Все одни и те же маневры, галсы, а потом – огонь! И абордаж!

– Тьфу! – Рик попытался сплюнуть, но не вышло.

Он налил себе еще и долго вглядывался в голубоватый отлив венецианского стекла.

– Ммм, какой бокал, – бокал опрокинулся, и виски приятно наполнило душу.

Джеймс облокотился на стол в попытке подняться.

Под рукой он что-то ощутил и медленно поднял ее. Маленький, совсем засохший цветок с остатками голубоватого бутона лежал перед туманным взором капитана.

– Ах, это ты, мой ирис, – Рик взял цветок, – ну и сколько же мне тебя хранить?

В голове опять, уже в который раз, пронеслись мысли о нелепой встрече с цыганкой. Сколько раз, сколько раз он пытался найти ответ на мучивший вопрос – как вернуться назад? За долгие годы от этого вопроса уже тошнило. Он крутил цветок и так и эдак, но все было тщетно. Бутон не раскрывал тайны возврата, как Рикович не старался. И ни малейшего намека, ни полуслова, ни полудвижения в сторону вожака двадцать первого века...

И он смирился, устал... Эта жизнь, на Карибах, горячая, как кипяток, забрала его с головой и погрузила в кроваво-золотую карусель. Было... уже много чего было ... И наплевать на все демократические ценности и права человека. Он жил, как умел, как умел, воевал и проливал кровь врагов. Иногда это было отчаянно, даже слишком, за что умудрился получить от неприятелей пугающее прозвище – Люцифер!

Капитан постоял в нерешительности, а затем резко отшвырнул от себя гербарий.

– Да иди ты, чертова гадалка...

Пошатываясь, он добрался до постели и, завалившись на бок, крепко уснул. Свежий бриз ворвался в раскрытое окно и принялся раскачивать ставни. Створки окна глухо ударились о балку и мелодично выбивали: ирис... ирис... Ирис!

* * *

Ирис Нортон, уютно облокотившись на мягкую подушечку, восседала на диване и отчитывала прислугу:

– Мэри, я ведь просила не беспокоить меня. Неужели это так трудно?

– Но, мисс Нортон, – нерешительно произнесла молодая девушка с толстыми русыми косами, – я бы не ослушалась вас, но господин Альфред...

Она одернула передник с кокетливыми оборками, разгладила юбку и, не зная, куда девать руки, сцепила их в замок.

Дочь хозяина, вышеупомянутого господина Альфреда, поднялась с дивана, в досаде отшвырнув обшитую кисеей атласную подушечку. Мэри проводила ее глазами. Подушечка пролетела над низким столиком и сбила кипу бумаг с какими-то пометками. Письма Ирис, как чайки, разлетелись по комнате. Под ними обнаружилась толстая книга в обложке из коричневой кожи. Собирая листки, Мэри стрельнула глазами по золотистому тиснению: «Жизнеописание господина Френсиса Дрейка, адмирала Ее Величества».

«Странные увлечения у госпожи», – подумала горничная, но голос хозяйки вернул ее на землю.

– Граф Эльсвик приехал, не так ли?

Мэри, взволнованная сверх меры, только кивнула.

– Отцу не терпится сосватать свою компанию за герб какого-нибудь аристократа. И этот мальчишка подвернулся весьма кстати.

– Не говорите так, мисс Нортон, – встряла Мэри, – отец желает вам добра. И потом, молодой Эльсвик очень мил. Он красив, полон достоинства, грациозен. Настоящий дворянин, да что там, настоящий принц! – карие глаза Мэри затуманились.

– Ну, ну, – усмехнулась будущая леди Эльсвик, – в твоем лице, Мэри, он приобрел неплохого адвоката. Жаль, что такие прекрасные слова пропадают даром. У меня нет ни малейшего желания их выслушивать.

– Но ведь вчера вы...

Девушка резким кивком подтвердила.

– Да, я дала согласие на брак. Граф получит мою руку. Но не сердце.

– Разумеется, – кивнула Мэри. – Ведь у вас его нет.

Пока мисс Нортон препиралась с горничной, в гостиной просторного дома Нортонов, предместье Уэрствуд, томился в ожидании двадцатилетний жених. Если быть точными, то до двадцати одного года графу оставалось какие-нибудь два месяца и восемь дней. Он стоял у подножия витой лестницы, облокотившись на перила, и рассматривал статую Афродиты на высоком постаменте. Скульптура была довольно нескромной, но изысканно одетый и блестяще образованный аристократ тешил себя мыслью, что рассматривает ее с чисто академическим интересом. Взгляд графа соскользнул с мраморной груди и пошел блуждать по стене и шторам цвета...

– Цвета... м-м... фисташек, – определил граф, – или, скорее, омлета с зеленью.

Приземистая мебель была, пожалуй, еще терпима, но громадная картина «Лебеди на пруду» просто убила графа.

– Лучше бы Нортон вставил в эту раму бухгалтерский отчет своей компании, – улыбнулся Эльсвик.

В это время в глубине холла распахнулась маленькая, почти незаметная дверь, и возник хозяин: плотный, широкоплечий, с блестящей лысиной в венчике седеющих волос и цепким взглядом дельца. Он быстро пересек холл, ступая слегка вразвалку, словно под ногами все еще была палуба маленькой каравеллы «Корона», с которой и началась когда-то «Торговая компания Нортон». Хозяин широко улыбался.

Короткая рука взлетела с явным намерением хлопнуть Эльсвика по плечу, но будущий зять едва заметно отстранился. Рука тотчас изменила траекторию, изобразив приглашающий

жест:

– Добро пожаловать, милорд. Рад видеть, – в голосе звучала сердечность, правда, несколько наигранная.

Граф поклонился, напомнив танцкласс тому, кто знает, что это такое.

– Надеюсь, вы не очень устали, – спросил Нортон, – дорога длинная.

«Целых четыре мили», – усмехнулась про себя Ирис, наблюдая эту встречу с верхней ступени.

Услышав шорох материи и легкие шаги, мужчины обернулись, граф не успел ответить. Она спускалась, тонкая, гибкая, в сером домашнем платье. Граф отвесил самый грациозный поклон из всех возможных. Она была достойна этого. Отец поглядел на Ирис с опаской, но, увидев ее улыбку, немного расслабился. Совсем немного, потому что дочь была совершенно непредсказуема.

После страшной болезни, которая едва не унесла ее жизнь, Ирис очень изменилась. Одно время отец даже опасался, что многодневная лихорадка повредила ее рассудок. Дочка не узнавала людей, которых знала с самого детства, путала столовые приборы, задавала странные вопросы. Один раз она умудрилась заблудиться в собственном доме, который знала, как свои пять пальцев.

Но время, заботы и долгое морское путешествие сделали свое дело. Постепенно девушка все вспомнила, перестала избегать отца и близких друзей, в Нортон-хаус снова зазвучал ее звонкий смех. И вот – помолвка. Та, которую он едва не потерял, вскоре выходит замуж. Правда, похоже не слишком охотно. Но и без особого недовольства.

Пропустив ее вперед, Нортон и граф потолкались, выясняя, кому идти первым. Когда они наконец разобрались, девушка села, аккуратно расправив складки любимого платья. После секундного колебания граф подошел к невесте и встал рядом.

– Ты хотел говорить со мной, отец, – Ирис склонила голову, прикрыв ресницами лукавые глаза, – я слушаю.

Нортон расхаживал по комнате, поминутно дергая полы сюртука. Он был взволнован.

«Мотается как маятник», – подумал граф. «Торчит как грот-мачта», – мелькнуло в голове у хозяина. «Хороши!» – про себя рассмеялась Ирис.

– Дочка, – решился наконец Нортон, – у меня появилась идея. И, мне кажется, неплохая идея. Через месяц «Полярная звезда» уходит в Новый Свет по делам фирмы. Правда, Мак-Кент не рвется на Ямайку...

Ирис улыбнулась. Отец мнил себя Макиавелли, хотя все его хитрости были видны как на ладони.

– Я думала, меня пригласили, чтобы определить день свадьбы, и для этого милорд граф нанес нам визит. Видимо, я ошиблась.

– Об этом я и толкую! – воскликнул Нортон. – Ты ведь хотела посетить колонии? Я подумал, что этот рейс может стать вашим свадебным путешествием.

Нортон остановился. Взглянул на дочь. На Эльсвика.

– Шхуна отплывает через месяц, – напомнила Ирис, – в это время господин граф будет еще считаться несовершеннолетним. Свадьба может состояться только через восемь недель.

– Девять, – со вздохом поправил Эльсвик.

– Пусть это вас не беспокоит, – Нортон решительно рубанул воздух ладонью. Отец Уильям Картрайт отправляется с вами с миссионерскими целями. По истечении девяти недель он скрепит вас узами брака прямо на борту «Звезды». А медовый месяц вы проведете на островах. Из хмурой английской осени прямо в лето! Каково?!

– Идея великолепна, – мягко сказала девушка. – Она мне по душе. Но меня беспокоит одно обстоятельство. После свадьбы мы собирались жить в родовом поместье Эльсвиков. Но, да простит мне граф, дом этот запущен. Ты успеешь до возвращения «Звезды» привести его в порядок?

Граф побледнел, но промолчал. Его рука нервно сжала спинку стула. Невеста была во всем права. Он, британский аристократ, потомок славного рода, был совершенно разорен. И

Нортоны это отлично знали. Отец покосился на дочь со смутным неудовольствием:

– Почему бы вам на время не избрать своей резиденцией нашу виллу в Италии?

Ирис пожала плечами так, словно очевидная глупость этой мысли бросалась в глаза.

– Я собираюсь быть хозяйкой дома, а не странствующей авантюристкой. А для этого, в первую очередь, нужен дом.

Нортон задумчиво потер переносицу, но ничего не возразил. Он по опыту знал, что, если Ирис вбила что-то себе в голову, с этим придется считаться. Впрочем, он тоже был упрямым, а до отплытия «Звезды» оставался еще целый месяц.

* * *

Погода не баловала отбывающих. Холодный северный ветер гнал по небу тяжелые, серые тучи. Ирис вышла из экипажа, взглянула на свинцовое море и невольно поежилась. Волны с сердитым шумом накатывали на портовый мол и отступали лишь для того, чтобы собраться с силами для новой атаки. Но в шерстяном темно-красном дорожном костюме и аккуратно укрывающей волосы маленькой шляпке Ирис не замерзла на ветру. Она прошла немного вперед по причальному пирсу, вдыхая горьковатый запах морской соли и менее приятные ароматы пеньки и дегтя. Порт жил своей обычной жизнью. На рейде стояли корабли британских и иностранных торговых компаний. Меж ними и портом сновали стремительные гребные суда таможенной службы. Портовые грузчики с грохотом перетаскивали длинные ящики, беззлобно огрызаясь на отрывистые распоряжения седого человека в коротком плаще. Рядом, засунув руки глубоко в карманы, торчали портовые зеваки. Увидев Ирис, они мгновенно бросили грузчиков и уставились на нее. Но девушке были безразличны и грузчики, и зеваки. Она смотрела на пенную полосу прибоя, пытаясь угадать: будет ли шторм. По всем приметам выходило, что не будет. Бог решительно поддерживал Альфреда Нортон. И, должно быть, правильно делал.

Ирис перевела взгляд на шхуну, стоявшую у пирса. «Звезда» была гордостью торговой компании Нортон. Белая, как пенный бурун на волне, трехмачтовая, с косой парусной оснасткой. Несмотря на полные трюмы, она сидела в воде не глубоко и была очень устойчивой. Кроме явных достоинств у «Звезды» было и одно скрытое: ее трюмы, словно волшебная фляга из старой сказки, вмещали всякого товара намного больше, чем можно было предположить, глядя на гладкие обводы судна. Ирис бросила короткий взгляд в сторону экипажа. Граф так и не вышел. Девушка пожала плечами. Фыркнула. Но поведение жениха недолго занимало ее мысли, потому что возле переброшенных сходней она заметила знакомую фигурку. Задушевную подругу, смешливую и азартную дочь судьи Бэрта. Ирис подобрала юбку, в одно мгновение преодолела расстояние до причала и взбежала по крутой лесенке на деревянные мостки. Девушки обнялись.

– Кэтрин! – улыбнулась Ирис, – я и не знала, что ты вырвешься меня проводить.

– Я тоже не знала, – рассмеялась девушка. – До самой последней минуты. Потом потихоньку выскользнула через черный ход – и вот я здесь. Мать, конечно, рассердится. Бедняжка вбила себе в голову, что я нездорова. Но, честное слово, я чувствую себя отлично. И как я могла не проводить тебя?

В карих глазах Кэти, заслоня горячую разлуку, сверкали искры смеха.

– Свадебное путешествие в Новый Свет! Боже, как я завидую вам, графиня!

– Перестань дурачиться, – фыркнула Ирис.

– Даже не подумаю, – отозвалась Кэтрин. – Но где же твой жених? Я думала, что вы не расстаетесь, как пара голубков, а он спрятался в карете. Кого он боится: меня или моря?

– Я рассержусь!

– Все, все. Больше не буду, – Кэтрин вдруг прищурилась и протянула: – а если на вас нападут пираты? Хватит у него пороха, чтобы защитить невесту? Особенно, если это будет сам Джеймс Рик...

Неожиданно для себя Ирис почувствовала странное возбуждение. Она схватила

подругу за руку:

– Ты что-нибудь знаешь об этом короле пиратов?

– Только то, что говорят гости моей высоконравственной матушки из благотворительного комитета.

– И что они говорят?

– Что он отъявленный негодяй и ему помогает сам дьявол. Этот пират продал ему душу, принадлежит к тайной секте и всех своих несчастных пленников приносит в жертву сатане.

– Неужели и женщин тоже? – побледнела Ирис.

– Женщин? О! Он на них женится, а потом душил как Синяя Борода! – проговорила Кэти замогильным голосом.

Девушки поглядели друг на друга и рассмеялись. Кэтрин – весело, Ирис – натянуто. Подруга скользнула взглядом по причалу и заторопилась:

– Идут. Нужно прощаться. Желаю тебе счастья, подружка. Но, если что, держи его крепко. Муж – голова, жена – шея. Куда хочу, туда верчу. Так говорит моя матушка, а она в этом знает толк.

– Я вернусь, – пообещала Ирис, – очень скоро.

Но они все еще держались за руки и не могли расстаться. И только когда граф Эльсвик и Альфред Нортон подошли совсем близко, после церемонного приветствия, Кэтрин как-то сразу отдалилась и исчезла.

Ирис посмотрела вперед. «Полярная звезда» ждала ее. Она подошла к отцу.

– Ну, с богом, дочка.

Нортон неловко поцеловал ее, сбив шляпку. Она долго поправляла ее, а нужные слова так и не приходили.

– Я скоро вернусь, – сказала наконец Ирис, убеждая в этом скорее себя, чем отца.

Она поднялась на борт первой. Эльсвик за ней. На корме двумя шеренгами выстроились матросы. Эльсвик с любопытством рассматривал крепких, подтянутых людей в форме, дивясь про себя и недоумевая. Их лица, молодые и зрелые, широкие и худые, веселые и хмурые, были неуловимо одинаковы. На них лежал отпечаток уверенной силы. Развернутые плечи и смелые, независимые взгляды смущали графа, а чем – он и сам не понимал. Зато Ирис ничего не смущало. Она шла впереди, и граф заметил, что обычная грациозная походка невесты как-то неуловимо изменилась. Он вдруг представил, что налетел шквал, и в борт ударила волна... Пожалуй, она бы устояла, даже не хватаясь за эти веревочные хвосты. К чему они тут? Увидев высокую темную фигуру, граф подобрался и принял величавый вид. По светлым доскам настила широким шагом приближался человек в черном костюме, с непокрытой головой. Ветер ничего не мог поделать с его жесткой рыжей шевелюрой, и она торчала как щетина. Глаза на грубоватом широком лице странно поблескивали. Человек был гораздо выше графа и как-то по-особому ловок. Он двигался, крепко впечатывая ноги в палубу «Звезды», и глядел как хозяин. Эльсвик догадался, что перед ним капитан. Человек подошел, взглянул на Ирис Нортон и восхищенно присвистнул:

– Вы стали настоящей красавицей, мисс. Я рад приветствовать вас и милорда графа, – капитан внимательно посмотрел на Эльсвика и договорил, – на борту «Полярной звезды».

И вновь блестящий взгляд отдрейфовал в сторону девушки. Капитан щелкнул языком.

– Будь я помоложе... Эх, время, время, что оно с нами делает? А помните наш первый рейс на «Короне» к берегам Африки? Вы были еще малышкой, и я оставался с вами за няньку, пока Нортон улаживал на берегу торговые дела.

– Стерегите ее, милорд. Стерегите крепко. Моряки – народ горячий.

И, оставив ошеломленного графа думать над этим советом, стремительно отошел. Через минуту с мостика загрели команды, засвистела боцманская дудка, застучали башмаки матросов. Раздался лязг, ритм качки ощутимо изменился, и только сейчас Эльсвик сообразил, что «Звезда» отходит, а капитан... Как это называется? Под хмельком!

Ирис стояла у самого борта и неотрывно глядела на берег, где маленький полный

человек смешно подпрыгивал и махал ей рукой. «Звезда» прошла мимо большой четырехмачтовой красавицы «Медузы», отсалютовав ей флагом. Ирис взглянула на прекрасный корабль без зависти. «Медуза» была восхитительна, но «Звезда» со вчерашнего вечера принадлежала ей. Неожиданно для себя она сняла шляпку, оглядела ее ласково-ненавидящим взглядом и вдруг с размаху швырнула в море. Ветер подхватил ее, шляпка перевернулась, спланировала, села на волну и, как утка, поплыла прочь от шхуны на хорошей скорости.

– Зачем вы это сделали? – с любопытством спросил подошедший граф.

– Понятия не имею, – коротко отозвалась Ирис.

* * *

Этот разговор случился на вторые сутки после того, как шхуна покинула порт. Жизнь на борту понемногу налаживалась. Пассажиры расположились в лучших каютах. Еда была отличной, но все трое пребывали в настроении различной паршивости. Ирис радовало путешествие, но тревожил скорый брак. Мэри мучилась от морской болезни, а Джорджа Эльсвика всерьез беспокоило, что капитан шхуны беспробудно пил.

– В открытом море я не испугаюсь ни одного паруса, – рассуждал в кают-компании уже изрядно нагруженный Харди Мак-Кент.

Вообще-то, в наследство от родителей он получил другую фамилию, а именно – Макинтош. Но любому салаге на флоте известно, что ни один уважающий себя моряк под такой фамилией в море не выйдет. Итак, Мак-Кент угощал пассажиров ужином. Тут же, за богато сервированным столом расположились: штурман Дик Вольнер, граф Эльсвик и его прелестная невеста, хозяйка шхуны. Помещение, где они собрались, не было ни особенно велико, ни особенно красиво. Здесь царила морская чистота, но мебель, на первый взгляд, была расставлена как-то странно. Словно для тяжелых стульев не хватало места. На них постоянно натыкались, отбрасывали, снова натыкались и снова отбрасывали... Прямо над лохматой, кирпично-красной гривой капитана висела клетка для попугая. От бортовой качки она слегка подрагивала, угрожая обрушиться на широкую макушку Мак-Кента, но тот двигал массивной челюстью, уплетая ужин, и, казалось, не замечал «дамоклова меча», нависшего над ним. Самого попугая в клетке не было. Эта птица, бело-желтый какаду по кличке Боцман, выражаясь морским языком, «отдала концы» у берегов Новой Шотландии два года тому назад, о чем имелась запись в вахтенном журнале. Другого попугая Харди так и не завел. Он всерьез утверждал, что второй такой же умной птицы, как покойный Боцман, не являлось миру с тех пор, как Господь сотворил Австралию.

– У нас достаточно пушек, чтобы послать к чертям, простите мисс, всех испанцев и голландцев в придачу, сколько их не наплодилось на свете, – продолжал британский моряк, – к тому же сейчас между Англией и Испанией мир. Да и с Голландией тоже... так что путешествие будет просто веселой прогулкой.

– Но, говорят, – вставил граф Эльсвик, – что в тех местах водятся пираты?

Мак-Кент неодобрительно взглянул на юношу:

– «Водятся» акулы и крокодилы, а пираты...

– Они зовут себя «флибустьерами», милорд, – вставил молчавший до этого штурман, маленький крепыш с ярко-синими глазами, похожий на огрызок карандаша. – То есть действующими против Испании. Даже самый грозный из них, Джеймс Рик, находясь во главе целой эскадры, стреляет «на ветер» одинокому кораблю под британским флагом.

– «На ветер»? – не понял граф.

– По ходу судна, – объяснила Ирис, – это старинный морской сигнал. Означает «следуйте своим курсом». Джеймс Рик... О нем ходят легенды... Хотела бы я знать, есть ли в них хоть капля истины?

– Слухи противоречивы, – Дик улыбнулся. – Одни считают его кровожадным чудовищем, вроде л'Олонэ, другие – великим герцогом, бежавшим в Новый Свет после

неудачной попытки занять престол. Я не знаю, что тут правда, а что – вымысел. Но, если хотите, я расскажу вам то, чему был свидетелем сам.

«Звезда» шла из Ла-Ача с богатым грузом крокодиловых кож. Нас сильно потрепал последний шторм, и, вдобавок, прицепился испанский корвет. Мы уже молились, когда, словно ниоткуда, возник этот дьявол на своей «Фортуне». Знаете, мисс Нортон, за свою жизнь я повидал много кораблей. «Звезда», пожалуй, очень неплоха. Но такого чуда, как этот бриг, я еще не встречал и вряд ли встречу. Скорость, маневр, совсем неглубокая осадка, стремительные линии фальшборта! Он выглядел как сбывшаяся мечта. Кроме того, поговаривают, что он стреляет железными ядрами.

– Ооо, – девушка издала восторженный возглас. Ирис вправе была считать себя хорошо образованной мисс, она знала, что использовать железные ядра могли позволить себе лишь короли. Да и то далеко не все...

– По всему видно – этот пират богат!

– О, да! Вы правы, мисс. Я скажу вам даже больше, – штурман заговорщически обернулся, – Рик бывал в нашей веселой Англии и говорят, вывез в Новый Свет самого Роджера Багга...

– Ооо, – не сдержала Ирис повторного восхищения. Это имя ей было тоже хорошо известно. А кто в Лондоне не знал мистера Багга?! Его клейма красовались на лучшем оружии многих знатных особ.

– Его охотничьи ружья просто восхитительны, – со знанием дела продолжила мисс Нортон, – я даже уговорила отца купить одну из его работ – трехзарядный мушкет!

– Я смотрю, мисс вы понимаете толк в современном оружии, – вмешался в разговор капитан.

– Мистер Мак-Кент... – укоризненно покачала головой юная леди.

– Знаю-знаю, – с улыбкой поспешил заверить ее капитан.

– А вам, господа, не кажутся странными, все эти басни? – ехидно спросил Эльсвик. – Если, как вы утверждаете, этот пират вывез мистера оружейника в Новый Свет, то отчего, смею вас спросить, в Лондоне исправно появляются изделия Багга?

– Ничего удивительно, мой друг, – ответила Ирис, и у графа скривились губы, он чертовски не любил, когда она его так называла, – оружие – это прекрасное вложение капитала, тем более в такое отменное, как изделия господина Багга.

– О, вы правы, мисс Нортон, как всегда... – игриво разведя руками, заметил Мак-Кент и залпом осушил свой бокал.

Девушка кивнула капитану, принимая очередной комплимент, и обратилась к штурману:

– Дик, прошу вас продолжайте.

– Ах, да... Так вот – наглый корвет ретировался и мгновенно исчез, едва завидел корпус брига. Его не спутаешь ни с чем. Рик выкрасил его под цвет оранжевой бронзы.

– Он не тронул вас? – спросила Ирис, против желания завороченная рассказом Дика.

– Нет, мисс Нортон.

– Это звучит несколько странно, – задумчиво произнес граф, – ведь он пират. А для джентльменов удачи главное – нажива. Не все ли равно, какой флаг? Как хотите, Дик, но мне что-то слабо верится в пиратскую честь. Логичнее предположить, что он просто не мог взять вас на бордаж. Мешали повреждения или не хватало людей...

– Чушь собачья, – отрезал Мак-Кент. – Джеймс Рик – человек чести и англичанин. Хотя злые языки говорят, что он далеко не наш земляк. Ходят слухи, что он вообще швед. Но, черт возьми, – простите, мисс – какой из него швед! Он англичанин, и моя жена молится за этого парня каждый день. Ведь с тех пор, как он стал хозяином в Карибском море, у нее появилась надежда, что я вернусь из этого сумасбродного рейса. И из следующего тоже. Если бы не его эскадра, которая разогнала вконец зарвавшихся испанцев, черт бы лысый повел «Звезду» в Порт-Роял, простите, мисс...

– Вы же минуту назад говорили, что опасности нет, – возмутился граф.

– Говорил, – Мак-Кент пожал плечами, обводя летучим взором компанию, – чего не скажешь, чтобы получить улыбку хорошенькой девчонки. Только все это ерунда собачья, простите, мисс...

Обессиленный этой речью, он уронил голову на стол. Зазвенела посуда, опрокинулся бокал, к счастью, уже пустой. Граф был шокирован. Краем глаза он взглянул на невесту и поразился еще больше: юную девушку ничуть не смущало, что она оказалась в обществе пьяного моряка, который к тому же непрерывно ругался. Граф отодвинул стул и решительно сказал:

– Ирис, я провожу вас до каюты.

Девушка согласно кивнула, понимая, что движет графом. И, попрощавшись с обоими джентльменами, из которых один только мог ей ответить, вышла из кают-компаний.

– Пьяное животное! – с негодованием вскрикнул граф, как только дверь каюты захлопнулась, – так напиться и сквернословить при девушке. Своей хозяйке! Когда мы вернемся, я поговорю с Нортонем на счет этого, с позволения сказать, «капитана».

Ирис поморщилась. По большому счету Эльсвик был прав. И, что хуже всего, отец мог посчитать так же. Тем более сейчас, когда ссора с графом и его титулованной родней так невыгодна компании.

– Он хороший моряк, – мягко сказала она, – отец его ценит. Я тоже не одобряю его пристрастия к бутылке, но поверьте, Джордж, так было не всегда. Он многое видал, гораздо больше, чем вы. Вы когда-нибудь слышали, что пираты делают с пленниками? С теми, за кого нельзя получить выкуп? Паруса и мощный ветер нужны здесь, чтобы убежать от смерти, но далеко она не отстанет.

– Вы слишком добры, дорогая, – снисходительно улыбнулся граф. – Джентльмен в любых обстоятельствах должен оставаться джентльменом.

– Что ж, чудесно, если вам это удастся, – взорвалась Ирис. – Пока что вы судите о Карибском море как портной о сапожных гвоздях. Даю слово – вы ошибаетесь, – проговорила она, остывая, – хотя буду искренне рада, если в этом заблуждении вы останетесь навсегда.

Тон этого предостережения показался Джорджу Эльсвику зловещим. Он внимательно взглянул на невесту, но впервые за вечер и, кажется, впервые в жизни оставил свое мнение при себе.

* * *

«Звезда» шла со скоростью десяти узлов, разбивая рябь на темной воде, и перед форштевнем судна висела легкая тень хрустальных брызг. Воздух был теплым и влажным. Ночь – темной и привычно-спокойной. Со дня отплытия из родного порта «Звезда» сделала около восьми тысяч миль и пересекла четыре часовых пояса. Все экзотические страны давно остались справа по борту, морские пейзажи прискучили, и пассажиры, от нечего делать, спали по двенадцать часов. Когда не спали – ругались. Когда не ругались – мирились, а в общем-то просто жили, как, случается, живут люди на суше. К концу подходил второй месяц путешествия, и вскоре прямо по курсу должны были показаться берега Кубы и Эспаньолы. В паруса давил устойчивый норд. Дик Вольнер стоял на вахте, посматривая на восток в ожидании рассвета.

Светало. Сероватая, легкая дымка, похожая на стелющийся парок от котелка с похлебкой, расплзалась по живой, слегка волнующейся, словно вздыхающей, воде. Вот горизонт слегка покраснелся, и небо преобразилось. До этого скучно-серое, оно словно взорвалось красками, пока еще не яркими, но поражающими глубиной и свежестью. Первый солнечный луч, словно кисть художника, нанес первый мазок. Желтая краска растеклась по поверхности, смешалась с оставшейся синью и дала изумительный оттенок яркой тропической зелени. Следующий мазок наполнил небо золотом. Это выглядело так, словно за горизонтом раскочегарили исполинскую топку. Рассвет горел, а в самой сердцевине этого

костра плясал неукротимый, горячий белый огонь. Солнце поднималось, возвращая миру красоту, отнятую тьмой, восхищая, согревая и радуя.

– Сколько раз видел, а все никак не привыкну, – прозвучал в тишине голос капитана.

Дик обернулся. Мак-Кент стоял рядом в накинутах наспех камзоле.

– Черти подняли час назад, – пояснил он, – вроде не жарко. И ветер хороший.

Дик Вольнер кивнул:

– Если ветер не сменится, таким ходом мы через час войдем в Наветренный пролив.

Мак-Кент поскреб небритую челюсть. Он был хмур.

– Если не сменится... М-да. Каждый раз, когда прохожу это место, на ум приходит тот парень, который угодил меж блуждающих скал. Как его? Ясон! – вспомнил капитан. – Не робкого десятка был этот Ясон, и моряк стоящий. На гребной галере под прямым парусом из Афин в Колхиду! Это надо же...

Рыжее солнце вынырнуло из прозрачной воды и зависло над горизонтом, окончательно срывая завесу тьмы.

– Земля, – произнес Дик, рассматривая в подзорную трубу темную ниточку прямо по курсу.

В голосе штурмана не было радости. Скорее, в нем звучала тревога.

– Дай-ка стекло, – вдруг потребовал Мак-Кент, щурясь, словно пытался разглядеть что-то за кормой «Полярной Звезды».

Голос капитана насторожил Дика.

– Что такое? – не оборачиваясь, спросил он.

Капитан не ответил. Он с напряженным лицом всматривался в прозрачную даль.

– Слишком быстро для облаков, – пробормотал он, – да и небо чистое, откуда им взяться?

– Сколько их? – очень спокойно спросил Дик.

– Черт его знает. Вроде два. А сейчас, похоже, одно. – Мак-Кент почесал подбородок, – сдается мне, Дик, это облачко несет чугунный дождик.

Маленький Дик Вольнер не ответил ничего, только сдвинул белесые брови.

* * *

Ирис проснулась, словно от какого-то толчка. С минуту она сидела на кровати, натянув тонкое одеяло до подбородка, и напряженно соображала, что могло ее встревожить. Вроде все было спокойно.

– Мэри! – крикнула она.

Горничная появилась из смежной каюты с водой для умывания.

– Ты давно встала? – спросила хозяйка. – Что-нибудь слышала?

– О чем, мисс Нортон? – спросила Мэри, наклоняя кувшин.

– Да не «о чем», а «что»... – Ирис промокнула лицо полотенцем, бросила его на край кровати. – Приготовь серое платье и жемчуг. Да, так что там творится?

Мэри вернулась с порога. Карие глаза девушки глядели с недоумением.

– С чего вы взяли, мисс Нортон, что что-то случилось?

– Да так. Показалось. Ну, иди же, не стой.

Мэри бросилась вон за платьем для госпожи, а Ирис раздраженно забарабанила пальцами по спинке кровати. Солнце уже встало. Его яркие лучи, казалось, сплошным потоком обволакивали каюту, отделанную светлым деревом. На маленьком столике у изголовья она нашла большие, желто-красные яблоки с терпким вкусом юга и, пока Мэри возилась с прической, утолила первый голод.

– Говорят, вроде бы капитан видел какой-то корабль, – произнесла Мэри, закалывая шпильками светлые пряди.

– Где? – дернулась Ирис, и вся прическа рассыпалась.

Мэри всплеснула руками и открыла было рот, но хозяйка перебила:

– Где корабль? Какой? Ну, отвечай же!

– Да не знаю я, мисс Нортон. Не понимаю я в них. Да вы сами можете посмотреть. Его видно с кормы.

– И ты до сих пор молчала, ослица ты валаамова! – воскликнула Ирис. Она наскоро закрутила волосы жгутом и выскочила за дверь.

Некрашеное, но чисто выскобленное дерево дышало теплом и какой-то особой свежестью. Морская вода блестела под солнцем, как разбитое стекло. Ирис взглянула на светило, но определить время не смогла. К этому небу она еще не привыкла. Она спустилась вниз, прошла к корме, попутно отметив некоторую натянутость в приветствиях матросов. Ирис не вчера появилась на свет и в море была не впервые. Паруса великолепного фрегата, четко обрисовавшиеся на фоне ясного голубого неба, напомнили ей старую картину неизвестного мастера, подаренную отцу графом Эльсвиком. Чужой корабль подошел довольно близко, и девушка, придерживаясь за низкий гакаборт, с тревогой рассматривала соседа. Здесь, в такой близости от испанской земли, любой парус мог оказаться враждебным. Но этот соблюдал дистанцию и вроде бы не собирался нападать. Впрочем, к чему гадать? Наверняка на мостике знали обстановку точнее. Поторопившись, на крутом трапе Ирис споткнулась, больно ушибла локоть, поморщилась и обругала себя за невнимательность. Так что, когда она поднялась на верхнюю площадку, настроение было уже малость подпорчено. И капитан, и штурман были там. Дик Вольнер кивнул хозяйке и подал руку, помогая преодолеть последние ступени. Под синими глазами Дика лежали тени, следы бессонной ночи. Харди Мак-Кент изучал фрегат в подзорную трубу и вполголоса ругался. Он был совершенно трезв, что само по себе служило грозным признаком.

– Давно вы его заметили? – негромко спросила девушка.

– В четыре, – лаконично ответил Дик.

– Он пытался приблизиться?

– Нет. Но тащится за нами как привязанный, – в голосе маленького штурмана сквозь показное спокойствие проступила тревога. – Не отстает ни на полкабельтова.

– Возможно, мы зря тревожимся, – произнесла Ирис. Ее грызли те же сомнения, что и маленького штурмана, все же Ирис была далеко не новичком в этих водах. Но, как и Дик, она предпочла спрятать тревогу. Госпоже не к лицу биться в истерику без повода. А если повод есть – тогда тем более нельзя. – Этот фрегат, в конце концов, может просто идти тем же курсом через пролив.

– А это мы сейчас проверим. Дик! – Мак-Кент сделал короткую отмашку в сторону грот-мачты, прибавь парусов.

Помощник приложил рупор к губам и зычно скомандовал:

– Свистать всех наверх!

«Звезда» развернулась ближе к ветру и, набирая ход, устремила на юго-восток. На мостике смолкли, выжидая, как неизвестный фрегат отреагирует на этот маневр. Ветер изменился и дул теперь в лицо. Заслоняясь рукой, Ирис пыталась разглядеть чужой корабль. Показалось? Или серый лоскут действительно приблизился?

– Ну, что там такое? – она повысила голос, сгорая от желания отобрать у Мак-Кента подзорную трубу.

– Ничего хорошего, – сухо ответил Дик, вглядываясь вдаль сощуренными глазами. – Ему надоело болтаться, как жестянке за кошачьим хвостом. Он ставит все паруса и при таком ветре через полчаса подойдет на пистолетный выстрел.

– Будет бой? – тревожно спросила девушка, втайне надеясь, что ошиблась.

Дик молчал, мысленно прикидывая расстояние до фрегата. Оно быстро сокращалось. Громада парусов вырастала прямо на глазах, и уже можно было отчетливо разглядеть вытянутый темно-коричневый корпус. На гафеле взвился испанский флаг. Но «Звезда» уже набирала ход. Почти лежа на боку, вспенивая воду, шхуна уходила в галфвинд. Ветер дул в борт и свистел в снастях. Волосы Ирис разлетелись, закрывая лицо. Она отбрасывала их короткими, нетерпеливыми жестами. Взгляд девушки был прикован к испанскому фрегату,

который снова стал отдаляться.

– Уйдем! – возбужденно проговорил Мак-Кент и крепко хлопнул Дика по спине. – Точно уйдем! В галфвинд он нас не догонит. С курса снесет.

Дик отреагировал несколько странно. Он взглянул на девушку, ободряюще улыбнулся.

– Вам бы лучше уйти в каюту, мисс Нортон. Вы можете простыть на таком ветру.

– Не нужно меня обманывать, – встревожилась Ирис, – что происходит?

Ответ пришел с другой стороны. Величавый фрегат и не думал догонять маленькую «Звезду». Он сделал плавный разворот, повторяя маневр «Звезды». Прогремел выстрел. Над правым бортом испанца взметнулось облачко дыма. В воду, совсем рядом, зарылось чугунное ядро. Ирис не успела испугаться, когда второе ядро просвистело над головами. Она инстинктивно пригнулась. Раздался пугающий треск, грохот. На шкафут повалились обломки рангоута. Скорость резко упала, и «Звезда» закачалась на волнах.

Капитан взревел, как раненый бык:

– Мачту!.. Мачту потеряли!

Ирис, оглушенная, взглянула наверх и ужаснулась. Верхушка бизань-мачты, сбита ядром, болталась в спутанных снастях. Обвисший парус полоскался на ветру, как белье на веревке.

Мак-Кент со злостью крыл испанцев на все корки, тут же оплакивая раненую «Звезду».

– Сейчас предложат лечь в дрейф, – предположил Дик.

– Я скорее в гроб лягу! – взорвался Мак-Кент.

Дик Вольнер рассматривал мачту, оценивая повреждения.

– Этот друг ищет неприятностей, – произнес он.

Голос звучал ровно, словно за ужином в кают-компании. Ирис почти не удивилась. Так было всегда. Чем круче приходилось «Звезде», тем спокойнее становился маленький штурман. Неожиданно Мак-Кент рассмеялся:

– Будь он проклят! Он их нашел. Батарея, к бою! – голос проревел, как иерихонские трубы. В нем была какая-то шальная сила и отвага.

Засвистела боцманская дудка, скрипнули пушечные порты.

– Он не подпустит на выстрел, – заметил Дик.

Но ярко-синие глаза штурмана уже загорелись азартом, и осторожные слова пропали даром.

Жалобно заскрипели снасти. Со стуком ссыпались обломки. Забирая ветер всеми оставшимися парусами, «Звезда» разворачивалась к испанскому фрегату. Ирис вцепилась в перила мостика. Теперь ее отсюда не прогнал бы и приказ самого Господа Бога. Ее учили быть леди и хозяйкой, но Ирис была дочерью морского бродяги; сейчас в ней проснулся и властно заговорил голос крови.

Грохнул выстрел, и шхуна вздрогнула, словно от испуга. Ирис прижалась к перилам.

– Это носовые пушки, – услышала она сквозь грохот и треск, – они нам не опасны. Если уж только очень не повезет...

– Нам повезет, Дик, – отозвалась она.

Маленький штурман взглянул на нее ободряюще и неожиданно вытащил из-за пояса нож. Недлинный, чуть больше ладони, с двухсторонней заточкой и плоской рукоятью из кости:

– Возьмите. Спрячьте где-нибудь на себе... на всякий случай, – пояснил Дик.

– Батарея, залпом, огонь! – заревел Мак-Кент, и через секунду Ирис показалось, что разверзлась земля. Она зажмурилась, но, пересилив себя, открыла глаза. Залп не пропал даром. Из-за дальности расстояния он не причинил фрегату сильного вреда, но снасти и паруса попортил.

– Ага, не нравится! – неожиданно для себя звонко закричала Ирис, увидев суету на палубе испанца.

Мак-Кент коротко взглянул на хозяйку и довольно хрюкнул:

– Сейчас мы их отправим к Нептуну в гости.

– Надо уходить, и уходить быстро, – прозвучал голос Дика. Он один не потерял голову в горячке боя. – Сейчас они опомнятся, сделают разворот и врежут из бортовых.

Словно отвечая на его слова, левый борт фрегата огрызнулся залпом, и несколько ядер плюхнулись в море за кормой шхуны, подняв фонтаны брызг.

– Ты прав, – резко кивнул капитан, – прав, заberi тебя черти. Командуй разворот. Уходим.

Покалеченная «Звезда» развернулась с трудом, но, благодаря мастерству Дика, все же поймала ветер. Матросы быстро перезаряжали пушки. Вопреки ожиданию, фрегат не спешил обрушиться на дерзкую «Звезду» всю сокрушительную мощь своих батарей он просто спокойно пристроился в кильватере «Звезды», приближаясь к испанской земле.

– Сейчас бы «лево руля» и...

Мак-Кент не договорил. Хмурое лицо Дика было достаточно красноречиво.

– «Звезда» не сможет идти в бейдевинд, – произнес он.

На борту установилась относительная тишина. Только ветер гудел да поскрипывал снастями. На крутом трапе слышались шаги. Ирис повернулась и увидела светлый завитой парик Эльсвика.

– Что происходит, дорогая? – спросил граф. Его лицо выражало такое недоумение, что Ирис не выдержала и нервно рассмеялась:

– Ничего особенного, милый. Просто «Звезда» объявила войну Испании.

Джордж что-то ответил. Ирис не слышала. Она смотрела на величавый испанский фрегат с изумлением, не в силах поверить в то, что происходило на ее глазах. Безжалостный хищник за миг до победы прекратил охоту. Он спустил паруса и лег в мертвый дрейф. Ирис, Дик и Мак-Кент переглянулись в радостном недоумении.

– Во имя Господа Бога, что происходит? – спросил капитан, – может, мы его все-таки достали?

– Скорее, он просто хотел поиграть с нами, – отозвался Дик, – он увидел, что игрушка кусается, и бросил.

– А может быть, у них капитан скоропостижно умер? – хмуро пошутила Ирис.

Однако напряжение уже отпускало экипаж «Звезды». Люди обалдело улыбались друг другу, хлопали по плечам и говорили, говорили захлеб, не слушая ответов.

Мак-Кент первый рассмеялся, оценив черный юмор хозяйки:

– Ну, если помер, туда и дорога. Я думаю, испанцы не обидятся, если мы не останемся на церемонию?

– Поспешим, – коротко бросил Дик.

Но длинная скалистая гряда еще долго не отпускала их, и «Полярная Звезда», меняя галсы, медленно обходила восточную оконечность Эспаньолы.

Наконец шхуна вошла в узкую горловину Наветренного пролива.

И мгновенно эйфория чудесного избавления сменилась отчаянием. В проливе, как кость, застрявшая в горле, стоял корвет под плещущим на ветру красно-золотым флагом.

Ирис растерянно глянула по сторонам. Капитан, с лицом странно сухим и застывшим, неотрывно глядел, как маленький корвет делает по-военному четкий разворот. С борта начищенной бронзой блеснуло название: «Долорес».

– Да что же это, в конце концов? – тихо спросила Ирис то ли своих спутников, то ли небо над головой.

И почти в то же мгновение получила ответ. Страшный ответ. Корвет вздрогнул, воздух взорвался громом, все затянуло пороховым дымом. Ирис отбросило назад. Чья-то крепкая рука поддержала ее, она попыталась встать, но вдруг прямо под ногами сверкнула ослепительная молния, и девушка с ужасом увидела, как пол под ногами раскалывается на две части. В лицо дохнуло гарью. Она ухватилась за перила, и тут ее настиг грохот чудовищного взрыва. Она упала на колени, закрывая уши ладонями, и от резкого толчка покатила куда-то вниз.

Огонь. Дым. Неестественно медленно падающие обломки – все смешалось. Девушка

уже не понимала, где верх, где низ, и немного пришла в себя только тогда, когда с головой ушла под воду.

Соленая вода сама вытолкнула ее на поверхность. Прохладная ванна подхлестнула силы Ирис и ее способность к сопротивлению. Увидев над собой слепящий диск, глотнув воздуха, Ирис попыталась уцепиться за плавающие обломки. Вода покраснела от крови и, похоже, кипела. В ноздри ударил раздражающий запах порохового дыма. Рядом, цепляясь за остатки шхуны, в воде копошились люди. В этой каше все были рядом: мертвые, живые и покалеченные. Ни Мак-Кента, ни Вольнера, ни Джорджа Эльсвика, ни своей горничной Мэри Ирис не видела. Глотнув соленой воды, она закашлялась, забилась, почувствовала страшную тяжесть в теле и внезапно провалилась в гулкую пустоту.

Ирис повезло. Она не увидела, как с пиратского корабля спустили шлюпки и, подобрав людей, тотчас учинили им беглый осмотр. В живых оставили только сильных мужчин и молодых женщин. Остальных, как не представляющих ценности, наскоро заколов, побросали за борт. Отобранных рабов затолкали в трюмы «Долорес» и подоспевшего к дележу добычи «Сан-Фелипе». И забыли о них до прибытия в Гавану. Выживут – хорошо. Нет – не велика потеря.

Ирис не видела ничего, но ее саму на беду разглядели зоркие темные глаза дона Хуана де Вальдоре, капитана испанского фрегата.

Глава 5

– Так вот как ты обращаешься со своим хозяином?! Клянусь небом, ты заплатишь за это, девчонка, и заплатишь дорого!

Дон Хуан де Вальдоре, сощурив узкие глаза, отступил к стене. Его дыхание было прерывистым, руки сжались в кулаки. Голос сделался глухим от гнева и изумления. Ирис стояла у противоположной стены и была полна решимости не сдаваться! А началось все почти мирно.

Как ни была измучена девушка, она разглядела, что великолепный фрегат был не только отличным боевым кораблем. Им владел человек с тонким вкусом, любитель комфорта и удовольствий. Взгляд ее оценил изящество и четкость линий, богатство внутренней отделки. Ее привели в большую и светлую комнату. Бессознательно она отметила, что вся мебель сделана из ценных пород деревьев, стены богато задрапированы бархатом. На сундуке в углу лежала гитара. Кормовые окна были раскрыты прямо над пенящейся в кильватере водой. Хозяин ждал. Это был мужчина средних лет, еще довольно сильный, но утративший былую легкость. Красивое лицо портили чересчур полные губы и узкие длинные глаза. Девушка закусила губы. Увидев этого красавца, она тут же пожалела, что не утонула. Как ни мал был ее жизненный опыт, но и она понимала, что от подобных типов можно ждать чего угодно, кроме хорошего.

На корабле она находилась уже сутки. Куда он шел? Ирис этого не знала, как не знала и своей дальнейшей судьбы. Впрочем, на этот счет она не питала иллюзий. Между тем предположения Ирис как будто не оправдывались. Дон Хуан глядел на нее с интересом и улыбался доброжелательно.

– Кто вы и как вас зовут? – спросил он на скверном английском.

– Мэри Мод, – ответила девушка, – я горничная моей бедной госпожи, которая, наверное, утонула.

То, что лгать нехорошо, Ирис знала из Библии. А то, что с правдой иногда спешить не стоит – из собственных наблюдений за торговыми переговорами отца. Себе она доверяла больше, чем книге, пусть даже продиктованной Господом. Кто знает, как часто ее писали и переписывали и насколько внимательны были писцы? За наследницу можно потребовать огромный выкуп, а значит, следить за ней будут гораздо тщательнее. А у простой девушки Мэри есть шанс бежать и добраться до английского представительства...

– Горничная госпожи, которая... И как же звали твою госпожу?

– Ирис Нортон, – ответила Ирис.

– Хм. Так ли это? Судя по твоему платью...

Не дав ему закончить, Ирис невежливо и громко расхохоталась:

– По моему платью? Боже милосердный! Уж не эту ли грязную тряпку господин изволит называть платьем? В нашем доме, в Англии, это не сошло бы и за подстилку для дворовых псов.

Дон Хуан нахмурился:

– И как богата была твоя госпожа?

– Она была самой богатой невестой севера Британии, и сам граф Эльсвик просил ее руки.

Дон Хуан выругался по-испански, помянув Бога и Святую Деву с шокирующей непочтительностью.

– Ты уверена, что она утонула?

Девушка сделала огорченную мину:

– Да, господин. Бедняжка, без сомнения, пустила пузыри. И это так же верно, как то, что меня зовут Мэри.

Ирис произнесла эту фразу нарочно грубым, крестьянским языком, но с такой обезоруживающей искренностью, что поверил бы и прожженный лицемер. После минутного раздумья испанец с усмешкой произнес:

– Мне крупно не повезло, что твоя госпожа утонула. Но тут уж ничего не поделаешь. Бог дал – Бог взял. И, если я правильно тебя понял, мы не станем без нее скучать.

Узкие глаза испанца заблестели. В этой фразе словно раскрылась его сущность, спрятанная под внешним лоском. Испанский гранд шел к ней по ковру мягкой походкой тигра. Девушка почувствовала себя слабой и беззащитной. Но тут ее рука задела что-то... что-то, что все еще было заткнуто за пояс и прикрыто складками платья. Толедский кинжал, который дал ей Дик. Оружие вернуло ей присутствие духа, и девушка отважно взглянула в лицо врага.

– Ты мне нравишься, Мэри, – мягко, почти ласково проговорил он.

– Да? – холодно спросила Ирис. – Хочу предупредить вас, кабальеро, что я помолвлена, а у нас в Англии принято хранить верность избраннику.

Тон этого заявления был решителен. Да и сама пленница изменилась так внезапно и решительно, что озадачила испанца:

– Мэри, ты, видно, забыла, что теперь ты моя рабыня и твой долг – повиноваться хозяину.

– Вот как? – так же холодно удивилась Ирис. – Нет, господин. Моя единственная хозяйка утонула, а жених ждет меня в Англии. И не моя вина будет в том, что он меня не дождетя.

– Так вот как нынешние рабы выражают покорность? – вспыхнул дон Хуан.

– Я не рабыня, а всего лишь пленница, – парировала Ирис.

– Ты заплатишь, дерзкая девчонка! – взорвался испанец. – Я – дон Хуан де Вальдоре! В Толедо каждый камень знает это имя. И я, смерть всему, научу тебя быть покорной.

С него в единый миг слетела вся показная доброжелательность, были отброшены все манеры, и, рванувшийся вперед с диким лицом, он предстал перед Ирис тем, чем был на самом деле: жестоким и безжалостным зверем.

Сделав быстрое движение, девушка оказалась у стола и развернула тяжелое резное кресло между ним и собой. На то, чтобы отшвырнуть преграду, капитану «Сан-Фелипе» потребовалась секунда, но за эту секунду девушка успела вытащить припрятанный кинжал. Вид оружия несколько охладил пыл испанца. Он остановился. Взглянув на его ошеломленное лицо, Ирис произнесла звенящим от напряжения голосом:

– Толедо – прекрасный город, дон Хуан де Вальдоре. И главная его достопримечательность – эти клинки. Предупреждаю, я прекрасно им владею.

Однако! Это было уже совсем не по сценарию. Испанец, не привыкший к

сопротивлению, зло сплюнул и шагнул к двери с явным намерением крикнуть своих людей.

– Ни с места! – скомандовала Ирис. – Не кажется ли вам, хозяин, что мы поменялись ролями?

Испанец приостановился. Он смотрел на Ирис, на кинжал в ее руке и, казалось, чего-то ждал. Девушка сжимала нож, отчаянно пытаясь найти хоть какой-то выход. Внезапно испанец глянул куда-то за плечо Ирис. Она повернула голову, пытаясь разглядеть, что он там увидел, и в этот момент он бросился вперед. Ирис не успела ничего понять, только вскрикнула, дернулась назад, выставила кинжал перед собой и зажмурилась. Раздался судорожный всхлип. Девушка почувствовала, как по рукам стекает что-то мокрое и горячее, и разжала пальцы. И еще целый миг ничего не происходило. Целый миг, чтобы убаюкать себя надеждой, что ничего и не произошло. Но уже в следующую секунду Ирис услышала глухой удар. И поняла, что увидит, когда откроет глаза. Она, Ирис Нортон, стала убийцей.

* * *

Солнце стояло в зените, и жаркий полдень был удручающе спокоен. Синие-зеленая прозрачная вода, блестящая и мягкая, как индийский шелк, лишь слегка шевелилась. Паруса бессильно хлопали, стараясь поймать слабый ветер, но он ускользал, никак не давая изящному бригу, застрявшему в тридцати милях от Невиса так, словно якорь зацепился за какую-нибудь параллель или меридиан. Тишину нарушил зычный голос:

– Капитан! – и тут же по кораблю мощно прокатилось. – Человек за бортом!

Сделав знак своему помощнику, капитан брига спустился вниз. Когда он вышел на палубу, шлюпка была уже спущена и по спокойной воде, подчиняясь мощным движениям гребцов, почти полетела в сторону, где на волнах действительно что-то виднелось. Через пару минут на палубе собралась пестрая толпа. Но в этой толпе не слышно было обычных соленых шуток и брани. Матросы стояли тихо, и на их резких, загорелых лицах угадывалось одно и то же необычно-серьезное выражение.

– Капитан, – нерешительно произнес человек огромного роста, с седой головой, перехваченной алой косынкой, – смотри, какую рыбу выловили ребята...

На деревянных досках настила неподвижно лежала девушка. Лохмотья, бывшие некогда серым платьем, едва прикрывали тело. Светлые волосы слиплись и потемнели от воды. Лицо осунулось и приобрело неестественную бледность. Под глазами темнели круги. Губы, цветом почти не отличимые от лица, были приоткрыты. Если бы девушка попала на глаза матросам при других обстоятельствах, возможно, ее появление вызвало бы иные чувства. В Бультоне Ирис Нортон считалась красавицей. Но не сейчас... Уж больно она была похожа на утопленницу.

Капитан присел... вытащил из-за пояса нож и поднес к губам девушки. Лицо его было серьезным:

– Дэнни, поднимись-ка в мою каюту и принеси ром, который мы вчера не допили, – приказал он.

В голосе капитана помощник уловил легкую иронию и понял: их странная добыча жива. При всем своем цинизме, капитан был не из тех, кто стал бы шутить над трупом.

– Капитан, она была привязана к доске. Ее привязали и бросили в море, чтобы подольше мучилась, – произнес чей-то голос с явным осуждением. – Видно, они в Бога не верят, иначе убили бы сразу.

Тем временем принесли ром. Широким и плоским ножом Дэнни разжал зубы девушки и влил ей в рот несколько капель. К неописуемому удивлению всей команды, девушка вздрогнула и приоткрыла глаза. И даже сделала слабую попытку отвернуться от самозванного доктора. Воодушевленный этим, Дэнни тут же повторил свою терапию в удвоенной дозе. Девушка закашлялась и широко распахнула глаза: огромные, в обрамлении темных ресниц, слипшихся то ли от воды, то ли от слез. Они были серыми и серьезными, как предштормовое море. Дэнни рывком поднял «утопленницу» за плечи. Девушка сделала слабое движение

кистью правой руки и поднесла ее ко лбу. Видимо, у нее кружилась голова.

– Как вы себя чувствуете? – мягко спросил капитан.

– Не скажу, что отлично, – неуверенно проговорила девушка, – но могло быть и хуже. Мне, кажется, повезло? Или нет?

В ее глазах окончательно пропала муть, они заискрились живым умом и даже неким подобием юмора. Матросы с изумлением глядели на это полуживое существо, в котором жил столь неукротимый дух.

– Вы можете встать?

– Попробую, – сказала девушка, но капитан покачал головой:

– Не стоит и пробовать. Сколько времени вы провели в таком положении? Я помогу вам.

Капитан жестом отстранил Дэнни и поднял на руки измученную Ирис, легко, будто она ничего не весила.

– Дэнни, – сказал он, – вам придется потесниться. Девушке нужен покой, а ваша каюта самая спокойная на корабле. Даже пить все почему-то предпочитают у меня.

Ирис не расслышала, что ответил Дэнни. Она снова потеряла сознание. И не почувствовала, как пальцы капитана поправили разорванное платье. А он незаметно обвел взглядом всю команду. Кажется, никто не видел того, что заметил он, – нитку не крупного, но ровного перламутрового жемчуга на шее «утопленницы». Жизнь давно научила его разбираться в таких вещах не хуже ювелира. Нить стояла по меньшей мере двадцать тысяч песо. «Хаммер Н2», или что там сейчас в моде, полной комплектации, из салона... Или паратройка очень приличных английских лошадей...

В каюте, светлой и чистой, очень просто обставленной, но странно-уютной, он осторожно положил ее на узкую койку и открыл окно.

Происшествие было более чем странным. Жестокость, которую применили к незнакомке, не удивила капитана. В этих водах случались вещи, от которых леденела кровь даже у тех забубенных душ, у которых она на две трети состояла из рома. Но женщины здесь, на этих широтах, были, прежде всего, товаром, и довольно доходным. Тем более молодые и красивые. Правда, сейчас трудно было судить, насколько незнакомка красива, но она была, во всяком случае, молода. И жемчужная нить на шее... Отчего ее не сорвали? В этом крылась какая-то странная история. И, пожалуй, он не отказался бы узнать имя человека, швырнувшего в море целое состояние.

– Кто вы? – услышал он вдруг и обернулся.

Она не пыталась сесть. Видимо, ей действительно было очень плохо... но щеки порозовели, вероятно, от крепкого рома, и, пожалуй, теперь она была больше похожа на живую девушку, чем на восставшую из гроба покойницу. В два шага он пересек каюту и остановился, разглядывая незнакомку. Она смутилась.

– Вы задали мой вопрос, – произнес он наконец, – вы сами-то кто?

– О, Господи! – Ирис зажмурилась, но тотчас открыла глаза. Он ждал. И пристальный взгляд его не просил – требовал ответа.

– Когда меня спросили об этом в последний раз, я солгала.

– Видимо, у вас были причины, – сказал он с интонацией, которая показалась ей двусмысленной.

– Что вы хотите этим сказать? – вскинулась Ирис.

– Может быть, вы все-таки отдохнете? – перебил он. – Потом поговорим.

Сказав так, незнакомый человек отступил и хотел уже шагнуть к двери, когда его остановил тихий голос:

– Подождите!

Он замер.

– Вы что-то скрываете от меня? Куда я попала?

Несколько мгновений он смотрел на нее, потом пожал плечами и безразлично произнес:

– Вы на борту брига «Фортуна». Он держит курс на Тортугу.
– А... вы кто?
– Я капитан этого корабля. Джеймс Рик.
Только сейчас она уловила в его голосе едва различимый, странный акцент.

* * *

В маленьком кабачке под завлекательным названием «Райский уголок», расположенном у самой рыночной площади Кайоны, царил дух бесшабашного веселья. Корсарская вольница спускала золото и серебро, полученные в последних рейсах. В основном, тут были крепкие, мускулистые мужчины, одетые в кожаные штаны и рубахи из бумажной ткани. Буйные головы этих людей были повязаны пестрыми платками самых разных цветов, а за широкими поясами торчало по целому арсеналу пистолетов. Таверна гудела пьяным разноголосьем. В углу, у окна, выходящего во двор, кто-то хриплым, пропитым голосом затянул песню про монаха, попавшего в веселое заведение. Моряки с воодушевлением подхватили, пересыпая соленые куплеты еще более солеными шутками. Девушки вздрагивали и хохотали так, что их пышные прелести едва не рвались из платьев наружу. Огромными глотками опорожняя кружки, пираты стучали ими по столам, требуя немедленной добавки, и ловкая мулатка металась по заведению, стараясь обслужить клиентов как можно быстрее.

В дверном проеме показался человек средних лет, одетый почти изысканно (по здешним понятиям). Расшитый серебром костюм, кружева, парик с локонами до плеч. В грязной и хамоватой толпе он казался чужим, но, несомненно, таким не был, так как никто из матросов не прошелся на его счет. Оглядев кабачок внимательным взглядом, он быстро пересек зал и подсел к столу, где расположилась молчаливая сосредоточенная компания.

Господин не обратил внимания, что его длинная шпага уткнулась в бок породного малого, лившего в себя ром пивной кружкой. И тот, как бы ни был пьян, владельца шпаги узнал и, опасливо косясь, ретировался. Немедленно подлетела служанка:

– Вина, закуски?
– Брысь отсюда, Лу, – фраза сопровождалась серебряной монетой, и Луиза не обиделась.
– Ну? – нетерпеливо спросил огромный, широкоплечий детина, выкладывая на стол кулаки устрашающих размеров.

Нарядный господин обвел всю компанию испытующим взглядом и подался вперед. Пираты склонились к нему, чтобы ни одно слово не потонуло в этом гаме.

– Ничего не вышло. Наша экспедиция провалилась.
Гигант вперил в него ошеломленный взгляд и с чувством выругался.
– Это была случайность, – нарядный господин сдвинул темные густые брови к переносице, – мне помешал этот любимчик удачи. Джеймс Рик.

– Как это вышло? – спокойно спросил один из корсаров, за звериную жестокость прозванный «Волком». Его холодный взгляд остановился на лице франта в кружевах. Тот, известный на Тортуге как «господин Ричмонд», откинулся на спинку стула и, отхлебнув вина, задумчиво сказал:

– Все было продумано до точки. Мы наткнулись на шлюп Ферье у берегов Невиса и взяли на abordаж с потрясающей легкостью. Полсотни человек – его команда – все были пьяны как свиньи. Разумеется, он молчал, как еретик перед святой инквизицией, но мои ребята умеют обращаться с неверными. Ему поджарили пятки, и через четверть часа карта лежала у меня в сундучке. Сокровище спрятано в малодоступном месте, но, черт возьми, три миллиона реалов! Ради этого стоит рискнуть шкурой.

Пираты согласно кивнули.

– Из моей команды о карте знали только два человека, те, что помогли мне вразумить старика. Ферье, подальше от греха, мы скормили рыбам и, как говорится, концы в воду, –

господин Ричмонд криво улыбнулся. – Однако не успели мы как следует обрадоваться, как появился этот дьявол на своей четырнадцатипушечной посудине...

– Напав на вас, он нарушил законы берегового братства, – перебил четвертый собеседник.

– Он не нападал, – усмехнулся Ричмонд.

– Как же тогда, во имя Бога, он мог помешать? – зловеще-спокойным тоном спросил Волк. – Сдается мне, я знаю, в чем тут дело, а?

– Он нас продал, – отрубил гигант по прозвищу Джек-Горилла, – я никогда не доверял этому господину Ричмонду.

Горилла перегнулся через стол и громадной лапой сцапал Ричмонда за кружевной манжет. Корсары не вмешивались, ожидая продолжения. Ричмонд знал, что ему грозит. Убийство здесь не считалось преступлением. Грабеж был жизнью и верой берегового братства, и даже Иудин грех прощался, но присвоение одним общей добычи – это была немедленная петля, пуля или нож под ребра. Однако на тонком, красивом лице Ричмонда не появилось и тени страха. Спокойно, насмешливо глядел он на покрасневшего от гнева Джека-Гориллу.

– Недостаток сообразительности ты всегда восполнял избытком силы. Разве тебе не интересно, что было дальше, Горилла?

Со звуком, похожим на недовольное рычание, Джек отпустил рукав Ричмонда и грузно опустился на свое место. Тот же невозмутимо поправил манжет и спросил:

– Мне продолжать? Или продолжают пистолеты?

– Продолжай. Но если хоть одно слово покажется мне неубедительным, молись, Ричмонд, – тихо проговорил Волк. После такого предупреждения у менее смелого человека язык бы присох к зубам, но Ричмонд лишь пожал плечами:

– «Морскому коню» пришлось выдержать бой. После драки со шлюпом Ферье он был слегка потрепан, а пушки «Фортуны» разнесли бы его вдребезги. Рик – отличный капитан, и везет ему как черту. И у него железные ядра! Но он просигналил нам, что оставит «Морского коня» в покое, если я соглашусь посетить «Фортуну», чтобы закончить нашу дуэль. И дал слово, что это не ловушка. Разумеется, я бы не пошел. Карта была в моих руках, и мне совсем не хотелось рисковать ею. Но мои люди слишком хорошо понимали, чем кончится бой между «Морским конем» и «Фортуной», и поставили условие: или я сажусь в шлюпку, или меня отправят к Рику вплавь. У меня не было выбора, – господин Ричмонд умолк, чтобы снова приложиться к вину.

– Он обманул? – подозрительно спросил Горилла.

– Нет, – Ричмонд мотнул головой, и в глазах его мелькнуло что-то, похожее на уважение. – Он держит слово, как дворянин, и даже враги верят ему слепо. Но Тэд Мильс и Джим Бакстон – люди другого сорта, и доверять им – значит искушать providение. Я подозревал, что стоит мне покинуть «Морского коня», как эти двое постараются завладеть картой. Не зря же они громче всех настаивали на моем отплытии. И я взял карту с собой. В тот момент это казалось правильным решением. Позже мои подозрения подтвердились. Я поднялся на борт «Фортуны», и через пять минут мы уже скрестили шпаги.

– Он ловок со шпагой, – ни к кому не обращаясь, процедил Волк.

Ричмонд тяжело вздохнул:

– В справедливости этого утверждения я убедился на собственной шкуре, которую он не слишком серьезно, но болезненно продырявил. Когда я упал, залитый кровью, надо мной склонился малый, который там за врача. Он разорвал рубаху, чтобы обработать рану, и обнаружил карту. Я не смог ему помешать.

Компания подавленно молчала. Давно они спустили последние песо и теперь, чтобы как-то жить, вынуждены промышлять мелким грабежом. Клад был их козырем, и вдруг козырь обернулся джокером. Неожиданно из горла Гориллы послышалось ворчание, нарастающее по мере того, как великан поднимался из-за стола. С невероятной быстротой и точностью Джек выбросил вперед свою громадную лапу и схватил Ричмонда за ворот

камзола. В другой руке блеснуло лезвие.

– Клянусь спасением души, этот фрукт водит нас за нос. Он просто купил у Рика свою шкуру за три миллиона. Да она и одного песо не стоит!

Не говоря ни слова, Ричмонд направил пистолет в живот Джека и бесстрастно нажал спуск. Короткий рык встряхнул кабачок, запахло порохом. С побелевшим лицом Джек рухнул на стол и с тихим поскуливанием сполз на пол. Корсары, купцы и девицы разом повскакали с мест. Отшвырнув мешавшую ему шляпу с плюмажем, Ричмонд отступил к стенке и обнажил шпагу. Он ждал продолжения. Джек-Горилла тихо умирал на полу. Компания подобралась, в готовности растерзать Ричмонда по единому сигналу Волка.

– Убери свою железку, – веско сказал он, – уж слишком ты любишь ею махаться и один раз уже оказал нам всем дурную услугу. Садись. Твой рассказ звучит как рождественская сказка, но доля правды в нем, несомненно, есть.

Ричмонд медленно сунул шпагу в ножны и вернулся к столу, заляпанному пятнами вина и крови. Никто не шелохнулся. Волк обвел зал тяжелым взглядом, и люди, вскочившие было с мест, поспешно опустились обратно. Корсар сделал знак продолжать.

– Через несколько минут я пришел в себя, – ровно заговорил Ричмонд, – и обнаружил карту в руках матросов Рика. И тут уже ничего нельзя было поделать. Вернувшись на «Морского коня», я заметил в своей каюте следы обыска и, не теряя времени, приказал вздернуть на нок-рее Тэда и Джима... Так что на данный момент в живых остался только один человек, которому известна эта тайна. И вы, господа, поступите неразумно, если попытаетесь меня уничтожить.

– Один человек, – произнес Волк, – да больше сотни матросов Рика. Неужели ты думаешь, что он не сообразит, что у него в руках? У Рика множество недостатков, но тупость среди них не значится.

– Он ничего не знает, – понизив голос до шепота, сказал Ричмонд, – и не узнает. Карта зашифрована. Тайну шифра знали четыре человека. Трое из них уже на дне. Четвертый – прямо перед вами. И последнее, господа: на «Фортуне» краем уха я слышал, что Рик планирует заход и трехдневную стоянку в порту Невиса, – увидев, как насторожился Волк, Ричмонд про себя рассмеялся. – Он еще на пути в Кайону. И если мы не будем сидеть в «Райском уголке», ожидая манны небесной, то, пожалуй, сможем немного поразвлечься и неплохо поохотиться.

* * *

Ирис Нортон стояла на палубе, подставив лицо свежему ветру. Он теребил ее волосы и трепал юбку, сшитую из разноцветных платков. Утрата дорогого платья не печалила Ирис. Жаль было толедский клинок. Но даже потеря кинжала меркла перед острой, сводящей с ума тревогой за судьбу тех, с кем разлучила ее гибель «Полярной Звезды». Память постоянно возвращала ей лица грубоватого, но верного Харди Мак-Кента, спокойного, надежного, как его подарок, маленького штурмана Дика Вольнера, Мэри, болтливой не в меру, но свято хранившей все ее наивные тайны. И Джорджа Эльсвика. Какими бы сложными ни были их отношения сейчас, но ведь было время, когда они были просто друзьями и понимали друг друга. Что с ними? Где они сейчас? Какая судьба их ждет? Девушка пыталась заговорить об этом с капитаном, но тот только качнул головой. Другого Ирис и не ждала. Изолированная в каюте, то ли пассажирка, то ли пленница, она ничего не видела вокруг и ничего не знала ни о корабле, ни о команде. Капитан сознательно воздвиг стены между своими корсарами и этой залетной птицей из другого, благополучного мира. Самого Рика Ирис тоже не видела. Три раза в день ей приносили еду, и на этом его забота о девушке заканчивалась. А ведь до каюты он донес ее на руках! Впрочем, она понимала, почему он это сделал. Старое поверье – женщина на корабле к беде! Капитан, «первый после Бога», владел особой силой и, подняв ее на руки, он как бы принял удар на себя. Заслонил своих людей от Рока. Моряки суеверны, и этот поступок капитана успокоил команду. Что, кстати, говорило о том, что в голове у

легендарного корсара явно не солома. Рик возбуждал ее любопытство, но и здесь, на «Фортуне», она узнала о нем не больше, чем в те дни, когда, замирая, слушала насквозь лживые рассказы праздных сплетников. Он оставался недосягаем. В целом же обстановка на корабле ей даже нравилась. На «Фортуне» царил образцовый порядок. На палубе – чистота, все медные части надраены до зеркального блеска.

Дикая же команда Рика беспрекословно подчинялась железной дисциплине. Это касалось и ее статуса. Капитан приказал не трогать девушку, и ее не трогали. Ее вообще старались не замечать, но иногда она ловила на себе пристальные взгляды, и тогда ей становилось не по себе. Впрочем, как всегда, когда она чувствовала, что плывет по течению.

А на корме было весело. Почти все корсары собрались здесь и развлекались метанием ножей в мишень. После каждого удачного попадания раздавалась заковыристая брань. Девушке из хорошей семьи там было явно не место, но женское любопытство пересилило воспитание...

Ирис знала, что многих из этих свирепых воинов удачи хищничество и алчность испанского короля превратили из мирных охотников – буканьеров, в морских бродяг. Они старались забыть прошлое, которое у них отняли, не думать о будущем, которого у них не было, и жить одним днем.

Молодой темноволосый парень, которого пираты звали Дерек, долго целился. Потом отвел плечо назад и с силой метнул нож. Он ткнулся куда-то в нижний край мишени, качнулся и со стуком упал на палубу. Корсары расхохотались над неудачливым метальщиком. Покраснев, Дерек пробовал возражать:

– Так ведь нож-то тупой. И мишень узкая. И вообще, с такого расстояния и Робин Гуд бы промазал...

– Парень, не клевети на покойников, – крикнули из толпы.

– Но, может быть, это не так уж сложно? – услышал Дерек.

Голос был незнакомым. Он стремительно обернулся. И увидел светловолосую девчонку, одетую в какой-то странный лоскутный наряд. На губах и в уголках насмешливых серых глаз светился отблеск улыбки. Дерек с трудом признал в ней ту леди, которую сам же вытащил из воды.

– Дай же, – девчонка протянула руку.

Корсары заерзали, предвкушая интересное представление, но присутствие девушки сдерживало их языки.

Ирис приняла нож, протянутый рукоятью вперед, медленно опустила руку, чуть согнув в локте. Уроки Харди не забылись. Рука сама вспомнила, что надо делать. Ирис, почти не целясь, послала нож коротким, точным движением. Он недвижно застыл в самом центре мишени. Лезвие глубоко засело в дерево. Послышался восхищенный гул. Не обращая внимания на изумление Дерек и других корсаров, Ирис подошла к мишени, выдернула нож, развернулась и медленно пошла обратно. Отойдя на несколько шагов, она, не оборачиваясь, кинула кинжал через плечо.

– С ума можно сойти... – протянул ошеломленный Дерек. Ирис невольно улыбнулась. Но тут же улыбка сбежала с лица. Она вспомнила... Рука вспомнила, узнала тяжесть оружия и вернула воспоминание о другом кинжале. И о липкой, горячей крови на рукояти. Ирис содрогнулась, несмотря на жару. До того страшного мига кинжал был для нее игрушкой. И сейчас она взяла его как игрушку, чтобы похвалиться, как раньше, своей ловкостью. И была наказана. Игрушек больше не было, только оружие, несущее смерть. Детство кончилось.

– Послушай, – кинули ей в спину, – а кто ты вообще такая? И кто на тебя так рассердился?

Это был огромный, сильный, но уже немолодой человек. Он глядел на нее серьезными светло-голубыми глазами и не был похож на «кровожадного пирата». Девушка обернулась.

– Меня зовут Ирис, – ответила она. – Кто я такая? Спроси меня об этом кто-нибудь четыре дня назад – я бы ответила, не задумываясь. А сейчас... Я потеряла все, чем дорожила. Свой корабль. Он был прекрасен! Наверняка я потеряла свое доброе имя. И мои друзья... Их

я тоже потеряла. Кто я? Скорее всего, никто. Зовите меня Ирис и не думайте, кем я была раньше. Что бы там ни было, боюсь, в ближайшее время мне нет пути назад.

Ирис тряхнула головой. И неожиданно, уголком глаза зацепила белую рубашу с широкими рукавами, резкое лицо и светлые волосы, зачесанные назад. Ирис повернулась... и встретила раздраженный взгляд капитана:

– Что вы здесь делаете? Кажется, я запретил вам спускаться на палубу.

* * *

В капитанской каюте был полумрак. На Карибы уже спускался вечер. В сумерках море казалось седым и не улыбочиво строгим, даже суровым.

Ирис было не по себе. И от сердитого моря, и от наползающих сумерек, и, главное, от тихого гнева человека, о котором она ничего не знала. За исключением страшных легенд. Капитан не пожелал сесть. Он медленно расхаживал по каюте, не глядя на девушку, и та, пользуясь случаем, украдкой разглядывала флибустьера, пытаясь понять, что у него на уме.

Он не был таким высоким, как ей показалось при первой встрече. Не выше Джорджа Эльсвика, но шире в плечах и гораздо крепче. И старше лет на десять. Его походка была легкой, почти неслышной, а жесты – тяжелые, внушающие тревогу. Ирис ждала беды. И то, что пока с ней не случилось ничего страшного, только усиливало ее дурные предчувствия. Неожиданно капитан остановился, повернулся к ней, и она встретила взглядом с его ярко-зелеными, кошачьими глазами. Выражение этих глаз было отнюдь не восхищенным.

– Ну и зачем вам понадобилось устраивать этот цирк? – спросил он вдруг, вопрос прозвучал ровно, но Ирис вздрогнула.

– Что?

– Я спросил, зачем вы спустились на палубу, – повторил он.

– Я думаю, как ответить, – коротко отозвалась она.

Капитан неопределенно хмыкнул:

– У вас речь и манеры леди из общества, но, скажем так, довольно странные навыки...

В его голосе не было ничего угрожающего и, пожалуй, ничего повелительного, но не подчиниться и промолчать было просто невозможно.

– Меня зовут Ирис Нортон, – сказала она, – к доске меня привязали испанцы. А до этого они потопили торговую шхуну «Полярная звезда», на которой мы плыли в Порт-Рояль.

– «Мы»?

– Я и Джордж. Мой жених.

– Джордж?

– Эльсвик, – со вздохом договорила Ирис.

Капитан на мгновение прикрыл глаза и кивнул, словно услышал нечто знакомое. Ирис несколько расслабилась. Похоже, гроза прошла стороной, и ее сумасбродная выходка осталась без последствий.

– Бывало так, что бежали из плена проданные «белые рабы»? – решила она спросить.

Рик пожал плечами:

– Отчего нет? Зависит от того, куда их продали.

Ободренная его спокойным тоном, она быстро задала второй вопрос:

– Возможно ли их выкупить?

– Случалось и такое, – ответил капитан, не отводя внимательного взгляда.

– А... если их никто не купил? – она сжала пальцы в кулаки и даже покусала губы, подбирая слова. – К примеру, пленники не понравились хозяину или не сошлись в цене.

– Чаще всего такие пленники заканчивают жизнь в испанской тюрьме на острове Санта-Катарина, – ответил Рик.

Казалось, его забавляет эта игра в вопросы-ответы. Он присел на край массивного низкого стола и поощрительно улыбнулся девушке.

– Как устроить побег с острова Санта-Катарина? Вероятно, нужен корабль, оружие,

люди... Интересно, где все это берут? – она вдруг запнулась, словно с разбегу налетела на каменную стену. – Почему вы так на меня смотрите?

– Похоже, вы собираетесь за эти цапки купить весь испанский Мэйн, – усмехнулся Рик.

Испуганным, произвольным движением Ирис вскинула ладонь с растопыренными пальцами, пытаясь заслонить свое единственное сокровище – нить мелкого, но очень ровного жемчуга с тонким серебряным крестом. Но тотчас опомнилась. Рик не мог увидеть его под одеждой. Капитан язвительно рассмеялся:

– Я видел ваш жемчуг раньше. В тот день, когда ребята нашли вас в море. От вашего платья тогда остались одни лохмотья. Они могли скрыть... очень мало.

Ирис отпрянула, краснея от гнева.

– Вы... вы...

– Что, я?

– Вы... У вас все же странный акцент, – сама не зная почему, вымолвила Ирис.

Рик, внезапно перестав улыбаться, серьезно сказал:

– Вашего жемчуга не хватит. Поверьте мне, я знаю здешний рынок.

С этими словами он встал и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь каюты.

Ирис присела на койку, почувствовав, что ее бьет озноб. Странный акцент... но это не главное. Странные слова... Да нет, быть того не может. Конечно, она ошиблась. Везде бывают странные люди. Если разобраться, у нее и самой хватало странностей.

Глава 6

Приземистый одноэтажный дом с затейливой двускатной крышей прятался в зарослях душистого кедра. Большую открытую веранду заслоняли от солнца тень широколапых ветвей и длинная полоса густого кустарника. Войти сюда без вреда для своего костюма можно было лишь со стороны дома, но никак не из сада, хотя лестница имела и даже подметалась.

За круглым столом на гнутых ножках, занимавшем половину всей площади, сидели двое. Странная это была парочка. Оба молчаливо курили, но на этом их сходство заканчивалось. Один курил сигару, свернутую из листьев, другой грыз трубку белыми крепкими зубами. Тот, что с сигарой, был молод. Правильные черты лица несколько портила надменность, сквозившая во взгляде узких, широко расставленных глаз. Полные губы улыбались, но от этой улыбки хотелось бежать со скоростью штормового ветра. В ней не было тепла, не было веселья, лишь самоуверенная, деспотичная воля. В двадцать семь лет дон Родриго де Вальдоре прекрасно знал, чего он хочет, и как поступить с теми, кто будет ему препятствовать. Впрочем, препятствовать и даже просто возражать дерзали немногие. Один из этих немногих сидел напротив. Он не растекся по креслу-качалке, как Родриго, а выбрал ореховый стул с жестким сиденьем. Больше всего он был похож на большого уличного кота. В позе, вроде бы свободной, проглядывала готовность вскочить и мгновенно, не тратя слов, объяснить, что почем любому, кто напросится. Этот весьма колоритный тип занимал особое место в иерархии слуг дона Родриго. Хозяин очень ценил немолодого, хмурого цыгана. Тот был не так умен, как изворотлив, не так честен, как неприхотлив, не так верен, как ограничен в выборе хозяев. Говоря проще, сеньор Хосе Мартинес, управляющий «по особым делам», был разбойником и вором, которого разыскивали альгвасилы всего испанского Мэйна.

Третьей была молодая, русоволосая девушка в грязном, порванном платье. Она стояла у стены напротив, пытаясь держаться прямо и гордо, но удавалось ей это из рук вон плохо. То, что мужчины сидели, а девушка стояла, достаточно четко определяло ее статус в этом доме – она была пленницей.

– Перестань реветь. Вытри лицо, – резко приказал молодой испанец и бросил девушке шелковый платок. Он произнес это по-английски, на родном языке пленницы, почти не коверкая слова. Она вздрогнула, нагнулась, подняла платок и поспешно прижала его к лицу.

– Сеньор, я верно служу вам почти год, – проговорил цыган, разглядывая пленницу. – Вы вытащили меня из тюрьмы, и я стараюсь заслужить вашу невиданную милость, но этак, пожалуй, я скоро останусь без хозяина. Ведь эта девчонка совсем не похожа на ту.

– Это не будет помехой, – ответил испанец, – лицо ей прикроем вуалью, оденем прилично и покажем с дальнего расстояния. Волосы-то один к одному. Разве что у этой погуше.

– А если Нортон не поверит нам? – смуглое лицо цыгана не выражало ровным счетом ничего, и было не понять: то ли он пытается отговорить хозяина, то ли напротив, помочь дельным советом.

– Мы не пойдем на берег, – ответил испанец, – случиться может всякое, и незачем снабжать старика заложниками. Мы пошлем того, кому Нортон поверит.

Хосе подхватил мысль хозяина на лету:

– Этот тощий английский дворянчик, который так боялся уронить свою честь, что отказался умываться лишь потому, что таз поставили на пол? Граф, видите ли, не может встать на колени. Теперь ходит грязный как свинья и чешется, как собака. Дже-е-нтльмен, – с презрением протянул цыган. – Где были глаза этого Нортон, когда он сватал за него такую отчаянную девчонку?

– Она убила моего отца, – глухо напомнил младший.

– Мы были на «Долорес», сеньор, – примирительно проговорил Хосе, – и не знаем, как было дело на «Сан-Фелипе». Возможно, она только защищалась.

Дон Родриго бросил недобрый взгляд, но Хосе выдержал его бестрепетно.

– Ты, кажется, оправдываешь эту тварь? Смотри, Хосе. Отправить тебя обратно в тюрьму намного легче, чем вытащить оттуда. Я смог одно – смогу и другое.

– Воля ваша, сеньор, – теперь уже в открытую усмехнулся Хосе. – Но когда вы будете передавать меня алькаду, подумайте о том, что в один прекрасный день вы можете оказаться рядом со мной. Почти год вы, сеньор, укрывали беглого преступника, и не только из христианского милосердия. Я выполнял ваши поручения и хорошо запомнил тот дом на площади, где жила эта несчастная девушка, дочь губернатора...

– Замолчи!

Дон Родриго вскочил, кресло отлетело в сторону. Он невольно потянулся к поясу, к рукояти своей длинной шпаги, но наткнулся на черные, неподвижные глаза цыгана. Разбойник не переменил позы, лишь слегка двинул локтем, и громадная ладонь оказалась в дюйме от короткого плоского ножа. С минуту они глядели в лицо друг другу. И хотя молодой испанец глядел сверху вниз, он прекрасно понимал, что преимущество это весьма относительное. Стол мешал ему использовать шпагу, тогда как сам он, стоя в полный рост, представлял отличную мишень для ножа ловкого разбойника. Английская пленница испуганно сжалась. Она не поняла разговора, но у нее хватило ума сообразить, что будет, если эти двое сейчас сцепятся. Победи молодой испанец – все останется по-прежнему, но достанься победа цыгану, ее ждет немедленная смерть.

Внезапно дон Родриго выдохнул, расслабился, опустил в удобное кресло и наигранно рассмеялся:

– Право, мой друг мой, мы похожи на псов, не поделивших сахарную кость. Это глупо.

– Да, сеньор, – в знак согласия цыган склонил голову, рука отодвинулась назад, и дон Родриго перевел дух. Такие стычки случались и раньше, и, не найдя лучшего выхода, испанец сделал вид, что ничего не случилось:

– Эта англичанка – ведьма. Я жалею, что не убил ее собственными руками. А что касается выкупа – мы его получим. Дон Родриго де Вальдоре всегда возьмет свое. Нам повезло, что не утопла эта девчонка, Мэри.

Услышав свое имя, девушка вздрогнула и выпрямилась. Заплаканные глаза остановились на Родриго с невыразимой мольбой. Но тот глядел мимо нее. На цыгана.

– Хосе, время против нас. Мы должны сделать дело до того, как слухи о гибели «Полярной звезды» достигнут Старого Света. У тебя неделя, чтобы сделать эту парочку

покладистой. Неделя, Хосе.

– Да, сеньор, – привычно кивнул цыган.

– Я спас тебя от виселицы, – напомнил хозяин, – говорят, люди твоего племени не забывают своих долгов...

Хосе Мартинес снова нагнул лобастую голову с шапкой жестких черных волос и ничего не ответил, а про себя подумал: «Не забывают, это верно, только от виселицы меня спас не ты, а госпожа Беатрис...»

* * *

Примерно в это же время черный двухмачтовый бриг «Королева Мария» болтался возле Барбадоса, как деревянный башмак в бочке рома. Команда была навеселе, да и сам капитан тоже. «Королева» оставила ненадолго королевскую охоту, чтобы с большой выгодой для себя продать партию «белых рабов», бывших когда-то английскими моряками. Волк перекупил их с испанского фрегата «Сан-Фелипе». Сделка эта, конечно, была незаконной. Все пленные подлежали заключению в тюрьме на Санта-Катарине, но дон Родриго справедливо решил, что с тюрьмы его величества вполне хватит двух старших офицеров. А матросы были проданы за полновесную монету тем, кто не станет кричать на весь свет о подобной торговой операции. Оба корабля разошлись весьма довольные друг другом. К слову, это маленькое знакомство отнюдь не помешало капитанам оставаться заклятыми врагами и не остановило бы ни одного из них, если бы представилась возможность без лишних потерь захватить и груз и корабль. Волк торопился на Тортугу и не мог сразу отделаться от живого груза. За время короткой стоянки в Кайоне и пути на Барбадос «естественная убыль» составила процентов десять... И слава богу, что подходящий покупатель подвернулся так быстро.

В большой, но до ужаса грязной, капитанской каюте, закинув ноги на стол, полулежал мрачный человек. Он находился не в самом лучшем состоянии духа и тела, а проще – был мертвецки пьян. На темном лице застыло угрюмое выражение. Губы кривились в шалой усмешке. Дверь приоткрылась ипустила помощника капитана. Он обшарил каюту глазами, присел на стул с твердым сиденьем и мотнул лохматой головой, схваченной кожаным ремнем. Джон тоже был пьян, но делал вид, что абсолютно трезв.

– Джон, ты не помнишь, мы перед обедом молились? – мрачно спросил капитан.

Помощник не ответил, но про себя усмехнулся.

– Не помнишь? – громче повторил капитан. – А вот я помню, сто чертей тебе в печенку. Не молились! Будем мы гореть в геенне огненной, помняи мое слово.

– Что с тобой, Волк? – бормотнул помощник. – Мы перебрали, согласен, но повод был.

– Чтоб я сдох, если я его вижу, – и так как помощник не собирался отвечать, Волк ответил сам: – Они были христиане, Джон. А мы с христианской душой как с собачьей... Великий грешник я, а за этот грех буду лизать горячие сковородки лишнюю тысячу лет.

– Да что с тобой, Волк?

Пьяный капитан привстал, оглядывая каюту мутными глазами. Кроме обычной хмельной ошалелости в них мерцал фанатичный огонек пополам с чувством, которое очень редко посещало Волка – страхом и раскаянием.

– Джон, мы с тобой закоренелые грешники, – захохотал он, – нет нам прощения, не вырвем мы у Дьявола свои души. Пропили мы, прогуляли по кабакам наше спасение. Велики прегрешения наши, велики и неискупимы. О чем ты думаешь, Джон? – воззвал Волк.

Джон поднял голову и медленно, членораздельно произнес:

– Старина Волк вспоминает о Боге только тогда, когда он хватил лишнего. Так говорят на Тортуге, и пусть меня съест акула, если это не так.

– Я не пьян, – мотнул головой Волк, – о, нет. Не пьян. Мне было видение. Мне явился Господь. Что б я всю жизнь плавал в тазу для бритья и не видел денег больше двух песо, если вру!

– И что он сказал тебе? – поинтересовался Джон.

Волк устремил взгляд в пространство.

– Он сказал мне: «Чарли, сын мой, помнишь ли ты еще свое имя?» Я ответил – помню, Господи! Он спросил меня: «Помнишь ли ты своего Бога?» Я ответил: «Помню, прости меня, Господи». Он сказал мне: «Чарли, сын мой, что же ты делаешь, сукин ты сын!» И я ответил: «Не знаю, Господи!»

Джон с интересом глядел на мрачного капитана с блуждающим взглядом. Это представление он видел уже много раз и всегда смотрел его с удовольствием.

– Он стоял на том месте, где сейчас я вижу твою гнусную, пропитую рожу, – продолжал Волк, – и говорил мне божественным голосом: «Чарли, сын мой, еще не поздно! Если ты раскаиваешься в своих великих прегрешениях, и для тебя могут раскрыться врата рая! Ибо одного раскаявшегося грешника примут с большей радостью, чем сотню праведников».

– И что дальше? – спросил Джон.

– Господь открыл мне путь к спасению! Ребенком я был обещан Богу, но я не понял своего предназначения и бежал в эту проклятую лужу, где крови больше, чем воды, и всего один священник на тысячу висельников. Но вот и для меня настал день прозрения. Я стану служителем Божьим! Да, я сделаю это, чтоб у меня рога на лбу выросли, чтоб я стал зеленым, как морские водоросли. Разворачивай корабль! – и так как Джон не шевельнулся, Волк вскочил на ноги и в ярости схватился за нож. – Или ты оглох, ад и чума, так я сейчас прочищу тебе уши, пьяная скотина! – и как подкошенный рухнул на свой стул.

Джон сплюнул и вышел из капитанской каюты. Когда, спустя минут пятнадцать после этой сцены, он, посмеиваясь, расхаживал по квартердеку, его окликнул один из матросов, интересуясь, как капитан.

– Как, как, – пробурчал Джон, – опять в святые отцы собрался. Значит, и вправду пьян как свинья. Пропала наша охота.

Сделав поворот оверштаг, «Королева Мария» на всех парусах полетела назад, к Тортуге, где оставались кое-какие недоделанные мирские дела Волка, который собрался-таки в священники (что он делал регулярно после каждой серьезной попойки). Впрочем, «Фортуна» спешила туда же.

* * *

Малиновый солнечный диск завис над самой водой и в обрамлении сизых облаков пылал, как яркий рубин в короне владыки Востока. Казалось, «бронзовая» «Фортуна» сейчас расплавится в тигле заката. Паруса горели, и алый, трепещущий отсвет лежал на темной воде.

Ирис глядела в окно на чудесный закат с видом приговоренного к смертной казни. В дверь кто-то постучал.

Она не услышала. Стук повторился громче, настойчивее. Затем дверь открылась. Ирис даже не повернула головы и не заметила Дэнни Расвена. С девушкой происходило что-то странное. Она глядела в пол и что-то шептала себе под нос, как безумная.

– Мисс Нортон, – позвал Дэнни, – Ирис?

Никакого ответа. Дэнни не на шутку перепугался. Девушка нравилась ему, и за эти несколько дней они почти подружились. Не зная, что предпринять, шкипер постучал в стенку капитанской каюты. Джеймс Рик возник на пороге почти сразу. Вопросительный взгляд бежал каюту и остановился на Дэнни. Тот был растерян.

– Рик, по-моему, с ней что-то не ладно. Я окликнул ее, но она... не услышала.

Капитан подошел к девушке, легонько тронул за руку:

– Что с вами?

– Кровь, – прошептала Ирис, глядя в пространство пустыми глазами, – его кровь.

Только сейчас мужчины заметили, что она разглядывает свои руки, на которых лежал

отсвет заходящего солнца.

– Выйди, Дэнни, – произнес капитан.

В голосе Рика не было властности, скорее в нем звучала просьба, но помощник беспрекословно подчинился. Рик резким движением захлопнул ставни. В каюте стало темно. Он на ощупь нашел свечу, и через мгновение мрак рассеял крохотный огонек. По стене проползли большие нечеткие тени. Капитан взял девушку за плечи и легонько встряхнул:

– Мисс Нортон, – позвал он, – все в порядке. Здесь никого нет, кроме меня.

Девушка вздрогнула. В глазах мелькнул отблеск мысли. Она решительно освободилась. Капитан ждал.

Ирис медленно приходила в себя. Она сжала виски, словно страдала от головной боли. Черты лица исказили страх и отвращение. Губы дрожали, будто пытались что-то сказать. Она поднесла руки к лицу, всмотрелась в них и, явно успокаиваясь, медленно опустила. Девушка выглядела совершенно измученной.

– Мисс Нортон?

Ирис испуганно вскинула голову:

– Что вам здесь нужно?

– Дэнни позвал меня. Вы порядком напугали парня. Ему показалось, что вы неадекватны... – он замолчал, подбирая слово, – не в себе.

– Да, – произнесла Ирис глухо и устало, – наверное, так оно и было. Я смотрела, как заходит солнце. Это было так красиво. А потом я вспомнила... – девушка содрогнулась, снова шевельнула руками, но опомнилась и сцепила их в крепкий замок. – Ужасно, – прошептала она.

Капитан отступил на полшага, закрыл собой свечу так, чтобы и он, и девушка оказались в тени.

– Что такого ужасного вы могли вспомнить? – мягко спросил он, и этот неожиданный тон поразил Ирис.

Она подняла глаза.

– Расскажите мне, – он ободряюще улыбнулся, – не бойтесь. У меня случилась такая странная жизнь. Я видел и слышал такое, что вряд ли вы сможете меня чем-нибудь удивить.

Похоже, он действительно хотел помочь.

– Мне показалось, – медленно, словно преодолевая сильное течение, заговорила она, – что мои руки в крови.

– Это только закат.

– Нет, – возразила она, – не только. Мои руки действительно в крови, – сцепленные пальцы дрогнули, но остались на месте. Ирис с усилием оторвала от них взгляд и остановила его на подбородке Рика. Взглянуть ему в лицо она не смогла. – Я совершила убийство.

Первый раз она произнесла это вслух, и звук собственного голоса напугал ее еще сильнее.

– Действительно, это ужасно, – кивнул Рик. Он был, казалось, скорее заинтригован, чем шокирован, – но вряд ли это причина сходить с ума. Как это случилось?

– Это произошло на испанском корабле, – проговорила девушка. – За несколько минут до взрыва «Полярной звезды» Дик дал мне кинжал. Чтобы я могла защититься.

– И вы использовали его по назначению, – усмехнулся Рик. – Можете не продолжать...

Он смотрел на девушку странным взглядом, в котором смешались сочувствие и ирония.

– Я не священник, мисс Нортон, и не могу отпускать грехи. Но полагаю, что человек, поднявший руку на своего ближнего, должен быть готов к тому, что ближний окажется вооружен.

– Это не предмет для шуток, – вспыхнула Ирис.

– А я не шучу, – Рик присел на большой, окованный железом сундук и взглядом пригласил ее присоединиться.

Она подошла и опустилась в плетеное кресло. Приглушенный голос Рика в полутьме прозвучал тепло и убедительно.

– Бог дал вам жизнь, чтобы вы жили долго. И если бы вы не попытались ее защитить, то пренебрегли бы этим даром.

Ирис смотрела в резкое лицо Рика заворуженно. При всей своей простоте эта мысль никогда не приходила ей в голову.

– Капитан Рик, в вас столько добра! – воскликнула она. – Почему, ну почему вы выбрали эту долю?

Рик поморщился, словно съел кислое. Встал. Шагнул в сторону. Тень на стене выросла и переползла на потолок. Свет упал на его лицо. Ирис заметила жесткую, кривую усмешку и поняла, что Рик сильно задет ее словами. Но он быстро взял себя в руки.

– Почему? – переспросил он. – Да просто потому, что я не выбирал. Некто или нечто выбрало за меня. Сначала я оказался не в том месте и не в то время. Но я выжил, и это было уже хорошо. Потом я встретил замечательного человека. У него было двое сыновей. Они погибли из-за жадности или глупости одного мерзавца. Еще была дочь... Но это отдельная история. В общем, они с женой помогли мне встать на ноги, найти свое место в этом странном и новом для меня мире. А потом их обидели. Очень сильно обидели. У них отняли самое дорогое, смысл их жизни. А этого делать нельзя. Никогда нельзя отнимать у человека последнее. За это нужно наказывать. И я здесь именно для этого. Чтобы наказать...

Ирис чувствовала странное смятение. Неожиданная откровенность этого, почти незнакомого человека ошеломила ее. Ей хотелось сказать ему что-нибудь такое же теплое, но слов не было. Только странная, щемящая тоска, для которой не было никаких причин. Неожиданно Рик рассмеялся:

– Ну, вот мы и исповедовались друг другу. Отсюда один шаг до сердечной дружбы, – в голосе проскользнули прежние язвительные нотки, но зеленые глаза смотрели серьезно и мягко.

В Ирис спорили двое: маленькая, испуганная девочка и любопытная женщина. Первая радовалась, что ее успокоили, и больше ничего не хотела знать. Вторая была заинтригована. Ей хотелось узнать, что за тайная грусть растревожила капитана. Какие воспоминания пробудили ее признание. В этом человеке была какая-то загадка, а Ирис Нортон с детства обожала загадки. Она уже почти сложила в уме подходящий вопрос, когда в каюту резко постучали. Капитан повернулся к двери, но та распахнулась сама. Это был Дэнни. Он обежал каюту беспокойным взглядом и прямо с порога выпалил:

– Рик, у нас, кажется, гости.

– Что за гости? – капитан мгновенно позабыл о девушке.

Он вышел вслед за помощником, машинально закрыл дверь и двинулся по коридору.

– Так что там за гости? – повторил он.

– Вахтенный заметил паруса на горизонте.

– Ты их узнал... И?

– Черный бриг с таким, знаешь, хищным форштевнем...

– Как же, встречались, – усмехнулся Рик. – Черт! Ты был прав, Дэнни. Не стоило задерживаться в Невисе.

– Ты подумал о том же, что и я? – мрачно спросил Дэнни.

Они миновали коридор, поднялись по трапу и оказались на мостике, открытом всем ветрам. Рик долго рассматривал море в подзорную трубу, пытаясь разглядеть в наступившей тьме что-то помимо блеклого пятна на горизонте.

– Похоже, мы с тобой становимся мнительными, как две старые девы, – проговорил он наконец и захлопнул трубу. – Однако странно, что он один. Волки охотятся стаями. Возможно, к рассвету нас ждет сюрприз...

– Что за сюрприз, капитан?

Рик резко обернулся. На ступенях стояла Ирис Нортон. Светлые волосы были наскоро заплетены в косу, плечи закутаны в белый, шерстяной платок из сундука с добычей Дэнни. Она услышала странную фразу о гостях и решила разузнать, в чем дело. Матросы «Фортуны» не горели желанием ответить на ее вопросы. Что-то происходило, и это что-то не нравилось

пиратам. Ирис, взволнованная и озадаченная, поднялась на мостик и наткнулась на раздраженный взгляд капитана.

– Что вы здесь делаете? Мостик – не место для прогулок.

В его голосе не было и следа недавнего тепла и дружеского участия. Ирис растерялась:

– Я чем-то обидела вас?

Рик отвернулся от девушки и сухо приказал:

– Немедленно пройдите в свою каюту, закройте там и не высовывайте носа, пока не рассветет. А лучше и после.

«До рассвета...»

Ночь обступила корабль со всех сторон. Ирис напряженно вглядывалась в изменившийся мир, пытаясь понять, что происходит. Распоряжение Рика она пропустила мимо ушей.

– Капитан, – взволнованно произнесла она. – Я слышала, то есть я спросила... Ваши матросы упомянули Волка. Это его корабль? Вы можете просигналить, чтобы он принял меня?

Заявление произвело эффект небольшого взрыва. Капитан и штурман удивленно воззрились на девушку.

– Мне нужно с ним поговорить, – торопливо объяснила Ирис. – Это ему испанцы собирались продать «белых рабов». Я услышала это случайно, когда они решали, каким способом меня казнить.

– Час от часу не легче, – поразился Дэнни. – Вы хоть представляете себе, кто такой Волк? Вы не уйдете оттуда живой.

– Но я не могу его упустить! Пропали четверо моих друзей. Я знаю – они в беде. Может быть, это последняя возможность найти их и помочь.

В умоляющих глазах Ирис прыгали черти безрассудства. Капитан молчал. Молчал и Дэнни. Свежеющий бриз ощутимо покачивал «Фортуну». Ирис шагнула к Джеймсу Риду и упала на колени:

– Капитан, умоляю, отпустите меня.

Рик не верил глазам. Неужели она серьезно? Она не шутила. И, похоже, была готова вырвать его согласие любыми средствами. Вплоть до истерики.

– Вы сумасшедшая, – произнес он наконец. – Или знаете о себе что-то такое, чего не знаю я. Бог с вами, делайте, что хотите. Надеюсь, вы понимаете, что творите. Дэнни, распорядись. А я, как Пилат, умываю руки.

– Спасибо, вы великодушны...

Не слушая слов благодарности, Рик в раздражении отошел.

* * *

На Карибах темнеет стремительно. Только что серый вечер тронул верхушку мачт, и вот уже в чернильной тьме не разглядеть собственные руки. Когда с «Королевы Марии» спустили трап, и Ирис Нортон поднялась на борт чужого корабля, в темноте прозвучали три коротких, сдвоенных удара корабельных склянок. К девушке подошел длинный худощавый человек с острым лицом и неприятным, скользким взглядом. Ничего не говоря, он жестом пригласил следовать за собой. В качающемся свете фонаря Ирис увидела медные стволы пушек, бочонки из-под пороха. Низкий, сводчатый потолок нависал над тесной батареей палубой. Потом они попали в какой-то коридор и по железным ступеням поднялись наверх. В двух коридорах, через которые они прошли, были проходные двери. Ирис поняла, что ее ведут каким-то «черным ходом», чтобы девушка не попала на глаза команде. Ее проводник толкнул массивную дверь каюты, и прямо с порога Ирис наткнулась на пристальные, холодные глаза знаменитого Волка. Не отрывая взгляда, она смотрела на коренастого, мускулистого человека в расстегнутой рубашке. Он сидел за дубовым столом в компании свечей и бутылки. Седые волосы стягивал старый засаленный платок неопределимого цвета,

скрученный в жгут, в ухе торчала серьга с крупной жемчужиной, а на губах блуждало что-то весьма отдаленно схожее с гостеприимной улыбкой. Потрепанная шляпа висела на гвозде, вбитом в стену позади Волка.

– Ну? – спросил пират, не утруждая себя правилами этикета, – зачем я вам понадобился? Мисс?..

– Мэри, – ответила Ирис, снова вспомнив о том, что с правдой спешить не стоит – мне нужны кое-какие сведения и я надеялась...

– Кем вам приходится Джеймс Рик? – перебил Волк.

– Я его сестра, – сказала Ирис, от души надеясь, что и об этой маленькой лжи Рик никогда не узнает.

– Гляди ты, – протянул Волк, – это довольно любопытно. Что же у вас за дела, мисс Мэри? Я готов поклясться на распятии, что никогда не видел вас.

– Это так, – кивнула Ирис. – Но мне нужен разговор без свидетелей. Он касается только вас и меня.

– И вашего брата?

– Нет, – мотнула головой Ирис, – только нас.

– Джон, – произнес капитан и сделал выразительный жест рукой.

Длинный помощник Волка тотчас убрался, прикрыв за собой дверь, но взгляд, который он метнул напоследок в своего капитана, снова встревожил Ирис.

Она подошла ближе, сцепив до хруста узкие пальцы, и мягко произнесла:

– Капитан фрегата «Сан-Фелипе» собирался заключить с вами некую сделку. Я хотела бы знать, состоялась ли эта сделка...

Темные глаза Волка недобро сверкнули:

– А вам что за дело, мисс Мэри?

– Объектом сделки были люди, которые меня интересуют, – туманно ответила девушка.

– Интересуют? – пират вопросительно поднял бровь.

– Это личный интерес.

– Вам чертовски везет, мисс Мэри, – после недолгого молчания ответил пират. – На ваше счастье, я еще вчера принял решение бросить море и начать служение Господу, чтобы получить прощение старых грехов. И я не хочу брать на душу новые.

– Бога ради, ответьте на мой вопрос!

– Вам чертовски везет, – повторил Волк, – их было тридцать человек. Кто именно вас интересует?

Ирис нервно сглотнула:

– Один из них – высокий, широкоплечий, лет сорока. У него рыжие волосы и заметный шрам во всю щеку. Другой – молодой человек очень маленького роста. Потом невысокий, худой, хорошо одетый джентльмен. Насколько я его знаю, он должен был объявить, что является графом. И еще молодая девушка примерно моих лет. У нее похожие волосы, заплетенные в две косы. – Она посмотрела на Волка с надеждой и страхом. Это была единственная ниточка. Ирис даже думать не хотелось, что она может оборваться. Волк прищурился, изучая девушку.

– И который из трех ваш жених? – внезапно спросил он.

Ирис про себя подивилась такой проницательности.

– Тот, что называл себя графом...

– Может быть, я и видел их. А может, и нет. А может, они вели себя плохо, и я приказал повесить их на нок-рее «Королевы», – в глазах корсара затлел опасный огонек. Он явно забавлялся отчаянием и горем Ирис. Девушка подумала, не упасть ли опять на колени, но отбросила эту идею. С такими, как Волк, надо было действовать по-другому. Она была дочерью коммерсанта и не раз присутствовала при заключении торговых сделок. Альфред Нортон добросовестно учил наследницу тонкостям ремесла. Ирис взяла себя в руки, выпрямилась и спокойно спросила:

– Сколько стоит эта тайна?

Пират подался вперед, и Ирис уловила какие-то задние мысли, мелькнувшие в сощуренных глазах.

– Вы богаты? Или заплатит ваш брат?

– Моего брата это дело вообще не касается. Оно только между нами, – повторила Ирис. – Здесь, с собой у меня ничего нет. Но у меня найдется, чем заплатить вам. Это всего лишь остатки моего состояния, но, думаю, этого хватит, – Волк ждал, не торопясь с ответом, и она продолжила: – Это жемчужное ожерелье. Здесь за него дадут двадцать тысяч песо. А в Старом Свете в два раза больше. Я отдам его вам, если вы скажете, что с моими друзьями и где они.

С минуту Волк молчал, с удивлением разглядывая девушку. Потом откинулся назад. Кресло жалобно заскрипело, а Волк деланно рассмеялся.

– Да, деловой хватки брата вам не досталось. Милая, наивная девочка. Неужели вы думаете, что ваши друзья, окажись вы на их месте, сделали бы то же самое?

– Не сомневаюсь, – ответила Ирис. – Я знаю тех, кого люблю.

– Хм, – хмыкнул пират. – У меня нет вашей уверенности. Но в одном я уверен – действуя таким образом здесь, на Карибах, вы наживете себе врагов.

– Почему? – удивилась Ирис.

– Здешний народ ненавидит благородные чувства, потому что сам на них не способен, – Волк поманил ее толстым, крючковатым пальцем.

Ирис подошла еще ближе. Пламя свечи дрогнуло, и в его колеблющемся свете вспыхнули золотом ее светлые волосы. Лицо Волка осталось в тени.

– Значит, хотите спасти друзей...

– Это возможно?!

– Тсс! Не кричите. Такие дела делаются тихо. Я помогу вам, а вы поможете мне.

– Как?

– На корабле Рика есть карта. Очень мелкая. Лист пергамента стар и потрепан. Это карта острова. Все обозначения сделаны по-испански. Вы знаете испанский?

Ирис знала его как английский, но сочла благоразумным отрицательно качнуть головой.

– Хорошо, – кивнул Волк. – Чем меньше знаешь, тем дольше живешь. Добудьте мне эту карту, и я отвечу на ваш вопрос, – заметив ее движение, Волк вскинул руки. – Не отвечайте сейчас. Я понимаю, вам надо подумать. Встретимся в Кайоне. Неподалеку от рыночной площади есть кабачок «Райский уголок». Спросите Луизу Готье, скажете, что от меня. А сейчас – до свидания. И держите язык за зубами. Руки у меня длинные, а расправа короткая. Счастливого пути, мисс Мэри.

* * *

– Луиза! Где тебя черти носят?! – еще не старая, но полная женщина простучала по крепким ступням тяжелыми деревянными башмаками.

– Луиза!

В маленьком садике скрипнула задняя калитка, и на крыльцо взбежала очаровательная девушка. Крепкая крестьянская фигура не была лишена некоторого изящества. На матовой коже лица блестели большие, влажные, как маслины, черные глаза. Черные, густые волосы были схвачены алой лентой. Она рассмеялась грудным смехом и, подлетев к женщине, расцеловала ее сердитое лицо.

– Ну, не ворчи. Я ведь уже здесь.

– Где тебя носило? Глаза горят, улыбка до ушей. Небось, опять в порт бегала? Нечего тебе там делать, сколько можно повторять. Дел невпроворот, а тебя, когда ни схватишься, нету, – проворчала Мамаша Мадлон, так звали эту особу, известную морякам всей Вест-Индии.

Луиза постаралась сделать виноватое лицо, но обмануть Мамашу Мадлон было не так

легко, если вообще возможно. Содержательница кабачка обладала поистине собачьим чутьем.

– Нечего туда бегать! Сколько раз говорено... Навязалась на мою голову, видно Господь послал за грехи, – Мамаша Мадлон широко перекрестилась и направилась в дом, грохая своими башмаками.

Луиза последовала за ней.

– Ушел твой красавец, – буркнула женщина, – говорят, в Америки ушел. Люди сказали, хотел он в Америки, говорят, там простым людям хорошо живется. А что ему? Парень он оборотистый. Построит дом. Земля там не меряна... женится, детей заведет. И не вернется в это Богом проклятое место. И правильно сделает, – Мамаша Мадлон бросила взгляд на племянницу и заметила, что ее смуглая кожа едва заметно побледнела.

– Неправда, матушка, – запальчиво возразила Луиза, – длинный Том говорил, что «Сюзанна» встретила «Фортуна» недалеко от Невиса, и она направлялась к Тортуге. И если шторма не будет, а его не будет, я уверена, «Фортуна» очень скоро будет здесь. – Девушка снова улыбнулась и почти пропела: – их будет встречать вся Кайона. Сержант Дуглас из форта обещал устроить салют.

Башмаки Мамашы Мадлон загремели по темному коридору в направлении кладовки. Звякнули ключи. Заскрипела рассохшаяся дверь. Женщина наклонилась и, попеременно ругаясь и божась, принялась разбирать связки пряностей, двигать какие-то банки и перекладывать коробочки. Набрав пряностей, хозяйка свалила все это добро на руки Луизе и разогнулась, утирая лоб ладонью.

– Ну и жара. Так, говоришь, шторма не будет? – пробормотала она, скорее соглашаясь, чем спрашивая.

– Нет, матушка, – поспешно ответила Луиза.

– Ну-ну, – она снова было сунулась в кладовку, но, вспомнив что-то, повернулась к Луизе.

– Я тебе говорила и снова говорю – выброси его из головы. Девка ты видная, кавалеры проходу не дают, а этот и не глянет. Не иначе, есть у него кто. А вообще-то, – Мамаша Мадлон сунула голову в кладовку, – выдать тебя замуж, и дело с концом. Муж будет, дом, хозяйство, сразу дурь из головы вылетит.

За спиной женщины послышался сдавленный стон, шорох и странный стук. Мамаша Мадлон обернулась.

Все тщательно отобранные пакеты и кульки валялись на полу. Луиза стояла с бессильно повисшими вдоль тела руками. В черных глазах была паника.

* * *

Свежий северо-восточный ветер заставлял «Фортуна» отклоняться от курса то на запад, то на восток, двигая ее галсами по несколько миль. Дэнни Расвен уверенно вел бриг домой, в Кайонскую бухту. Капитан Рик валялся на койке в каюте, закинув ноги выше головы, и был не в духе.

Когда шлюпка вернулась, и девушка вошла на борт живая и невредимая, он удивился безмерно. Она перекинулась парой слов с Дэнни, улыбаясь, как ни в чем не бывало, словно вернулась со званого обеда, и скрылась.

Неужели она совсем ничего не соображала? Пока он сидел тут как на пороховой бочке, каждую секунду ожидая пушечного залпа, мисс Нортон устраивала какие-то личные дела и, видимо, успешно. Она вела себя так, словно владела навыками нейролингвистического программирования за триста лет до того, как его изобрели... Рик развернулся и ушел к себе, подальше от нее и от Дэнни.

Ночь накрыла море черным плащом. Из темной пены облаков выплыла полная луна, похожая на начищенное блюдо. От нее по воде протянулась сверкающая дорожка, и бриг рассек ее форштевнем, с удивительной щедростью рассыпая лунное золото. Капитан встал.

Зажег свечи, сел и склонился над картой испанского Мэйна. Но думалось плохо. В голову лезла всякая чушь, вроде того, что Дэнни, пожалуй, пора вправить мозги. Уж больно по сердцу ему эта авантюристка. О чем она все-таки говорила с Волком? Почему он отпустил ее живой?

У Рика голова трещала от вопросов, но кроме себя задать их было некому. Карта Ферье... Подставив свой борт пушкам «Морского коня», старик оказал ему сомнительную услугу. Теперь вся свора, ходившая по пятам за Ферье, ожидая, когда он сделает ошибку... теперь она, вне всяких сомнений, повиснет у него на плечах, свяжет по рукам и ногам и не даст совершить задуманное. Подумав об этом, Рик почувствовал досаду и неожиданно разозлился. Он и не предполагал, что до такой степени задет. Рик встал из-за стола, сделал несколько шагов.

Может, он действительно стал слишком мнительным и видит оскаленные пасти там, где ничего нет... Но, черт возьми, кто эта девушка? И так ли случайно ее появление на «Фортуне»?

Рик все еще ломал над этим голову, когда в дверь решительно постучали.

– Войдите, – глухо сказал он.

Кто бы это ни был, принесло его явно не вовремя. Но Джеймс Рик был слишком хорошим капитаном, чтобы срывать злость на команде. Он подавил раздражение и медленно повернулся к двери. На пороге стояла Ирис. Заплетенная наспех коса растрепалась, а серые глаза горели таким жутким воодушевлением, что, пожалуй, прожгли бы в капитане дырку, если бы он не посторонился. Рик пропустил ее, кивком указал на кресло, но она проигнорировала приглашение и осталась на ногах. Ирис сделала несколько шагов, скользнув глазами по карте на столе.

– Что случилось, мисс Нортон? – Рик вздохнул, набираясь терпения.

– Я пришла просить вашей помощи, – произнесла девушка, комкая концы тонкой шали.

– Хорошо, не руки, – тихонько фыркнул Рик.

– Мне больше не к кому обратиться, а вы сегодня проявили подлинное великодушие, и я подумала...

– Что?

Ирис замялась, подбирая слова. Капитан стоял в трех шагах от нее. Свет падал со спины, и девушка не могла видеть его лица. Только четкий силуэт, широкие рукава тонкой белой рубахи, руки, скрещенные на груди, кожаный ремень, к которому крепились пистолеты. Сейчас их не было. Перевязь со шпагой тоже отсутствовала.

Ирис впервые увидела Рика без оружия и осмелела.

– У вас есть одна вещь, которая меня интересует.

– Только одна? – Рик невольно улыбнулся. – И что это такое? Во всяком случае, графской диадемы у меня для вас точно нет.

Ирис оставила платок в покое, опустила руки и сжала их в кулаки.

– Карта острова, – ответила она.

Капитан шагнул к столу, подвинул внушительный сундучок и открыл крышку.

– У меня много карт. Есть и карты островов.

Ирис откинула со лба светлые волосы.

– Мне не нужно много, – со вздохом произнесла она, – меня интересует одна. Мелкая, на старом пергаменте. Все обозначения сделаны по-испански.

Рик с оглушительным грохотом захлопнул крышку сундучка. Выпрямился. Повернулся к Ирис. Зеленые глаза впились в ее лицо.

– Вам сказал о ней Волк?

Одно мгновение она колебалась, потом признала его право на вопрос.

– Это неважно, но... Да, он.

– А вы знаете, зачем ему нужна эта карта?

– Нет, Волк на удивление немногословен, – призналась Ирис, – но наверняка это знаете вы... раз именно вы храните эту карту? Я подумала, может быть, мы с вами сможем

договориться?

– Что Волк обещал за карту? – быстро спросил Рик.

– Сведения. О жизни моего жениха и друзей.

Она смотрела, как капитан крутит головой и трет затылок, и тихо погибала от нетерпения. Наконец он взглянул на нее.

– Никак не могу понять: наивны вы, безумны или очень хитры, – произнес он. – Эта карта указывает расположение клада, который оценивают в три миллиона реалов. В легендах его называют «Большим призом Карибского моря».

Эта цифра, названная ровным тоном, сразила девушку. Оборот Торговой Компании Нортон в лучшие времена не превышал трети этой суммы. Возможно, Ирис грешила некоторой наивностью, но просить об услуге в три миллиона реалов, ничего не обещая взамен, – для этого действительно нужно было быть безумной.

– А сам о себе ваш жених позаботиться не может? – неожиданно спросил Рик. – Вам не приходило в голову, что это он должен бежать из испанского плена, искать и спасти свою невесту? Он вообще-то мужчина или надушенный костюм с длинным титулом?

– Да как вы смеете?! – воскликнула Ирис, задетая явной насмешкой Рика. – Да вы недостойны чистить ему сапоги!

Одно мгновение казалось, что в каюте сейчас развернется ад. Лицо Рика все еще было в тени, но по тому, как сжались его кулаки, Ирис поняла, что малость перегнула палку. Он шагнул к девушке, и она в страхе попятилась. Его резкие черты окаменели. В зеленых глазах тлело холодное бешенство. И когда он заговорил, голос показался ей тяжелым, как могильная плита:

– Меня зовут Джеймс Рик. Я – капитан брига «Фортуна». Под моим командованием ходит эскадра из пяти кораблей, и я никому! никогда! не чистил! сапоги! Вы поняли, «госпожа графиня»? А теперь убирайтесь отсюда, и чтобы до самой Тортуги я вас больше не видел.

Сказав это, капитан отвернулся, слишком взбешенный, чтобы смотреть, как выполняется его распоряжение. Но Ирис не двинулась с места. Медленно, через силу, она произнесла:

– Простите меня, капитан.

Рик метнул в девушку яростный взгляд:

– Вы еще здесь?!

– Я же извинилась! Я погорячилась, но вы сами меня на это толкнули. Вы же джентльмен. Так будьте им до конца. Простите мне эту бестактность, и продолжим разговор. Может быть, есть какое-нибудь компромиссное решение?

Рик неожиданно хмыкнул:

– Ну и ну. Право же, с вами не соскучишься. Вы хоть соображаете, что вы говорите? Я в этом не уверен. Судите сами: сначала вы, с упрямством, достойным лучшего применения, пытаетесь засунуть свою хорошенькую, но, извините, пустую голову в петлю и просто игнорируете все мои попытки удержать вас от этого шага. А потом, когда вам это удастся и вы обнаруживаете, что по горло увязли в здешних интригах, вы приходите ко мне, чтобы я вас из этой петли вытащил. Согласитесь, мисс Нортон, не очень-то вы последовательны.

Ирис не возразила. Что тут можно было возразить? Но и не ушла. Про себя Рик подивился такому упрямству.

– Значит, Волк ищет клад? – задумчиво переспросил капитан.

Джеймс Рик прошелся по каюте. Пламя свечей дрогнуло и высветило тонкий профиль девушки. Она делала вид, что внимательно слушает, но думала явно о своем. Вероятно, о том, как убедить его подарить им с Волком эти самые три миллиона.

– Скажу вам откровенно, мисс Нортон, я в эту сказку о кладе не верю. Здешний народ не умеет копить деньги. По большей части это отверженные. Они живут одним днем и не думают о будущем. Его у них просто нет. Все заработанное за рейс спускается тут же, в порту. Легенды о пиратских кладах существуют со времен Цезаря. Все эти сокровища...

Клады... Не искал их только ленивый, но что-то я не слышал, чтобы кто-то разбогател таким способом.

– Значит, вы решили стать первым? – вскинулась Ирис. – Есликлада нет, что вам мешает отдать карту мне и спасти четыре жизни? Ведь вы же ничего не теряете.

Капитан невесело усмехнулся:

– Да, кроме жизни, пожалуй, ничего. Мисс Нортон, карту видела вся команда, и, если она вдруг исчезнет, меня повесят на рее. Я, конечно, капитан. Но в этих водах капитанский патент стоит гораздо дешевле трех миллионов.

Ирис задумчиво кивнула. Она так и не решила: лжет капитан или говорит правду. Руки девушки жили самостоятельной жизнью. Связали концы платка в узел. Развязали. Снова связали.

– Мне ведь все равно нужна эта карта, – проговорила она, глядя в сторону, – эта или похожая. Я намерена встретиться с Волком. Он – моя единственная надежда. И если вы откажетесь мне помочь, я эту карту, пожалуй, украду. Мне, в общем-то, все равно, есть этот клад в природе или нет. Мои друзья стоят дороже. Так что вы уж лучше подумайте, что тут можно сделать.

И вот тут Джеймс Рик расхохотался. Он смеялся долго, от души, так, что на глазах выступили слезы. Отсмеявшись, Рик смахнул их рукой. Подошел к девушке. Осторожно повернул ее к свету. Он рассматривал ее тонкое, овальное лицо так, словно видел впервые.

– Что с вами? – спросила девушка.

– Ничего, – ответил он, – просто за последние десять лет меня первый раз так развеселили. Пожалуй, я вам за это благодарен. Так что, – он сощурился, пряча смех, – хотите вы ее увидеть?

– Шутите? – мрачно спросила Ирис.

– Ничуть. Подойдите сюда, – Рик шагнул к столу, подвинул свечу, порылся в сундучке и развернул перед ее глазами старый, порядком потрепанный кусок пергамента с очень мелкой картой, испещренной испанскими словами и множеством непонятных значков.

– И это стоит три миллиона? – недоверчиво спросила девушка.

– Так говорят пиратские легенды, – ответил Рик, – Как видите, это шифр. Ключа к нему у меня пока нет. Может быть, его вообще нет.

Неожиданно Ирис почувствовала легкое головокружение. Клад. Настоящий пиратский клад. Как в романе! «Пятнадцать человек на Сундук Мертвеца...» А если вдруг... Она! Сама! Его найдет! И утрет нос всем этим «настоящим мужчинам», которые уверены, что женщина годится только чтобы присесть в реверансе да родить наследника своему повелителю. Повелители! Ха!

Прошло довольно много времени, прежде чем она оторвалась от карты. Очарование таинственных значков было едва преодолимым. Капитан, похоже, решил быть джентльменом до конца и проводить ее по темному коридору до каюты. У порога он остановился и с улыбкой пожелал спокойной ночи. Дверь закрылась... и вдруг Ирис услышала странный лязг. Она подбежала, прислушалась. Толкнулась наружу. Дверь не отпиралась. Истинный джентльмен, великодушный пират Джеймс Рик запер ее снаружи.

Негодяй! Но это, пожалуй, развязывало ей руки. Теперь ее не будет мучить совесть за то, что она собирается сделать. Ирис не из праздного любопытства так долго разглядывала пергамент, и на память никогда не жаловалась. Да и было бы что запоминать! Небольшой остров. С востока – скалы. Две бухты, одна – довольно коварна, похоже, непроходима для кораблей с крупным водоизмещением. Одна река. Запомнить испанские названия было еще проще: бухта Святой Марии, бухта Святой Гуаделупе, мыс Святой Иоанны – проще простого! Пергаменты в каюте имелись, в том числе и старые, много раз смытые. Тушь тоже найдется. Правда, карта пестрела различными значками. Их было так много, что Ирис не успела их даже рассмотреть, не то, что запомнить точное расположение. Но это как раз было совершенно неважно. Ведь что сказал Рик: ключа к шифру ни у кого нет. А значит, уличить ее в обмане будет некому.

Посмотрим, господа, кто кого?

Глава 7

Единственным, что чувствовал молодой человек, была боль. Она была сильной, острой, постоянной. Сначала он вместе с болью избитого тела ощущал боль униженной души, но потом эта боль ушла, и осталась только та, настоящая. Его ломали жестко. Хрупкое тело юноши еще никогда не испытывало ничего даже отдаленно похожего на эти побои. И каждый раз, очнувшись после очередного разговора с доном Родриго де Вальдоре и его «управляющим» Хосе Мартинесом, граф Эльсвик видел склонившееся над ним встревоженное лицо Мэри. Он отворачивался. С какой бы радостью увидел он другое лицо – тонкое, с прекрасными серыми глазами. Лицо Ирис Нортон, своей нареченной невесты. С горечью он признавал, что, рассказывая о Карибах, девушка ничуть не преувеличивала. Сейчас он уже не мог вспомнить всех подробностей своего пленения, но то, как спокойно и гордо она приняла свою участь, он помнил. И клялся себе, что не забудет до смертного часа. Граф Эльсвик не строил иллюзий. Он понимал, что смертный час уже близок и спасти его может только чудо. К сожалению, думал граф, чудес не бывает. А меж тем чудо было уже рядом.

* * *

На улице стояла знойная, безветренная погода. От жары попрятались даже собаки, а уж люди и подавно сидели по домам. На узких улочках стояла тишина, которую не нарушал ни стук копыт по нагретому камню, ни скрип колес, ни легкие шаги стройных ног, обутых в кожаные туфельки, ни громохание деревянных башмаков. Изредка показывалась толстая, румяная от жары служанка в чепце с плетеной корзиной в крепких руках. Или хорошенькая смуглая девчонка в драной кофте и широченных юбках с волосами, черными как вороново крыло, меж неровных прядей поблескивают тяжелые серьги, а черные глаза внимательны и хитры. Опустела рыночная площадь, и торговцы, брошенные покупателями, из своих лавок перекочевали в близлежащие кабачки. До самого вечера они наливались крепким местным вином по самые брови, и это почти примиряло их с денежными потерями. В одном из таких заведений, в тихой комнате на втором этаже сидел довольно приятный молодой человек. В батистовой рубашке с подвернутыми рукавами, темно-фиолетовых панталонах, завязанных под коленями пышными бантами. Он сидел, но все же можно было догадаться, что молодой человек высок ростом, широк в плечах, силен, но при этом строен и изящен. Гордая посадка головы, тонкий, с легкой горбинкой нос, презрительно вздернутая верхняя губа и холодное выражение черных глаз обличали в нем аристократа, к тому же в довольно скверном расположении духа. А хорошо развитые мускулы, широкие твердые ладони и особый загар, тот, что пристает только с ветром, говорили о деятельном характере. Видимо, молодой дворянин не все свое время проводил в праздности и ожидании отцовского наследства. Теперь, описав героя сцены, скажем несколько слов о декорациях. Кабачок с пристроенной гостиницей содержала молодая вдова. Эта достойная особа умела держать в руках прислугу, имела прекрасные отношения с торговцами и прачками и вела свое дело твердой рукой. Поэтому заведение «У Мигуэлы» пользовалось безупречной репутацией и считалось вполне приличным даже среди аристократов.

Комната, где располагался молодой человек, была светлой и чистой. Напротив дверей, у широкого окна стоял резной стол, сервированный на одну персону, и два кресла. Одно занимал молодой человек, другое – небрежно брошенный камзол с золотым шитьем. Поверх камзола так же небрежно былакинута богатая перевязь со шпагой. Кресло стояло на некотором расстоянии, но все же не так далеко, чтобы в случае чего нельзя было быстро схватить оружие. А если бы кому-нибудь пришло в голову заглянуть за тяжелую занавеску, то там обнаружилась бы пара заряженных пистолетов. Можно было удивиться, к чему

дворянину в респектабельной гостинице вооружаться до зубов... Но это так, к слову. Молодой человек держал гитару и задумчиво перебирал ее струны. Под его сильными, но гибкими пальцами рождалась мелодия, которая того, кто взял бы на себя труд прислушаться, поразила бы не меньше, чем арсенал. В ней не было ничего похожего на модные игривые мелодии. Это был живой и глубокий мотив, похожий на старинную народную песню. Впрочем, звучала гитара очень тихо.

В дверь негромко постучали. Молодой человек осторожно отложил гитару, встал, глянул в окно, не трогая занавеску. Вытянул пистолет, в три шага пересек комнату и очень спокойно, даже лениво спросил: «Кто?».

– Дон Карлос, это я, Рико, – ответил из-за двери мальчишеский голос.

Постоялец слегка расслабился и открыл дверь, не отбрасывая, впрочем, пистолета. За дверью приплясывал от нетерпения худощавый десятилетний мальчишка.

– Дон Карлос, там какая-то цыганка. Говорит, принесла вам важные вести, а по виду так сущая нищенка. Прогнать ее? – он уже шагнул назад, готовый лететь по приказу сеньора, но постоялец озадачил его.

– Не нужно. Пусть войдет.

– Но, дон Карлос, все цыганки воровки. Смотрите, как бы она... – мальчишка не успел закончить.

Твердая рука приподняла его голову за подбородок. Взгляд встретился с глазами постояльца.

– Ты плохо слышишь, малыш? – мягко, без тени угрозы, спросил он, но мальчик отчаянно перетрусил.

Было в «доне Карлосе» что-то такое, что заставляло трепетать сердце. А постоялец так же негромко произнес:

– Если я сказал: позови цыганку, ты должен пойти и позвать, а не объяснять мне, что, по-твоему, я делаю не так. Если она мошенница и воровка, то это опять-таки не твое дело. Я разберусь с ней. Ты понял меня, Рикардо?

Мальчишка поспешно кивнул. Дон Карлос щелкнул пальцами, и вдруг между ними, прямо из воздуха, появилась золотая монета.

– Держи, дружок, – и так как мальчик смутился, постоялец улыбнулся и сам вложил монету в его ладонь. – Ну, беги же. Зови цыганку.

Мальчишка, словно оттаяв, сорвался с места и мигом слетел с лестницы. Внизу он приостановился, перебирая в уме странные вещи: нищенка, невеста откуда возникшая монета, непонятное поведение дворянина... Перед тем как толкнуть парадную дверь, он прикусил монету и, убедившись, что хотя бы с этой стороны все обстоит как надо, успокоился и спрятал свою добычу. Этот день принес ему удачу.

Через минуту босая и оборванная цыганка с растрепанными косами и звенящими на руках браслетами без стука вошла в комнату дворянина. Тот встретил гостью у порога и первым делом указал на свое кресло.

– Добрый день, Хатита. Садись и поешь.

Не заставив себя упрашивать, Хатита по-хозяйски подвинула кресло и без лишнего смущения принялась за еду. Нетронутый обед быстро исчезал. Дон Карлос с улыбкой смотрел, как решительно его гостя расправляется с блюдами, которых и названия не слышала. Ей было не больше тринадцати. Как и все подростки, она росла неровно, но эта угловатость сглаживалась свободой движений и грацией уличной танцовщицы. Босые ноги Хатиты были покрыты пылью, а яркая юбка скучала по иголке с ниткой так же, как длинные волосы по гребню, но простонародные манеры не были ни грубыми, ни вульгарными. Доев все, подчистив тарелки, Хатита вытерла губы ладонью и негромко сказала:

– Атаман согласен помочь, если заплатишь медью вместо золота.

– Отчего? – удивился Карлос, – золото легче спрятать.

– Ты, верно, думаешь, что мы только тем и занимаемся, что зарываем сокровища в землю, – снисходительно произнесла Хатита, пожимая плечами. – У нас большая семья, и

все хотят есть каждый день. А как альгвасилы Его Католического Величества смотрят на оборванцев, которые платят золотом, тебе известно?

– Где же я возьму столько меди? – возмутился дон Карлос.

– А уж возьми, – отозвалась Хатита, – иначе Хосе в это дело и на аркане не затащишь. Да и я еще молода, чтобы быть зажатой во славу Божью. – Хатита, вытянув шею, глянула в окно и торопливо продолжила:

– Думай до завтра. Если согласен – купишь у торговки на углу колечко да пару браслетов резных, а заодно скажешь, как бы случайно, где ты вечером гуляешь. Я сюда больше не приду. Опасно.

С этими словами Хатита встала и, понизив голос, со значением произнесла:

– Но помни – если о нас пронюхает алькад или святая инквизиция, мы тебя и из рая достанем, чтобы захватить с собой в преисподнюю.

И, не слушая ответа, стремительно вышла.

Вечером того же дня, когда жара немного спала и улочки Маракайбо ожили, на рыночной площади встретились двое: один был огромный, бандитского вида цыган в синей рубашке, разорванной в трех местах и кожаных штанах. Его широкое лицо выражало решительность, но было лишено даже намека на какие-нибудь добрые чувства. Из-под черной шевелюры торчали оттопыренные уши, в одном поблескивала грубая, массивная серьга.

Высокий лоб говорил о том, что цыган не лишен ума, черные, с золотистыми крапинками глаза глядели пристально и замечали все, а толстые губы были плотно сжаты, что наводило на мысль, что цыган не имел привычки болтать попусту. Короткая, но очень подвижная шея, сутулые плечи и громадные, ловкие руки довершали облик атамана разбойников Хосе.

Второй была Хатита. Она уже закончила танцевать и пересыпала в широкую ладонь Хосе всю мелочь из своего бубна.

– Ну? – коротко спросил цыган.

– Пока не появлялся. Сеньориты я тоже не видела.

– Сеньорита и не придет, – буркнул цыган, – брат держит ее под замком. Знает ее горячий характер и боится, что она чем-нибудь напортит своему замужеству. А этот дон Карлос, как он тебе показался?

– Он такой же «дон», как я – королева Изабелла.

– С чего ты взяла? – сощурился Хосе.

– Он держится как дворянин, но думает как простой человек.

Цыган вскинул широкие брови. Его черные с золотом глаза блеснули.

– Объясни, – коротко велел он.

– Изволь, – ответила Хатита. – Тому, кто сам не голодал, и в голову не придет накормить другого.

Хосе сжал кулаки и замысловато то ли выругался, то ли побожился.

– Чуял я, что-то здесь не так. Уж больно легко он нас нашел. Не было бы беды.

– Не все ли равно, если хорошо платит? – возразила цыганка, бестрепетно глядя в глаза атаману.

Хосе выразительно пожал плечами:

– Может, ты и права, дочка. Все равно из Маракайбо нам надо уходить, а хозяин набирает матросов. И, вдобавок, ищет капитана. Сам-то он моряк никудышный...

– Ты думаешь?..

– Думаю, – кивнул Хосе. – Ладно, дочка. Чему быть, того не миновать. Тебе пора, как бы Росита не хватилась.

Цыганка умчалась, взметнув тучу пыли лохматой юбкой, а Хосе, проводив ее долгим взглядом, снова выразительно пожал плечами и, что-то бормотнув под нос, медленно двинулся вдоль по улице.

Мощный грохот встряхнул Кайону, словно кота за шкуру. Через пару минут он повторился, но уже ближе.

Люди выскакивали из домов, с недоумением переглядывались и, призывая в свидетели небо и ад, требовали объяснить, что, черт возьми, происходит. Вскоре, однако, испуг и раздражение сменились радостным оживлением. Орудийные залпы берегового форта и судов, стоящих на рейде, были всего-навсего приветственным салютом. «Фортуна» Джеймса Рика медленно и величественно входила в Кайонскую бухту.

Стоя на палубе, Ирис Нортон с волнением наблюдала торжественную встречу. На этих берегах, она предчувствовала это, ее ждали удивительные приключения. Прищурив глаза, заслоняясь от солнца ладонью, она с интересом наблюдала, как сноровисто матросы рифят паруса. Со звоном бежала из клюза цепь носового якоря.

Под приветственные крики толпы оба якоря – носовой и кормовой – одновременно ушли в стеклянно-прозрачную воду.

Так Ирис Нортон ступила на землю Тортуги – знаменитого пиратского острова. Прямо из Кайонской бухты, что служила портом приписки всем кораблям «берегового братства», матросы Джеймса Рика разбрелись по кабачкам и прочим веселым заведениям, спеша спустить добытые деньги.

Дэнни о чем-то переругивался с хмурым стариком в потрепанном костюме. Он перекачивался с носков на пятки, засунув ладони за широкий кожаный ремень, и был похож на боевого петуха. Сходство усиливали взъерошенные волосы. Ирис невольно рассмеялась. Штурман услышал знакомый голос и, сразу утратив интерес к ссоре, завертел головой, отыскивая девушку. Она подошла, улыбаясь. Неубранные волосы волной лежали на узких плечах. Старик скосил на нее презрительный взгляд и, что-то пробормотав, исчез в пестрой толпе. Здесь царило настоящее вавилонское столпотворение. Грубые моряки в рваных рубашках или вообще без них толкались бок о бок с франтами, разодетыми по последней парижской моде. Слышалась английская, французская, голландская речь, не говоря о множестве индейских диалектов. В воздухе висел какой-то стойкий, одуряющий запах, но чем именно пахло – Ирис не разобрала.

– Как вам здесь нравится? – спросил Дэнни, обводя рукой порт.

– Неплохо, – искренне ответила Ирис, – только жарко. И народу много.

– Скоро все попрячутся, – заверил Дэнни. – Через час тут будет тихо, как на кладбище, – и в ответ на вопросительный взгляд Ирис пояснил: – сейчас по нашим меркам еще прохладно. Видите вон там три кипариса?

Девушка взглянула в указанном направлении и увидела три исполинских веретена с зеленой куделью. Они стояли неподвижно, словно намертво привязанные к ослепительному небу.

– Вот когда солнце встанет над ними, здесь будет настоящее пекло, – закончил штурман.

– Дэнни, вы не могли бы проводить меня до дома губернатора, – попросила Ирис, – или хотя бы объяснить, где он находится.

– Сочту за честь, мисс Нортон, – Дэнни широко улыбнулся, но тут же нахмурился, – А капитан? Вы говорили ему, что уходите с корабля? Он позволил?

– Да, конечно, – солгала Ирис. – Он сам хотел представить меня губернатору, но не смог. Какие-то дела...

– А... – Дэнни кивнул и пошел вперед, раздвигая толпу плечом.

Ирис последовала за ним. По мере удаления от порта толпа редела, и вскоре улица почти опустела. Она была как две капли воды похожа на любую из улочек английского предместья. Такие же низкие домики с острыми крышами, аккуратные садики. Только в отличие от привычного боярышника здесь, за низкой изгородью, пышно цвели азалии.

– У вас торгуют только в порту? – как бы невзначай поинтересовалась Ирис.

– Обижаете. В Кайоне есть настоящий рынок, и приезжают торговцы со всех Антильских островов и даже со Старого Света.

– И где он находится?

– Боюсь, что сейчас вы ничего там не найдете, мисс Нортон. Нужно с утра. А сама рыночная площадь прямо по курсу. Эта улица в нее и упирается. Здесь трудно заблудиться – все дороги ведут либо в порт, либо на рынок. А дом губернатора – вот он. Белый, двухэтажный, с красной крышей. Калитка чуть дальше. Вы постучите, там есть молоток. Вам откроют. А я, с вашего разрешения, исчезну. Мы с господином Ожероном не в самых лучших отношениях. Вы извините, и... надеюсь, мы увидимся?

– Конечно, Дэнни, – ответила Ирис, почти не слушая. – Как-нибудь, обязательно. Спасибо вам.

Отделавшись от провожатого, Ирис мельком взглянула на белый особняк губернатора Тортуги, утопавший в пышной зелени сада, и быстро пошла вперед.

Утреннее солнце постепенно теряло мягкость, и его лучи, только что ласкавшие кожу, начинали немилосердно жечь. Близился полдень. В это время и на этих широтах жизнь замирала и вновь оживала только в сумерках.

Переполох, вызванный прибытием «Фортуны», на диво быстро стих. На девушку слегка давила тишина и безмолвие. Кабачок «Райский уголок» она нашла почти сразу, по оригинальной вывеске: художник изобразил сидящих на облаке корсаров. Он снабдил их нимбом и крылышками, а также внушительными бутылками рома, составляющими центр композиции. Прямо под пьянствующими «ангелами» Ирис увидела низкое крыльцо, лестницу в две ступени, распахнутую дверь и полную женщину, которая сосредоточенно выметала мусор. Чуть помедлив, Ирис подошла поближе. Женщина глянула исподлобья, не прерывая своего занятия.

– Добрый день, – сказала Ирис.

– Ну, добрый, – отозвалась Мамаша Мадлон, – что дальше?

– Мне нужна Луиза Готье.

Женщина выпрямилась, пристально оглядев Ирис.

– Зачем?

– Я скажу это только ей, – покачала головой Ирис.

Мамаша Мадлон ничего не ответила и снова занялась мусором. Видимо, она надеялась, что, получив такой прием, незваная гостья обидится и уйдет. Но смутить Ирис Нортон было трудно. Она подошла еще ближе. Пыль с крыльца полетела прямо в нее. Ирис сделала еще шаг. Мамаша Мадлон снова разогнулась и зыркнула глазами в сторону упрямой незнакомки:

– Чего тебе нужно? Нет девчонки, и баста! Надо чего – говори мне, а нет – так проваливай. Я и без тебя не заскучаю.

– Мне нужна Луиза Готье, – повторила Ирис. – У меня посылка для Волка.

Хозяйка кабачка вскинулась.

– Для Волка, – еще раз отчетливо произнесла Ирис, и Мамаша Мадлон посторонилась, пропуская ее внутрь.

В кабачке было светло и неожиданно чисто. Выскобленные столы и резные стулья в небольшой комнатке выглядели уютно, почти по-домашнему. А тяжелые кружки, перевернутые вверх дном, и оплетенные бутылки с вином заставляли вспомнить пригороды Парижа и Марселя. Тишина и покой этого места усыпляли. Ирис пошла вперед, чтобы рассмотреть медные подсвечники, но громкий стук и лязг замка за спиной заставили ее стремительно обернуться. Поздно. Дверь была заперта, а Мамаша Мадлон стояла у входа с пистолетом. Он был направлен в лицо Ирис. Ствол показался ей огромным.

– Садись! – приказала хозяйка.

Ствол оружия, восходившего к той эпохе, когда бабушка Ирис была еще девушкой, шевельнулся и указал на один из стульев. Ирис подчинилась. За ее спиной открылась еще одна дверь, и две сильные загорелые руки ловко прикрутили ее к стулу. В ноздри ударил запах лука и пота. По лицу махнули черные волосы, и через мгновение она увидела молодую

смуглую женщину, похожую на испанку, но, пожалуй, слишком скуластую. Вероятно, в ее жилах вместе с кровью победоносных воинов Кортеса текла кровь покоренных подданных империи Монтесумы.

Старшая женщина сноровисто охлопала Ирис по бокам, ничего не обнаружила и нахмурилась.

– Где посылка? – рыкнула она.

Ирис презрительно пожала плечами.

– Вы принимаете меня за дурочку?

– А ты умная? – осклабилась Мамаша Мадлон. – Тогда почему ты, умная, сидишь тут, связанная, как курица?

– Придя сюда, я, действительно, сделала глупость, – признала Ирис, – но только одну. Посылки при мне нет.

– Где она? – потребовала трактирщица.

– В надежном месте, – отчеканила Ирис и демонстративно отвернулась.

– Лу, – буркнула Мамаша Мадлон, – беги, разыщи Волка. Надеюсь, его корыто уже в порту. Голубь-то прилетел еще вечером... Скажи ему или Джону, что его птичка в клетке.

– А если «Королевы» еще нет? – глубоким грудным голосом спросила Лу.

– Дождись, а эту я покараую, – трактирщица повернулась к Ирис с нехорошей усмешкой, – Гляди, умная, Волк из тебя живо вытрясет все: и про надежное место, и про посылку. После этого ты умной-то, может, и останешься, а вот красивой уже не будешь. Да и здоровой тоже. Мой тебе совет, умная – лучше тебе с нами договориться, пока Волк не пришел. Нужно сколько, так я заплачу, но на многое не рассчитывай. Много у меня нет, да ведь и жизнь твоя тоже кое-чего стоит. Опять же, надбавка за риск. Волк как узнает, что ты сбежала, так рассердится на меня сильно...

Ирис слушала женщину молча. Понятно, что две эти курицы ничего не решали, а их «план» был проще, чем кожура от апельсина: напугать ее до икоты, добыть «посылочку» и самим поторговаться с пиратом. Никто ее, конечно, не отпустит, это Ирис понимала отчетливо. Не настолько трактирщица глупа: вдруг Волку вместе с «посылкой» и сама девушка зачем-нибудь нужна? А где она? А вот она, тут, целая и невредимая...

Как ни странно, страха не было.

Комнату, где ее привязали, отделяла от обеденного зала лишь тонкая перегородка, и девушка напряженно прислушивалась, надеясь, что кто-нибудь войдет, и она сумеет позвать на помощь. Но город действительно вымер.

* * *

За хлопотами и суетой, которыми неизменно сопровождался каждый заход на Тортугу, капитан Рик почти позабыл о наивной и самоуверенной Ирис Нортон. Гораздо больше его беспокоила «Королева Мария», весь путь до острова продержавшаяся в кильватере «Фортуны». Волк был мастером хитрых и подлых проделок, и Рик был не единственным, кто нервничал, если приходилось поворачиваться к нему спиной.

Когда же капитан понял, что и девушки нет на борту, он едва сдержал гневную тираду в адрес вахтенного и своего помощника. Упрямая девчонка сдержала слово и отправилась к сообщникам Волка. Без карты, без денег и даже не заручившись его поддержкой.

– Сумасшедшая, – пробормотал Рик, – стоило вытаскивать ее из воды, чтобы она свернула шею на суше.

Капитан «Фортуны» прошелся по палубе, глубоко вздохнул.

– Сказка, да и только, м-да... романтика семнадцатого века и ни капли стоящего пива, один только этот проклятуший ром.

* * *

Громко, с хрустом, тикали часы. Жужжала муха. Мамаша Мадлон грохотала мисками. Ирис безуспешно пыталась пошевелить затекшими руками. Слишком тугие веревки причиняли боль. Солнце било в глаза. Сколько часов она сидела тут? Полчаса, не больше. Но Ирис, не привыкшей к подобному обращению, казалось, что это продолжается с самого рождения. Упрекать было некого. Разве что свою неосторожность.

Мамаша Мадлон еще раз грохнула посудой и вошла в комнату, где сидела Ирис, вытирая руки о передник. Не глядя на хозяйку, не глядя вообще никуда, прикрыв глаза ресницами, Ирис тихо спросила:

– Волк прислал с голубем приказ схватить меня?

Женщина промолчала.

– Вам обещали хорошо заплатить?

На этот раз вместе с молчанием Ирис получила в ответ пристальный взгляд.

– Я дам в два раза больше, если вы отпустите меня...

– И «посылочку?» – немедленно развернулась трактирщица.

Ирис медленно качнула головой справа налево.

Хозяйка кабачка фыркнула, нашарила в столе связку ключей и удалилась. Ирис снова осталась одна.

Ей было не по себе не столько от того, что пират Волк поставил на нее такую примитивную ловушку, а она попалась. Собственно, «попасться» она и планировала, чего еще ожидать от разбойника? Просто плен, в мыслях не раз прокрученный во время сидения на корабле, рисовался ей... более комфортным. Сидеть здесь на жаре, в связанном виде... выглядело это жалко, и девушка злилась.

Ирис извивалась на стуле в отчаянных попытках сбросить веревки, ужас и отчаяние удвоили ее силы. На мгновение ей показалось, что путы ослабли. Она возликовала, но тут ножка стула застряла в неровном полу, и, потеряв равновесие, Ирис полетела назад вместе со стулом. Грохот. Короткий вскрик. И тишина. Руки и ноги девушки безвольно обвисли. Лицо залила бледность. Из-под копны светлых волос вытекла тоненькая струйка крови. Мамаша Мадлон, торопливо вошедшая на грохот, хмуро обзрела пленницу. Мертвая девчонка Волку была не нужна. Она подошла и одной рукой подняла и поставила стул со связанной Ирис. С правой стороны волосы приобрели красноватый оттенок. Голова девушки мотнулась из стороны в сторону. Мамаша Мадлон бросила быстрый взгляд на часы в буфете и, грохоча башмаками, заторопилась вон. Ее не было считанные секунды, а когда она вернулась, в руках хозяйки был большой медный кувшин. Без заметных усилий женщина подняла его и обрушила на Ирис целый водопад. Пленница не шелохнулась.

– Черт, – ругнулась Мамаша Мадлон, – похоже, померла.

В дверь постучали – четыре раза быстро и два раза медленно. Хозяйка снова помянула нечистого и отперла, ожидая и страшась увидеть Волка. Но это оказалась всего лишь Луиза.

– «Королева» здесь, – проговорила она, стараясь отдышаться от быстрого бега. – Волк приказал стеречь пленницу... Ох! Что с ней? Господи, да у нее голова в крови, – Луиза испытующе глянула на хозяйку. – Эй, матушка, что вы с ней сделали? Волк с нас за это шкуру спустит.

– Она грохнулась вместе со стулом, – раздраженно отозвалась та, – не сиделось ей спокойно. Иди сюда. Зажги свечу. Может, притворяется.

– Что вы хотите делать? – спросила Луиза, выполняя просьбу. В руках у хозяйки оказался длинный нож с широким лезвием. Она хмуро взглянула на Луизу, на неподвижную Ирис и сунула лезвие ножа в дрогнувшее пламя свечи.

– Что вы хотите делать? – повторила Луиза, убирая свечу. – Я не позволю.

– Дура! – женщина крепко схватила руку Луизы и дернула к себе. – Не забывай, что она, возможно, любовница Рика.

– Что? – вздрогнула девушка. Она отдала свечу хозяйке и наклонилась вперед. Ее крепкая рука подняла подбородок пленницы. Луиза закусила губу.

– Она красивая, – задумчиво произнесла девушка, – красивее меня. И, знаешь, она настоящая леди. Из тех, кто носит шелковые платья и отдает приказания.

Слушая Луизу, Мамаша Мадлон медленно водила лезвием ножа в пламени свечи. Когда сталь изменила цвет, хозяйка кабачка отстранила Луизу и прикоснулась ножом к обнаженной руке Ирис. Девушка вздрогнула, но не очнулась.

– Что за дьявол! – дивилась хозяйка. – Она, конечно, жива, но больше похожа на покойницу. Говорят, такое бывает, если стукнуться головой. Как бы не вышло так, что она очухается, а мозги-то отбиты?

Быстрым движением Мамаша Мадлон разрезала веревки и через плечо бросила Луизе:

– Беги за доктором. К приходу Волка она должна быть в порядке, иначе с нами он сделает то же самое.

Служанка взглянула в окно, где солнце уже почти достигло трех кипарисов, и мотнула головой.

– Уже не успеем.

Трактирщица легко, как ребенка, подняла неподвижную Ирис на руки и, толкнув ногой дверь, втащила ее в помещение, напоминающее кладовку. Там, прямо на земле, валялось старое одеяло, и на него хозяйка опустила «покойницу». Дверь закрылась. Через некоторое время «покойница» приоткрыла глаза и, увидев дверь, которая отделяла ее от свободы, слабо улыбнулась. От времени дверь разохлась и в ней образовалась большая щель.

* * *

Рик покинул каюту и спустился вниз, высматривая Дэнни.

Тот шатался по нижней палубе с виноватым видом. Рик подозвал его коротким жестом.

– Так где, ты говоришь, ее оставил?

– У дверей дома Ожерона, – буркнул Дэнни, глядя в сторону.

– Кайону она не знает. Волк должен был дать ей очень хорошие ориентиры, чтобы девчонка точно не заблудилась. Про что она еще спрашивала?

– Про рынок, – припомнил Дэнни, – точно, про рынок. Который на площади.

– А что у нас между рынком и домом губернатора?

– Таверна «Райский уголок», – осенило помощника.

– Любимое местечко Волка, – закончил Рик и, не удержавшись, добавил, – элементарно, Ватсон.

– Кто? – опешил Расвен.

– Не важно, Дэнни. Но на что она рассчитывала? Карты у нее нет, оружия нет, союзников в этих местах тоже нет. Не могла же она всерьез надеяться на нас с тобой? Или могла?

Дэнни энергично замотал лохматой головой и даже помог себе руками, торопясь отмести самую мысль, что мисс Нортон и его может связывать что-то кроме мимолетного знакомства.

– Ее пальцы!

– Что – пальцы?

– Пальцы этой мисс были испачканы тушью, – припомнил Дэнни, – я еще подумал, что, видимо, она писала письмо отцу...

– А с собой у нее ничего не было? Свертка, конверта?

– Как будто ничего... Но ведь я ее не обыскивал. Женщина, если она захочет, может спрятать в своих юбках небольшой арсенал, и ни один обыск его не обнаружит... уж больно хитро у них там все устроено.

– Идем в город, – решил Рик, – распорядись, чтобы шлюпка ждала нас через два часа. Если не появимся, пускай ребята, не тратя времени на слезы и поминки, разыщут Волка и повесят его на первом попавшемся суку. Это самое малое, что он заслуживает за нарушение законов берегового братства.

Свернувшись у щели, Ирис наблюдала, как Мамаша Мадлон и Луиза суетливо принимали гостей. Это были трое моряков, и в одном из них она сразу узнала Волка. Другим был его помощник Джон. Третьего же, смуглого, невысокого юношу, Ирис видела впервые в жизни.

«И хорошо бы в последний раз», – подумала она, разглядев мальчика. Несмотря на молодость и обаяние, он держался высокомерно и нагло, и достойно дополнял компанию жестокого пирата. Негромко разговаривая, гости прошли наверх. Вскоре их шаги стихли, и Ирис решила рискнуть. Она сняла жемчужную нить с серебряным крестом и, осмотрев его, довольно улыбнулась. Нижний конец креста был длинным, тонким и плоским, словом, подходил идеально.

– Чтение – источник знаний, – пробормотала она себе под нос.

Ирис просунула крест в щель и, действуя им, как рычагом, приподняла засов. Совсем чуть-чуть, но этого было достаточно. Дверь приоткрылась со скрипом, слышным, наверное, даже в Лондоне. Девушка замерла, чувствуя, как сердце бешено прыгает где-то в горле. Прошла секунда, другая. В таверне было тихо.

Ирис ящерицей проскользнула из темной кладовки наружу и осторожно прикрыла дверь. Огляделась. Наружная дверь была соблазнительно близка, но заперта на замок, а ключи унесла Луиза. Окна?.. Но вряд ли хоть одно из них открывалось без жуткого скрипа. Медленно, почти не дыша, она отступила назад, в глубину комнаты, и поискала глазами место, где можно было спрятаться.

Надо сказать, что таверна «Райский уголок» была построена по образу и подобию всех заведений такого рода. «Кабинеты», что занимали весь второй этаж, были устроены так хитро, что вмещали около тридцати человек одновременно. Причем враждующие англичане и французы, безземельные цыгане, богатые евреи, переодетые купцы, девицы легкого поведения, испанские шпионы и прочий деловой люд могли находиться тут одновременно, ничуть не мешая друг другу и даже не догадываясь о своем близком соседстве.

На второй этаж из главного зала вели две лестницы. По одной поднялся Волк с компанией. Оценив обстановку, осмелевшая Ирис поднялась по другой, затаилась, и весьма вовремя.

Дверь дрогнула от удара тяжелым кулаком, и голос Луизы ответил, что она уже спускается. Вслед за голосом появилась и сама служанка. Она отперла замок и почтительно отступила. Через порог шагнул человек, и, увидев его, Ирис обмерла. Это был Джеймс Рик собственной персоной. Ее сердце бешено заколотилось от волнения. Замерев, она ждала, что скажет или сделает капитан.

– Вас ждут наверху, – улыбнулась Луиза.

Румянец на смуглом лице сделал ее такой привлекательной, что в измученной Ирис закипела ярость. Она ничего не понимала. За последние недели ее предали дважды – Волк и Луиза. Появление Рика озадачило девушку, но долго ломать голову ей не пришлось.

– Лу, где ваша добыча? – спросил он. – С ней все в порядке?

С той же мягкой улыбкой Луиза кивнула.

– Наверху меня ждет Волк? – спросил Рик и, не дожидаясь ответа, добавил: – если он хочет со мной говорить – пусть спускается вниз. Этот дом устроен слишком хитро, и у меня нет ни малейшего желания играть в этом лабиринте в пятнашки с его головорезами.

Луиза Готье покачала головой:

– Боюсь, это невозможно, мсье капитан. Мне приказано провести вас наверх, а если вы откажетесь, напомнить, что Волк не отличается терпением...

Луиза говорила довольно громко. Каждое слово долетало до Ирис, и это навело ее на мысль, что она и Рик – не единственные слушатели.

Девушка была озадачена. Почему ее оставили внизу без присмотра? Почему Волк

пошел наверх, не пожелав взглянуть на пленницу? Почему за Риком прислали Луизу? Неужели эти две страшные женщины и впрямь сочли ее мертвой? Случайно взгляд ее упал на дверь кладовки и то, что ей открылось, поразило ее настолько, что девушка почти перестала дышать. Кладовки не было. На месте разошедшейся двери стоял совершенно новый буфет и поблескивал столовым серебром. В смятении Ирис взглянула на Луизу Готье. Служанка шагнула к капитану, взяла его за руку и что-то быстро зашептала. Но в этот миг громкий вопль встряхнул стены.

– Сбежала! – взвыла Мамаша Мадлон, и по ступеням простучали подбитые железом сапоги пиратов.

Реакция Рика была мгновенной. Оттолкнув Луизу, он шагнул к двери и пнул ее ногой. Она не открывалась.

Мамаша Мадлон, Волк и его приятели остановились на ступенях лестницы. Волк, пристально глядя на Рика сошуренными глазами, вскинул пистолет. Рик метнул короткий взгляд в сторону открытого окна, оценивая расстояние, но раздался грохот, похожий на отдаленный пушечный выстрел, и на все окна таверны одновременно упали массивные деревянные ставни. Из своего укрытия Ирис отлично видела, что это дело рук хозяйки. Мамаша Мадлон дернула секретный шнурок. Наверное, здесь было много подобных сюрпризов.

– Карту, – потребовал старый хищник, приближаясь к Рiku.

Мамаша Мадлон стояла на лестнице, обшаривая комнату цепким холодным взглядом.

– Карту, – снова потребовал Волк. – Она принадлежит мне по праву!

– Как бы ни так, – огрызнулся Рик. – Ричмонд украл ее у Ферье, я – у Ричмонда, а ты здесь вообще не при делах.

Волк кивком подал знак. Юнга стал медленно обходить Рика с правой стороны, Джон – с левой.

– Карту! – тихо, очень тихо прозвучали слова Волка, но их услышали все, даже Ирис.

Это требование карты забавно отразилось в голове Рика: «Бумагу, сударь, бумагу, эх...»

Пистолет в жесткой руке Волка едва заметно дрогнул. Рывкнул выстрел. Запахло порохом. Мимо!

– Брысь отсюда, Лу, – скомандовал Рик, и девушка стремительно юркнула под защиту широкой лестницы.

Разрядив пистолет в голову Джона, Рик обнажил шпагу и бросился на Волка. Юноша сунулся было наперерез, но Рик сделал странное движение ногой и тот отлетел, как тряпичная кукла, ударился о стол и сполз на пол безвольной кучей. Волк тоже не дремал. Его клинок встретил клинок Рика. Картина мгновенно изменилась.

Джон лежал на полу в луже крови, и, судя по всему, встать ему было не суждено. Беспольное оружие валялось рядом. Юнга с «Королевы Марии» стонал на полу.

Сначала Волк наступал. В своей ярости он, казалось, превратился в ураган. Его шпага сверкала как молния то тут, то там, успевая ударить в десять мест разом. Рик медленно отступал, с каждым шагом отодвигаясь от двери. Описывая по комнате круг, они приближались к тому месту, где, затаившись на лестнице, сидела Ирис Нортон, невидимая свидетельница кровавой сцены.

Рик не сделал ни одной попытки убить или серьезно ранить противника. Он только парировал удары. А вот Волк уже устал. Дышал он тяжело. На лбу блестели капельки пота. Взятый с разгону темп оказался не по силам старому пирату. Несмотря на все свое мастерство, он, похоже, упустил инициативу и теперь сам все чаще переходил к обороне. Казалось, еще немного, и Волк упадет на шпагу противника.

Но тут юнга наконец очнулся. Он сел, опираясь спиной на ножку стола, обвел взглядом зал. Морщась, потянул руку к поясу, дернул вверх пистолет и, прежде чем Ирис успела понять, что происходит, выстрелил. Рик вздрогнул и свел брови. На правом плече быстро расплывалось алое пятно. Лицо же наоборот бледнело. Пальцы, державшие шпагу,

разжались, но он успел подхватить ее левой рукой и неуклюже, но вовремя, все же парировал удар.

Юнга, не торопясь и не мешкая, перезаряжал пистолет.

В душе Ирис поднялась буря. Не отводя взгляда от юнги, она легкой тенью скользнула вниз и на цыпочках метнулась к буфету. Юнга, стоял к ней спиной всего в паре-тройке метров, но он слышал шуршание ее платья. Ирис, продолжая вполоборота смотреть на почти готовый к выстрелу пистолет, зашарила по полкам. Под руку попала большая тяжелая бутылка с вином...

Удар обрушился на голову юнги внезапно. Сзади. С остекленевшими глазами юноша рухнул на колени в винную лужу. Пистолет отлетел в сторону. Ирис потянулась за ним...

– Назад!

Предупреждение Рика опоздало. Отбросив шпагу, Волк схватил девушку за руку, дернул к себе, и Ирис почувствовала у самого горла холодное лезвие ножа.

– Рик... – Волк откашлялся и сплюнул. – Я убью ее. Ты меня знаешь.

Капитан медленно опустил шпагу. Он тоже дышал неровно. Не глядя на девушку, Рик дернул левым плечом.

– Да ради бога, Волк. Толку с нее все равно никакого. Вряд ли ее можно продать. Это белая женщина. Не слишком красива, да к тому же строптива не в меру. А я от нее, честно говоря, уже устал...

Ирис похолодела.

– Значит, Рик тебе брат? – Волк хмыкнул, слегка ослабив хватку.

– И ты ей поверил? – Рик криво улыбнулся, словно боль от раны только сейчас достала его. – У меня нет сестры, Волк... Больше нет. Карты тоже нет, – продолжил он, демонстративно отбрасывая шпагу, – я ее не принес. Но, возможно, я возьму тебя в долю. «Королева» – отличный корабль, а в таком деле пушки лишними не бывают...

– И чего ты хочешь? – Волк свел брови к переносице. – Ведь не за мои красивые глаза ты собираешься поделиться со мной Большим Призом? Небось, попросишь голову Ричмонда с яблоком во рту?

– Потребую, Волк, потребую.

Как-то незаметно Рик оказался рядом. С его губ слетали странные и даже страшные слова, но Ирис поймала себя на том, что не слушает капитана, а во все глаза следит за его мягкими, почти незаметными движениями. То, как он справился с юнгой, произвело на девушку сильное впечатление. Она знала, что и здесь существуют приемы боя на кулаках, и даже пару раз видела что-то похожее на ярмарке. Но это было нечто иное, неуловимое глазом и очень точное... И узнаваемое. Ирис помотала головой, стряхивая наваждение. Да нет, все-таки быть того не может...

– Неужели ты считаешь, что это дорого, Волк? Да брось ты девчонку, у нас серьезный разговор.

Рик поднял руку, дружески хлопнул Волка по плечу, легко улыбнулся и вдруг с силой оттолкнул Ирис, и, не прерывая движения вперед, сделал что-то такое, отчего грузный Волк рухнул на спину. Рик, шагнув вперед, наступил на его шпагу.

Девушка больно ударилась об пол, на некоторое время потеряв способность соображать, и вновь пришла в себя, когда вокруг уже во всю грохотали скамейки, рушилась на пол, разлетаясь глиняными черепками, грубоватая посуда и жалобно звенели бутылки. Она потрясла головой, прогоняя туман. На полу валялись опрокинутые стулья и черепки. Волк, постанывая, держался за пах... и над всем этим ужасом возвышалась неподвижная фигура Мамаши Мадлон, которая с королевским спокойствием наблюдала с лестницы разгром своего кабачка.

Юнга, постанывая, приоткрыл глаза. И увидел над собой девушку с пистолетом. Его пистолетом. Ствол смотрел прямо в грудь.

– А ну, убирайтесь отсюда. Все! Иначе, клянусь богом, я выстрелю! Вы слышите?

Ее голос звенел от напряжения. Рик отступил назад, пытаясь удержать в поле зрения и

ее, и Волка, и Мамашу Мадлон, и очнувшегося юнгу. Его шпага валялась у порога – слишком далеко.

Осторожно продвигаясь вдоль стены, Ирис подобрала второй заряженный пистолет – пистолет Джона. После взрыва ярости голос ее прозвучал неожиданно спокойно и повелительно:

– Ты, устрица! А ну, откупоривай свою раковину и убирайся отсюда, – и быстро взглянув в сторону юнги, добавила: – к тебе это тоже относится. Пошевеливайся!

Однако никто не двинулся с места. Ирис посмотрела на Рика... нет, не беспомощно, но несколько растерянно. Волк шевельнулся. Ирис быстро бросила пистолет капитану и отступила к стене, держа на прицеле юного волчонка.

– Ты слышал, что сказала леди? – спросил Рик со странной интонацией. Казалось, он что-то сдерживает в себе. То ли гнев, то ли смех. – Вон отсюда!

– Открой двери, Мадлон, – зло буркнул Волк и направился к выходу.

Покосившись на мертвеца с неуместным любопытством, девушка подошла к Рику, который, морщась, стягивал с себя намокшую от крови белую рубашу из тонкой материи, похожей на китайский шелк.

– Вас ранили из-за меня, капитан. Позвольте, я перевяжу вас. Я умею, – сказала Ирис голосом, охрипшим от недавнего крика и пережитого волнения. И, не дождавшись позволения, шагнула к нему. Опустилась на колени и осторожно коснулась раненого плеча холодными пальцами. Рик вздрогнул.

– Очень больно? – тихо спросила она и осеклась. Капитан улыбался.

– Вы сказали одну фразу, не зная ее смысла, – пояснил он. – На этих берегах есть обычай: если мужчина дерется за женщину, то он имеет на нее все права.

Ирис возразила:

– Мужчины всегда считают, что имеют право на женщину. Один – потому что отец. Другой – потому что жених. Третий – потому что женщина попала в скверную ситуацию и он – ее единственный защитник. А у самой женщины, по-вашему, никаких прав нет... Это легко понять. Но к этому трудно привыкнуть...

Она обернулась на шорох и увидела Луизу, которая только сейчас осмелилась покинуть свою каморку под лестницей, где она в страхе просидела все это время.

– Раздобудь льняную тряпку, ром и холодную воду, да побыстрее, – не оборачиваясь, приказала Ирис.

Луиза испуганно дернула бровями, побледнела от злости и унижения и, резко развернувшись устремилась назад в каморку.

Руки Ирис быстро и умело обрабатывали рану, почти не причиняя боли. И в этом чувствовалась не только легкая рука, но и сноровка. Поймав вопросительный взгляд Рика, Ирис сказала с усмешкой:

– Держу пари, вы сейчас думаете, где я этому научилась? – и, увидев его улыбку, объяснила: – Я ведь не в первый раз в море. И даже не в пятый. Раньше у отца была только одна каравелла. Он сам плавал. Мама умерла очень рано, я ее почти не помню. На берегу у нас никого не было, так что я выросла на корабле. Я помогала судовому врачу и мешала всем остальным, однако моряки меня почему-то любили.

Ирис повернулась, чтобы закрепить повязку, и Рик заметил, что светлые волосы на виске потемнели.

– Что это? Ну-ка, покажите, – голос его прозвучал неожиданно резко, как приказ. – Это же кровь. Что случилось?

Ирис поморщилась.

– Чего не случается на войне...

– Вот как? И с кем это вы воевали таким способом? Со сковородками Мамаша Мадлон?

– Вы тоже хороши, – парировала Ирис, – подставили спину какому-то мальчишке.

– Я был уверен, что вы о нем позаботитесь, – невозмутимо отозвался Рик, изобразив

подобие улыбки. – В конечном счете, все так и вышло. У вас неплохо получается, мисс Нортон. Не знаю, правда, понравится ли вашему жениху, но я это оценил.

Ирис резко вскочила.

– Да как вы... – она не успела высказать все, что думала о капитане.

Насмешливая улыбка Рика и светлая стена стали вдруг стремительно гаснуть. Пол ушел из-под ног, и девушке показалось, что она заблудилась в облаке. Рик едва успел ее подхватить. Ирис беспомощно обвисла на руках капитана, словно неживая. Лицо, не успевшее загореть на здешнем яростном солнце, заливала белизна. Рик осторожно опустил Ирис на пол, быстро заглянул в медный кувшин. Там было пусто.

– Луиза! – позвал он. – Ну, где ты пропала?!

Смуглая служанка тотчас явилась на зов.

– Принеси воды.

– Зачем? – насторожилась она. – Для нее? Кто она тебе?

– Никто. Хотелось бы знать, кто она вообще такая, – Рик пристально взглянул на Луизу. – Ты задаешь странные вопросы, Лу.

– И получаю странные ответы. Зачем тебе это знать?

– Я любопытен, – коротко ответил Рик, давая понять, что больше он эту тему обсуждать не будет. Через минуту служанка появилась с ведром и, опережая Рика, выплеснула всю воду на распростертое тело.

– Луиза! – гневно воскликнул капитан, даже не пытаясь понять, откуда этот гнев.

– Не поможет, – мстительно предрекла служанка и скрылась с ведром, хлопнув напоследок дверью.

Рик опустился на пол рядом с девушкой, поднял ее голову. Осторожно отвел мокрые волосы со лба, стараясь не касаться свежей раны, чтобы случайно не занести инфекцию. Мокрые ресницы дрогнули.

Ирис почувствовала чью-то жесткую руку на своем лице. Ей показалось, что она дома, в Англии. Что эти заботливые руки – руки отца. Она открыла глаза. И встретилась с зелеными глазами Рика. Он смотрел непривычно серьезно, без раздражения и насмешки.

– Все в порядке?

– Пустите меня, – испугалась Ирис. – Сейчас же.

– Бог с вами, Ирис, я вас не держу.

Она села, дотронулась до виска. Рана саднила, но в целом чувствовала она себя неплохо. Если не считать, что второй раз за день ее заставляли принимать ванну.

– Хороша благодарность, – недовольно проговорила она и поднялась, цепляясь за стол. Рик поднялся следом.

– Я отведу вас к врачу, – решил капитан. – Здесь неподалеку живет один малый. Он понимает в этих вещах побольше моего боцмана.

– Никуда я с вами не пойду, – мгновенно ошетинилась Ирис. – Еще не хватало.

– Придется пойти, мисс Нортон, – отозвался Рик. – Такие вещи запускать нельзя. Тем более что с головой у вас и так не очень... судя по вашим выходкам.

Девушка почувствовала, что снова закипает. Эта непробиваемая уверенность пугала ее, а вернувшаяся насмешка просто бесила.

– Не много ли вы на себя берете, капитан Рик? – спросила она, с трудом сохраняя спокойствие.

– Кто-то должен о вас позаботиться, – ответил Рик. – Я уверен – у вас замечательный жених, но его здесь нет, так что придется это делать мне. Да и ваше платье... – Ирис вздрогнула и смутилась, заметив, что капитан «Фортуны» рассматривает ее потрепанный, плохо сшитый наряд. Утром она не придавала этому значения, а сейчас была готова провалиться сквозь землю.

– Идемте отсюда, мисс Нортон, – сказал Рик. – Я куплю вам новое платье. В этом вы похожи, простите меня, на драную кошку.

Ирис вздрогнула от новой насмешки. Она подняла голову и попыталась принять

гордый и независимый вид. Но представила, как она выглядит со стороны: мокрая, оборванная, поцарапанная... И, махнув рукой, рассмеялась.

В этот момент на пороге появился Дэнни Расвен, встрепанный несколько больше, чем обычно. Похоже, он бежал. А в руке у него...

– Это мое! Откуда вы это взяли? – воскликнула Ирис, пытаясь схватить маленький плотный конверт.

Штурман отдернул руку назад и через ее голову передал конверт своему капитану. Глаза его смотрели на Ирис осуждающе.

– Ну-ка, ну-ка... – Рик на колене развернул старый, много раз смытый пергамент и тут же, на пороге таверны, углубился в изучение.

– Где вы его взяли? – потребовала Ирис.

– Там, где вы его оставили. В почтовом ящике в доме губернатора, – ответил штурман.

– Но как вы догадались?

– У вас не было времени искать дерево с дуплом, – пожал плечами Дэнни.

– Здесь полно домов и почтовых ящиков много. Я могла опустить карту в любой!

– В любом другом доме, кроме губернаторского, письмо без указания отправителя либо выкинули, либо немедленно распечатали, – просто ответил штурман.

– Что ж, – закончив изучение, Рик свернул карту и демонстративно убрал ее в карман комзола, – могу сказать, что у вас неплохая память, мисс Нортон. Вы сделали всего пять ошибок. Специально?

– Я не собиралась наводить пиратов на ваш клад. Пусть даже он и не существует в природе, – буркнула Ирис, стараясь не смотреть на мужчин.

– Неплохо, – кивнул Рик, – даже очень неплохо. Что ж, вы заслужили маленькую экскурсию по Кайоне. Дэнни, поспешите на корабль и предупредите, что с нами все в порядке.

– А карта? – рискнула спросить Ирис.

– Я ее уничтожу. Все-таки она слишком точна. Я бы сказал, опасно точна.

* * *

В глаза пленникам ударил яркий дневной свет, и Мэри инстинктивно вскинула руки к лицу. В дверном проеме обозначился силуэт огромного цыгана. Мэри уже знала его – Хосе Мартинеса, управляющего дона Родриго, а проще говоря, бандита. Повелительным жестом мрачный человек, одетый в отрепье, отослал разряженных в бархат и шелк слуг дона Родриго, мягко шагнул вперед, и дверь грязного сарая со скрипом закрылась. Мэри торопливо поднялась. Цыган постоял, привыкая к полумраку, потом сделал еще один шаг и оказался рядом с ней. Мэри обмерла от испуга. Темная фигура Хосе дышала силой и непостижимой отрешенностью.

– Ты думала? – спросил он на плохом английском.

– Да, – кивнула Мэри в ответ. – Да, я думала, Хосе.

– Решила?

– Мне все это не нравится, – произнесла Мэри, не глядя на Хосе, – но другого выхода нет. Мое терпение доживает последние дни. Я сижу в этом сарае, как свинья в грязи. От моего платья пахнет потом, а волосы уже неделю не видели гребня. Я этого просто не выдержу... – и неожиданно расплакалась.

Цыган улыбнулся своей кривоватой улыбкой, ничуть не смягчившей черты лица.

– У тебя будет все, что нужно. Иди за мной.

– А?.. – Мэри показала глазами на своего родовитого товарища по заточению.

Он сидел у стены, обхватив руками колени, и безразлично наблюдал за цыганом и Мэри. Казалось, его ничего уже не интересует. Цыган скользнул по нему взглядом.

– Дон Родриго сохранит ему жизнь, – и снова повернулся к Мэри.

– Жизнь? Это все? А... его свобода?

– Вам мало? – цыган развернулся и еще раз, более внимательно, взглянул на Эльсвика.

Но тот этого, похоже, не заметил.

– Этого даже слишком много, – проговорил он негромко, словно отвечая на свои мысли.

Снаружи послышался шорох. Рука Хосе метнулась к ножу, но он тут же опомнился, шагнул к двери и распахнул ее ногой. Послышался сдавленный стон и глухой удар о землю. Цыган нагнулся... и быстро втащил в сарай маленького мальчика с тонким, красивым лицом, в опрятном бархатном костюмчике. Железные пальцы Хосе подняли мальчишку за ухо. Он взвизгнул и сжался, не пытаясь вырваться.

– Дон Диего, подслушивая под дверью, вы роняете звание благородного идадьго, – проговорил цыган с жесткой насмешкой в голосе. Мальчик молчал, но яростный ненавидящий взгляд говорил о многом. Граф приподнял голову.

– Зачем вы мучаете мальчика? – устало возмутился он. – Кто это?

– Это? – Хосе снова криво улыбнулся. – Это в некотором роде мой хозяин. Диего Рамон Фернандо Педро де Вальдоре. Это маленькое злобное создание – настоящий дьяволенок, несмотря на четырех святых покровителей. Плоть от плоти того, кто его породил. Нежный возраст не помешал ему дважды попытаться меня убить. Он нам не помешает.

Цыган отшвырнул мальчишку в угол сарая и больше на него не смотрел. Мэри догадалась, что «управляющий» не придает ни происшествию, ни его виновнику ни малейшего значения, и про себя удивилась.

– Сеньорита, – позвал цыган, Мэри вздрогнула и подняла глаза, возвращаясь к насущным проблемам. – Иди за мной.

Девушка бросила прощальный взгляд на Эльсвика, но он уже с головой ушел в свои мысли и не заметил прощания. Мэри вздохнула и подошла к Мартинесу.

Прячась за пышной растительностью сада, они прошли по тропинке в вызывающей близости от окон Родриго и попали в маленький флигель. Тяжелая дверь бесшумно распахнулась, и Хосе слегка подтолкнул ее вперед. Перешагнув порог комнаты, Мэри тихо ахнула. Всю жизнь она провела в богатом Нортон-Хаузе, но никогда и помыслить не могла о такой роскоши. Со стен мягкими складками спускались парчовые драпировки. Ноги утопали в ласковых коврах. У стены располагался альков с бархатными занавесками, а рядом стояла молодая девушка и смотрела в окно. Ее рука лежала на грифе испанской гитары. Мэри интуитивно отметила тонкую талию, белые руки и прямую спину, не привыкшую гнуться. Хозяйка!

– Иди же, – вполголоса приказал Хосе, и Мэри с замершим сердцем шагнула в этот Эдем.

Девушка неспешно обернулась, и черные бархатные глаза, минуя Хосе, остановились на Мэри. Их взгляд был холоден и строг, но в глубине таилась печаль и тревога, которую знатная испанка хотела, но не могла скрыть. Верхняя часть ее лица: лоб, дуги бровей, тонкий прямой нос – была нежна и аристократична, а нижняя: плотно сжатые губы и подбородок – не по-женски тверда.

– Она согласна? – спросила испанка.

Мэри не поняла слов, но сообразила, что речь идет о ней. Голос хозяйки был низким и глубоким. Широкими шагами Хосе пересек комнату, опустился на колени и поцеловал край ее платья.

– Как вы приказали, госпожа.

– Беатрис, – мягко поправила хозяйка, – но эта девушка совсем не похожа на меня!

– Не беда, – ответил Хосе, – перекрасим ее волосы в черный цвет, оденем в ваше платье, и под густой подвенечной вуалью Мэри вполне сойдет за Беатрис.

– Но когда обман раскроется...

– Вы будете уже далеко, моя госпожа, – с самым почтительным видом перебил Хосе, – пещеры Сантилья укроют вас, и ваш брат ничего не сможет сделать. Даже если на его стороне будут алькад и все альгвасилы Нового Света.

– А если Родриго, как и грозилося, поедет со мной? На корабле ты не сможешь выдавать ее за меня!

Хосе мотнул головой с шапкой жестких черных кудрей.

– Вам бояться нечего... Беатрис.

– Хорошо, – снисходительно кивнула испанка, – оставь нас, Хосе.

Цыган бесшумно исчез. Девушки остались одни. Беатрис опустилась на низкий диван и знаком подозвала Мэри. Некоторое время она внимательно изучала ее лицо, потом...

– Вам известно, какого рода услугу я от вас жду? – Беатрис сказала это на родном языке Мэри, с сильным акцентом, но без ошибок.

– Да... госпожа, – кивнула Мэри. – Я должна заменить вас на венчании.

– И вы согласны?

– Разве у меня есть выбор? – грустно удивилась Мэри. – Я пленница. Рабыня. Кроме того, в ваших руках жизнь человека, который дорог мне. Слишком дорог, помимо воли и вопреки судьбе. Можете быть уверены – я сделаю все, чего вы хотите.

Беатрис едва заметно поморщилась. Потом хлопнула в ладоши, и в комнате появилась молодая негритянка в платье служанки.

– Отведи эту девушку к себе, Лоа, помой, причеши и накорми, – повелительно сказала она и снова отвернулась к окну, не обращая больше внимания ни на Мэри, ни на Лоа.

* * *

Синьор Диего Рамон Фернандо Педро де Вальдоре, поскуливая, как обиженный щенок, выбрался из сарая. Ухо горело. Мальчик сощурился и процедил сквозь зубы с истинно кастильской гордостью и непримиримостью:

– Ты будешь гореть в аду, Хосе, клянусь Богом и Святой Девой Марией!

– Ох, какие страсти! – откуда-то сверху послышался задорный смех. – У тебя такие хорошие отношения с дьяволом, синьор Диего?

– Хатита! – явно обрадованный мальчик закрутил головой, пытаясь обнаружить источник звука, но вокруг никого не было.

Диего растерялся. Цыганка была где-то поблизости, но маленький испанец знал по опыту, что будет искать ее до тех пор, пока ей не надоеет эта игра.

– Диего! – голос звучал вроде бы слева. Мальчик стремительно обернулся. Никого.

И снова возник веселый смех подруги.

– Ищи, Диего!

Он закрутился, как пес, стараясь разглядеть хоть что-нибудь в пышной листве разросшегося сада, но зря. За спиной возвышался каменный забор, остатки былой славы де Вальдоре, слева рос непролазный кустарник выше человеческого роста, прямо перед ним лежала выкошенная лужайка, а справа высилась стена сарая.

– Здравствуй, Диего.

Мальчик крутанулся на пятке. Он мог бы и не торопиться. Цыганка никуда не собиралась исчезать. Она стояла рядом. В двух шагах. Черные глаза смеялись. Суеверный испанец быстро перекрестился, вызвав новый взрыв смеха.

– Хотел бы я знать, как ты это делаешь, – пробормотал Диего, досадуя на собственную глупость.

Цыганка пожала худыми острыми плечами.

– Хочешь – узнаешь, – увидев, как вспыхнули глаза мальчика, Хатита подмигнула. – Но не даром. Твоя тайна взамен моей. Договорились?

– Что за тайна? – насутился Диего.

– Ты скажешь мне, за что так ненавидишь Хосе, – серьезно ответила Хатита, подходя ближе, – мне важно это знать.

– За что ненавижу? – вспыхнул Диего. – Ты видела, как он обращается со мной? Может, скажешь, что за это я должен его любить?

– Нет, Диего, это не ответ, – произнесла Хатита, глядя в сторону. – Хосе грубый, но совсем не злой. Он не стал бы обижать тебя, если бы ты перестал воевать с ним.

Диего растерялся, не зная, что ответить. Этот разговор не нравился ему, но уклоняться от расспросов цыганки он еще не научился. Хатита сделала шаг навстречу мальчику. Теперь они стояли совсем рядом и смотрели в глаза друг другу.

– Если ты не хочешь говорить, скажу я. Хосе сделал то, что ты хотел, да не смог. Верно? – И так как мальчик упрямо молчал, цыганка договорила: – Он испугал твоего старшего брата. И здорово испугал.

Глава 8

Паруса наполнял ровный устойчивый ветер. Три прекрасных стремительных корабля шли, взрезая волну так слаженно, словно были связаны канатом. Давно остались позади берега Тортуги, шумные, как ярмарка, пестрые, как праздник, влекущие и непредсказуемые, как любая авантюра. Сейчас эскадра Джеймса Рика приближалась к другим берегам.

Ирис проснулась поздно. Солнце стояло уже высоко, шел примерно десятый час. Завтрак она пропустила, но это обстоятельство было последним, из-за которого Ирис стала бы тревожиться. Что-нибудь всегда можно было добыть на камбузе. На «Фортуне» Ирис находилась на особом положении. Это было нечто среднее между принцем-консортом и удачливым шантажистом. Ей делали поблажки на каждом шагу и охотно прощали дерзкий язык и любопытство. Вероятно, причиной был Дэнни Расвен, второе лицо на корабле. В часы, свободные от вахты, он частенько болтал и смеялся с ней где-нибудь на шкафуте, на виду у всей команды. Ирис рассказывала забавные случаи из жизни общества, а Дэнни веселил ее совершенно неправдоподобными морскими историями (наподобие приключений Синдбада-Морехода). Случалось, в такие минуты девушка ловила на себе взгляд капитана и ежилась, словно от колючего северного ветра. Он ничего не говорил, просто проходил мимо, и Ирис отчего-то становилось неловко. Этот человек все еще казался ей непостижимым. Обыкновенный морской бродяга, он вдруг поражал ее каким-нибудь «светским» замечанием, причем в устах флибустьера оно звучало вполне естественно и к месту... А иногда он вообще говорил или делал такие вещи, что Ирис терялась. Станные слова, странные мысли. Очень странные умения. Очень знакомые умения. Если только допустить, что бывает то, чего быть не может, потому что не может быть никогда.

Держась с ней то холодно, то язвительно, он заставлял ее нервничать и порой даже пугал. Но «Фортуна» держала курс на остров Санта-Катарина, где Ирис надеялась найти друзей. И белое платье, такое легкое и красивое, было подарком капитана. А в каюте лежали еще два. И ей никак не удавалось увязать серьезные, внимательные глаза и жесткую усмешку.

Утро было чудесным. Не жарким, безмятежным, полным очарования спокойного прозрачного моря и чистого неба. Не таящим в себе никаких сюрпризов. Ирис выбралась на палубу. Дэнни нигде не было.

Удача? Когда она добралась до цели своей вылазки, то окончательно уверилась, что судьба благоволит ей. В это утро у штурвала стоял молодой матрос. Его высокая, несколько нескладная фигура и темно-каштановые волосы были ей хорошо знакомы.

– Дерек! – окликнула она.

Узнав голос, матрос с готовностью обернулся. Загорелое лицо осветила мальчишеская улыбка.

– Мисс Нортон! Доброе утро. Рад вас видеть. Через полчаса я сменяюсь, и мы сможем поболтать.

– Дерек, уступи мне штурвал. Пожалуйста! – взмолилась Ирис, увидев, как вытянулось лицо парня. – Уверю тебя, я неплохой рулевой.

Дерек изумленно тряхнул шевелюрой:

– Мисс Нортон! Вы понимаете, на что толкаете меня? Если увидит капитан, меня

протащат под килем.

Ирис подобралась ближе. Ее серые глаза лукаво блеснули.

– Врешь и не краснеешь, дружок. На «Фортуне» не применяют этот способ наказания. А капитан у себя и ничего не увидит. Дэнни мне разрешил.

– Ну, мисс Нортон, прямо не знаю, – в сомнении протянул Дерек.

– Мы друзья? – напрямик спросила Ирис.

Она повернулась, послала шкиперу вопросительный взгляд, получила в ответ кивок и ободряющую улыбку.

– Я уже слышу, как сирены поют хвалу моей отваге, – рассмеялся Дерек. – Ну хорошо, держите штурвал. Только смотрите – если бриг будет рыскать...

– Не будет, – уверенно отозвалась девушка, занимая место матроса.

С первых мгновений Ирис почувствовала, что «Фортуна» прекрасно слушается руля. Удержать ее на курсе оказалось гораздо легче, чем «Полярную звезду» или даже маленькую «Корону». Ветер ровно давил в паруса, море было спокойным и ласковым, как послушный ребенок. Блики на зеленоватой воде с непривычки утомляли зрение, и она прикрыла глаза ресницами. Дерек стоял рядом, готовый сменить девушку, как только ей наскучит это занятие. Но Ирис не скучала. Она испытывала огромное удовольствие от чувства, что могучий корабль подчиняется ей, а гордое, непокорное море лежит у ее ног, как дорогой ковер. Она словно растворилась в этой минуте, слилась с морем и величавым кораблем. Это удивительное настроение будило мысли и чувства, влекло куда-то и требовало выхода. Девушка поймала себя на том, что негромко напевает старую песню. Голос ее, слабый, но чистый, вплетался в свист рассекаемых волн и тихое журчание кильватерной струи.

Любимая, я рыцарь твой.
Вернулся из страны чужой.
Добыча не досталась мне.
Богатство все мое в коне.
В моем копье, в мече моем,
Которым я сражусь с врагом.

И вдруг идиллию нарушил голос, который Ирис хотела услышать в этот момент меньше всего:

– Что здесь происходит?

Вопрос был задан негромко, но для нарушителей порядка он прозвучал как трубный глас архангела в час изгнания из рая. Ирис вздрогнула, но штурвал не выпустила.

– Капитан, я... – начал было Дерек.

– Я знаю, кто ты такой, Дерек Харрисон, – перебил ледяной голос капитана. – Твои оправдания меня не интересуют. На Тортуге мы прощаемся, а до этого тебе придется поскукаться под арестом.

– Но капитан, Дерек здесь не при чем, это я виновата, – попыталась вмешаться Ирис.

Она слегка повернула голову и заметила, что матрос стоит красный, как вареный рак, кусает губы и, видимо, проклиная твердый палубный настил брига за то, что он не подломится под ногами. Лицо капитана было совершенно бесстрастным, что означало, как успела заметить Ирис, крайнюю степень гнева.

– Капитан, выслушайте меня, – она тщетно пыталась уделить внимание и штурвалу, и растерянному Дереку.

Помощь подоспела вовремя.

– Ты погорячился, Рик. Парень не виноват, – Дэнни, который только что сменился с вахты, подошел к испуганным нарушителям.

– Я разрешил Ирис немного постоять на руле. Эти полчаса я не спускал с нее глаз и могу заверить тебя – как рулевой она безупречна.

Капитан перевел взгляд с Дерек на девушку.

– Ты хочешь сказать, что последние полчаса у штурвала стояла мисс Нортон? – переспросил Джеймс Рик.

Дэнни с усмешкой кивнул. Ирис в присутствии своего защитника немного успокоилась, но ей все еще было не по себе.

– На «Фортуне», мисс Нортон, как и на любом корабле, четырехчасовая вахта, – произнес Рик со странным выражением на жестком лице. – Два часа на руле, два часа на палубе. Вы улавливаете мою мысль? Этот герой отсидит четыре часа под арестом, а вы, «миледи», замените мне матроса.

И, уже поворачиваясь спиной к девушке, добавил:

– А с тобой, Дэнни, разговор еще впереди, и боюсь, он нам обоим не понравится.

Капитан ушел, а Ирис осталась обескураженная, пытаясь сообразить: оскорбили ее или наоборот, сделали комплимент. Но долго ломать голову ей не пришлось. Вахта требовала внимания, и все посторонние мысли волей-неволей пришлось отложить до более подходящих времен.

Уже под вечер, когда ощутимо похолодало, и солнце, утрачивая свой слепящий свет, катилось к закату, Ирис набралась решимости, чтобы подняться на капитанский мостик и спросить о дальнейших планах корсаров. Конечно, после ее сегодняшней выходки не следовало ждать теплого приема, но попытаться стоило.

Джеймс Рик стоял на ветру, разглядывая едва заметную точку на горизонте. Против ожидания его голос прозвучал ровно и вполне добродушно:

– Как вам сегодняшний день?

– Неплохо! – с энтузиазмом ответила Ирис. – Я научилась вязать швабры и насвистывать песню: «Я в подзорную трубу увидел тебя в гробу».

Капитан негромко рассмеялся.

– Подойдите сюда, мисс Нортон, – неожиданно сказал он и протянул ей этот, столь чтимый моряками прибор. – Не уверен, что вы увидите меня в гробу, но можете взглянуть на Санта-Катарину. Остров прекрасно укреплен. По моим сведениям, тюрьму охраняют шесть фортов, отлично приспособленных для этого самой природой. Обратите внимание на острую скалу, похожую на сломанный зуб. Там расположен наш самый грозный противник – форт Святой Терезии.

– Сколько же пушек может быть в шести фортах? – задумчиво спросила Ирис.

– Около сорока. Может, больше, – ответил капитан и наконец остановил взгляд на девушке.

Она стояла, облокотившись на перила, и напряженно рассматривала остров, который приближался с каждой секундой. На ее тонкое лицо и белое платье упал малиновый отсвет заката, и светлые волосы вспыхнули, придавая ей особое, загадочное очарование. День гас. Девушка была полностью поглощена своим занятием, и, пользуясь этим, Рик рассматривал ее с напряженным вниманием, пытаясь понять, что за тайну скрывают серые глаза. Что движет этим загадочным существом по имени Ирис Нортон? Почему она так непосредственна, упряма и горда? И так бесстрашна, как кошка, защищающая свою жизнь! Она была больше похожа на женщин двадцать первого века, независимых, с высшим образованием и водительскими правами, сделавших карьеру и зарабатывающих больше мужиков. В этом времени не могло быть таких, как она. Однако же – вот!

Неожиданно Ирис обернулась:

– Ведь штурм очень опасен? – в голосе звучала тревога. – Я бы не хотела, чтобы из-за меня гибли люди. Ведь здесь, на острове, нет ничего ценного?

– А что, по-вашему, ценность? – спросил Рик. Спросил потому, что ему действительно стало любопытно.

– Для меня, – подчеркнула Ирис, – главная ценность – мои друзья! Но если говорить о материальных ценностях, здесь, насколько я знаю, нет ни золота, ни крокодиловых кож, ни жемчуга...

– Здесь есть люди. Моряки. Флибустьеры. Они ходили с Морганом в тот рейд, который

я хочу повторить. Мне они необходимы, мисс Нортон. Так что передайте привет своей совести.

Стояла глубокая ночь, и ясные звезды, сплетаясь в знакомые узоры, освещали морскую гладь и маленький островок твердой земли с едва различимыми силуэтами башен, когда флотилия Джеймса Рика встала на рейде у берегов Санта-Катарины. Остров, казалось, спал. Но так ли это было, или что-то почуявшие испанцы затаились и ошетинились пушками? Ответ могло дать только утро.

Капитан свистком вызвал помощника, и через секунду на мостик поднялся Дэнни. Как и Рик, он был спокоен. Боевые друзья и собутыльники спустились вниз. Дверь капитанской каюты захлопнулась. Дэнни без церемоний опустился на сундук, закинув ноги на стол.

– Я слушаю, капитан, – благодушно сказал он.

– Дэнни, ты знаешь, я люблю тебя как брата, ценю как лучшего шкипера обоих полушарий и уважаю как честного и отважного человека.

– Такие комплименты да на трезвую голову! К чему бы это?

– Тебе придется выполнить задание. Сложное и опасное. Я говорю это для того, чтобы ты уяснил: давая его тебе, я рассчитываю, что ты вернешься. Это неперемное условие, Дэнни, иначе я пойду туда сам. Ты можешь не выполнить мое поручение, я буду знать, что ты сделал все, что мог, и не стану требовать большего. Но твой первый и основной долг – вернуться. В предстоящем походе я без тебя как без рук. Ты меня понял?

– Да, капитан, – кивнул Дэнни, – я понял и слушаю.

– Мне нужен разговор с комендантом гарнизона. С глазу на глаз, и чтоб ни одна душа...

– Что ты задумал, Рик? – с интересом спросил Дэнни.

– Увидишь, – губы Рика тронула улыбка. – Задумал я одну веселую шутку. Надеюсь, весело будет всем, а не только испанцам.

* * *

Под утро Санта-Катарина окуталась пороховым дымом. Словно остров со всех сторон обложили сырыми листьями и подожгли. Стоял жуткий грохот. Стреляли пушки трех пиратских кораблей и все орудия гарнизона, но вот ведь какая штука – этот грохот не сопровождался никакими разрушениями. Ирис, озадаченная, спустилась на батарейную палубу и вскоре заметила, что пираты, веселясь от души, заряжали пушки одним порохом. Без ядер. Под прикрытием неистовой канонады орда пиратов самого воинственного вида высадилась на берег и с ревом бросилась на штурм. Судя по звукам, там завязалась рукопашная схватка не на жизнь, а на смерть. Ирис поймала за рукав Дэнни Расвена и спросила напрямик:

– Что происходит?

– Мы спасаем честь испанского гарнизона, – со смехом отозвался Дэнни.

– Так это фальшивое сражение! – сообразила девушка. – А испанцы? Я слышу выстрелы.

– Я их тоже слышу, – прозвучал за спиной голос Рика, – и мне это не нравится.

Дэнни улыбнулся:

– Я приказал ребятам зарядить ружья боевыми патронами, но стрелять в воздух, если не обнаружат измены.

– А! – произнес Джеймс Рик, – тогда ладно. Ты молодец, Дэнни. Но мне это все-таки не нравится.

– Успокойся, капитан, – рассмеялся Дэнни, – Ты так убедительно расписал, что мы с ними сделаем при попытке сопротивления, что у донна Гусмана до сих пор зубы стучат, как кастаньеты Каролины. Вот не знал, что у тебя такая богатая и мрачная фантазия.

– Можно мне посмотреть, – взмолилась Ирис, заглядывая в глаза капитану.

Тот поморщился, словно надкусил лимон.

– Это не театр, мисс Нортон.
– Вы чего-то боитесь? – спросила девушка.
– Я боюсь всего, – резко ответил капитан, но, взглянув на огорченную Ирис, смягчился. – Впрочем, какого черта? Идите. Дэнни, проследи, чтобы мисс Нортон не впуталась в какую-нибудь историю, – и, не слушая слов благодарности, стремительно отошел.

Ирис, чуть не выпрыгнула из платья, обрадовавшись решению Рика. Она хотела что-то сказать, поблагодарить, но капитан так решительно покинул компанию, что девушка почувствовала легкую досаду. «Ну и Бог с ним...» – фыркнула про себя Ирис.

* * *

Бой продолжался несколько часов. Трещали ружейные выстрелы. Звенели сабли. Слышались зверские крики нападавших пиратов и возгласы, переходящие в предсмертные стоны. Гарнизон стоял насмерть но, поддаваясь численному превосходству, все же сдавал форт за форт. Во время одной из атак в плен попал сам комендант гарнизона. Возникло замешательство. Испанцы попросили перемирия, и великодушные флибустьеры приняли парламентаров, но даже угроза повесить доблестного дона Гусмана на сторожевой башне не поколебала мужество защитников Санта-Катарины, и, спустя несколько минут, схватка возобновилась. Пираты развлекались вовсю. Комедия, разыгранная как по нотам, доставила им редкое удовольствие. Но были люди, которые радовались еще больше пиратов. Около шестидесяти человек, в основном флибустьеры, захваченные в плен испанцами, томились в крепости Санта-Катарина по несколько месяцев и уже отчаялись покинуть эти стены иначе, чем через веревку палача или костер святой инквизиции. Теперь под оружейную пальбу и радостные крики своих товарищей бывшие узники выходили на свободу, щурясь от яркого солнца.

– Мисс Нортон! Хозяйка. Вот так встреча!

Ирис закрутила головой. К ней спешили двое: грязные, оборванные, заросшие. Да, они здорово изменились, но даже испанский плен не смог пригасить рыжий костер на голове одного или добавить хоть полфута роста другому.

– Капитан Мак-Кент! Дик Вольнер!

И под грохот фальшивого боя друзья крепко обнялись...

Сражение закончилось под вечер. Убитых и раненых не было, но испанский остров все же понес тяжелые потери. Одержавшие победу флибустьеры объявили жестокую войну на полное истребление коровам, телятам и птицам Санта-Катарины. Хуже всего пришлось виновному погребу дона Гусмана. Честь гарнизона была спасена, но какой ценой!

Однако когда-нибудь все кончается. Плохое и хорошее. Кончился и этот длинный, ни на что не похожий день. Стихла суeta на берегу, грохот деревянных бочонков с вином, приветственные крики и замысловатая ругань. Лодки, что сновали без передышки почти всю вторую половину дня между берегом и кораблями, стоявшими на рейде, успокоенно покачивались в прибрежной волне. Седые сумерки сгустились над местом фальшивого сражения. Всплыла луна, еще не смелая, но уже отчетливо видимая в просвет между двумя мачтами «Фортуны».

Харди Мак-Кент курил, сплевывал за борт. Дик Вольнер смотрел на темнеющие берега испанского острова так, словно хотел запомнить на всю жизнь это место и эти воды, чтобы когда-нибудь случайно сюда не заплыть.

Ирис сидела на верхней ступени лестницы. Откуда-то сверху доносились приглушенные пьяные вопли, но здесь, на полуите, никого не было. Друзьям нужно было многое сказать друг другу, но они больше молчали, лишь изредка перебрасываясь тихими короткими фразами. Слова были ни к чему. Ирис и так знала, что чувствуют эти прямые, отважные люди и что они ответят, если она позовет их с собой. И, конечно, втроем гораздо легче пережить все превратности судьбы. Но было одно обстоятельство, которое удерживало

язык Ирис на привязи.

– Дик, – спросила она вдруг, не глядя на маленького штурмана, – Что случилось, когда сыну того испанца, которого я... В общем, как он себя вел, когда узнал, что его отец мертв, а убийца выброшена за борт?

– Жалел, что вы не попали на его корвет, – ответил Дик. – Был страшно зол, это помнят все пленники. Ну и мы с Харди малость подпортили ему настроение.

Мак-Кент хмыкнул, улыбаясь воспоминанию.

– Да-а, – протянул он, – знатная была потасовка. У этого щеголя, небось, остался шрам на скуле. Дик ему цепью приложил.

– Значит, он вас запомнил? – спросила Ирис, но это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Это точно, – усмехнулся Мак-Кент. – Мы ему, наверное, снямся. В кошмарах.

– Наверно, – кивнула Ирис и тепло улыбнулась друзьям. – Я рада, что он не повесил вас. Очень рада.

– Я тоже чертовски рад, – хмыкнул Мак-Кент, и Дик согласно кивнул. Тьма наступала так быстро, что вскоре в трех шагах стало не различить с детства знакомых лиц.

– Вы что-то задумали, мисс Нортон? – осторожно спросил маленький штурман.

Мак-Кент встрепенулся, но тьма ответила спокойным, задумчивым голосом хозяйки:

– Просто пыталась сообразить, где сейчас могут быть Джордж и Мэри. Пожалуй, выручить их можно лишь по торговым каналам отца. Если Родриго продал пленников, значит, он, прежде всего, коммерсант, я так понимаю?

– Прежде всего, он негодяй. – Мак-Кент снова сплюнул и тихонько выругался. – Мой будущий хозяин не очень-то жаловал меня, но если вам, мисс, он действительно дорог... Черт меня раздери, если я не достану его со дна морского.

Ирис вздрогнула и быстро проговорила:

– Будем надеяться, что он еще не там. Но обо всем, что произошло, должен немедленно узнать отец. Узнать из первых рук. В банке Порт-Рояля достаточно денег, чтобы зафрахтовать самое быстроходное судно. И вы, друзья, займетесь этим, как только сможете. Я напишу доверенность. Слухи ходят быстро, а предполагаемая гибель наследницы и ее жениха, потомка древнего рода – это серьезный удар по Торговой Компании Нортон.

– А вы? – спросил Дик, не выказывая удивления.

– Я попробую поговорить с господином Ожероном, – ответила Ирис первое, что пришло в голову. – Губернатор Тортуги умный человек с большими связями.

– Неплохо, – согласился Дик. – Это может сработать. Пожалуй, нам стоит завтра собраться и все обсудить на свежую голову.

– Вы правы. – Ирис поднялась первая. – Пойду к себе. Устала я смертельно. Был очень длинный и очень хороший день. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, мисс, – отозвался Харди Мак-Кент.

Дик промолчал. Маленький штурман всегда был на редкость сообразительным, он видел дальше многих и, похоже, что-то заподозрил. Чтобы рассеять его подозрения, если они действительно были, Ирис поспешила скрыться у себя.

Там, закрыв двери на засов, она запалила свечу, села на край кровати и задумалась.

В соседней каюте, судя по звукам, которые доносились до нее сквозь стену, пираты играли в «Пришиби меня грот-мачтой». Под крики, веселые и гневные, чей-то простуженный бас запевал песню, и ее тут же затягивал добрый десяток голосов. Ирис зажала уши ладонями. Склянки отбили одиннадцать. Потом половину двенадцатого. Потом она перестала их слушать.

Флотилия Джеймса Рика собиралась поднять якоря утром следующего дня. Далеко за полночь Ирис выбралась на палубу. Она стояла в темноте и, уцепившись за ванты, вглядывалась в черные, расплывчатые очертания шхуны «Стейк». На палубной надстройке горел свет, шевелились какие-то тени, Ирис пыталась уловить хотя бы звук или жест, но тщетно. На шхуне царила гробовая тишина. Там либо спали, что маловероятно, либо все

разом поумирали, либо что-то замыслили. Слабая бортовая качка убаюкивала, и Ирис подумала, что, пожалуй, уснет здесь, так ничего и не решив. Впрочем, решать было нечего. Все давно решено. Оставалось только попрощаться. Она плотнее запахнула светлый платок, собрала распушенные волосы и поднялась вверх. Так она стояла в темноте коридора, ожидая окончания пиратской попойки, и размышляла о событиях последних недель.

С Тортуги она отправила два письма в Англию. Отцу и Кэтрин. В первом было столько же истины, сколько в Коране в переводе монаха-католика, но с Кэтрин Ирис всегда была чуть более откровенна. Она писала подруге о том, что не успела стать женой Эльсвика, и о гибели «Полярной звезды», и о своей встрече с Джеймсом Риком!

«Не верь тому, что болтают сплетницы, – писала Ирис. – Он спас мне жизнь и был со мной терпеливым и добрым. И хотя капитан Рик иногда груб, а порой бывает просто несносен, он настоящий джентльмен, что бы не говорили подруги твоей матушки».

Ее размышления прервал тихий скрип. Из капитанской каюты выплеснулся узкий язык света и нестройный, но веселый рефрен: «Один старый шкипер утопил свой клипер». Что с ним было дальше – Ирис не узнала. Капитан Рик захлопнул дверь, и песня осталась в каюте. «Настоящий джентльмен» нетвердо стоял на ногах. Голову криво повязывал цветной платок Дэнни, а на губах играла такая залихватская усмешка, что Ирис перекосило от отвращения. Она шагнула наперерез.

После горячей встречи со старыми друзьями Рика потянуло к воде. Туда он и направлялся, когда на его пути, прямо из ночного мрака, возникла бледная фигура. Легкий ветер шевелил светлые волосы и белый саван. Рик отшатнулся.

– Добрый вечер, – произнесло привидение по-английски.

– А, это вы?

Показалось? Или она действительно услышала вздох облегчения? С Рика слетел хмель. Пьяная усмешка исчезла.

– Что случилось, мисс Нортон? – сухо спросил он.

– Нам нужно поговорить. Это важно.

Рик не двинулся с места:

– Говорите. Я слушаю.

– Я нашла своих друзей, – начала было Ирис, но капитан перебил ее с плохо скрытым раздражением:

– И теперь вы собираетесь домой, в Англию. Хорошее дело, давно пора. Но оно вполне терпит до Тортуги.

Примирившись с его тоном, как с неизбежным злом, Ирис сказала без дальнейших околичностей:

– «Стейк» идет на Эспаньолю. Мне нужно быть там.

– Что за новая блажь? – удивился капитан. – Значит, мое общество вас уже не устраивает?

– Пока устраивает, но скоро перестанет, если вы и дальше будете грубить мне без всякого основания, капитан Рик, – отчеканила Ирис. – Я смогу попасть на «Стейк»?

Капитан тряхнул головой и через силу улыбнулся.

– Простите. Я не хотел вас обидеть... Так зачем вам на Гаити?

– Я же объяснила. Я нашла Мак-Кента и Дика Вольнера. Теперь я знаю, что Джордж и Мэри на Гаити. Их захватил Родриго де Вальдоре, неизвестно для чего, но наверняка это что-то ужасное! Понимаете? Я должна им помочь.

– Вы с ума сошли, – потрясенно вымолвил Рик. – Ведь этот испанец спит и видит, как бы заполучить вас, Ирис. Ведь он еще не забыл, что случилось с его отцом.

Ирис кивнула. Резко. Упрямо. Этот довод не сразил ее, а лишь подстегнул горячий нрав. Упорства, которым наделил ее Бог, хватило бы на троих, а вот благоразумия явно не хватало.

– Я буду осторожна. Родриго не знает меня в лицо.

Рик провел по лицу ладонью, стирая остатки видения.

– Не говорите глупостей, Ирис. Вы же не ребенок.

Отстранив ее рукой, он вышел к трапу и спустился вниз. Она рванулась было за ним, но остановилась, комкая концы шали.

– Вы можете думать об этом, что хотите, а я буду делать, что должна! – яростно крикнула она в удалившуюся спину. – Я найду способ. Если вы не дадите шлюпки, я отправлюсь туда вплавь!

Рик ее не услышал.

* * *

Берег стремительно таял вдали. Зеленоватая волна легко несла «Сан-Фелипе», даже не замечая тяжести великолепного фрегата. Переложили руля, и солнце ударило в глаза молодому идалго. Дон Родриго отвернулся и торопливо спустился вниз. Он не был моряком, не любил моря и был вынужден слепо положиться на капитана, которого нашел Хосе Мартинес. Впрочем, тот дело знал и правил кораблем и командой железной рукой.

Услышав перебор струн, Родриго заторопился. Он любил слушать старинные баллады, когда их пела Беатрис своим низким, красивым голосом. И не любил торчать на мостике, там было жарко и скучно. Нет, тысячу раз прав Хосе – нужно как можно скорее отделаться от этого наследства. Жених Беатрис – моряк, вот пусть и забирает старое корыто в качестве приданого. А больше ему дать все равно нечего. Да и незачем. Пусть будет доволен, что породнился с семьей де Вальдоро. Родриго толкнул дверь в каюту и прямо с порога наткнулся на гневный взгляд сестры.

– Почему у меня забирают горничную? – возмущенно спросила Беатрис, – ваши люди, этот несносный Мартинес и второй тип такого же бандитского вида сказали, что это ваш приказ. Я не отпустила Марию.

Родриго с досадой поморщился.

– Эта девушка – моя пленница. У меня на нее свои виды. А у вас есть Лоа.

– Но я хочу, чтобы мне прислуживала белая женщина. И к тому же Мария отлично справляется. В угоду вашим желаниям я согласилась смешать свою кровь с кровью крещеного иудея, а вы отбираете у меня даже то малое, что я осмелилась взять.

Родриго по опыту знал, что когда сестра в таком настроении, с ней нужно немедленно мириться. Он деланно улыбнулся.

– Ну, ну, сестренка... Чем я заслужил такие упреки? Я нашел вам прекрасного жениха. С его богатством вы станете королевой, и, ослепленные блеском вашего золота, люди забудут о нечистой крови вашего мужа. Кроме того, он стар и долго не протянет. Наверняка у вас не будет детей, и ваша кровь, Беатрис, останется такой же чистой, как вода в колодце часовни Святой Гуадалупе. Когда же он умрет, вы, молодая и богатая, сможете осчастливить любого из этих надменных мальчишек, которые считают своих предков чуть не от Адама и не имеют ничего, кроме шпаги.

Беатрис слушала терпеливо, зная, что упрямство брата превосходит даже ее собственное, а говорить с ним о безнравственности того, что он задумал, все равно, что вычерпывать море ложкой. Когда он наконец закончил разглагольствовать, девушка спросила:

– Так как же Мария?

– Пусть остается до свадьбы, – отмахнулся Родриго, – потом я ее заберу. Не дуйтесь, сестра, у вашего будущего мужа полно прислуги.

Оставшись одни, девушки переглянулись.

– Вы молодец, госпожа, – сказала англичанка, глядя на волнующееся море сквозь стекло. – Я было решила, что все пропало. И вы, госпожа, и мой побег, и милорд...

– Пока живешь – надейся! – проговорила Беатрис, – и нет такой беды, чтобы пришла навсегда. Кроме смерти, но это не беда, а просто конец дороги.

– Вам надо было говорить об этом с моей бывшей хозяйкой, да упокоится душа ее с

миром. Тоже, вроде вас, упрямая была да гордая, да только толку с ее упрямства, – вздохнула Мэри, – сейчас где-то в этих водах рыбу кормит. А он до сих пор тоскует по ней, дурачок несчастный.

Неожиданно Мэри расплакалась. Беатрис подошла и обняла ее за плечи. Властный тон испанки смягчился.

– Что случилось, девочка? Я не верю, что ты потеряла мужество. Твое тело больше не страдает от грязи и холода, но ты по-прежнему грустишь. Значит, страдает душа. Кто он, Мария?

– Милорд... граф Эльсвик, – испуганно прошептала Мэри, – и я его... так люблю.

– Видно, Мария, ты из тех, кто только плачет и молится, чтобы Господь послал счастье, но и шагу не сделает ему навстречу, – проговорила Беатрис, обнимая подругу. – Он был помолвлен с другой, но сейчас-то ее нет, а ты жива.

– Госпожа! Что вы такое говорите, – Мэри испуганно отстранилась, – он граф, а я служанка.

Беатрис фыркнула, как рассерженная кошка.

– Если это может тебя остановить, значит, ты не любишь или любишь недостаточно.

Дверь в каюту вдруг распахнулась без стука, и на пороге возник капитан, загорелый и веселый Карлос Диас. Глаза Беатрис вспыхнули и, не говоря ни слова, она указала Мэри на дверь. Капитан переступил через порог, протянул руки, и надменная кастильская аристократка шагнула навстречу, не раздумывая ни мгновения. Не в силах больше вынести зрелища чужого счастья Мэри с силой захлопнула дверь и быстро пошла по коридору. Но на выходе она вдруг налетела на маленького идадьго Диего де Вальдоре, испанского дворянина десяти лет от роду со злобными глазами зверька. «Снова подглядывает. За сестрой и капитаном, – подумала Мэри, – не мое, конечно, дело, но могли бы быть поосторожнее».

* * *

Ирис очнулась от боли. Боль тугим жгутом стянула плечи и руки. Спина ныла. Но стоило ей шевельнуться, как меж сведенных лопаток словно стегнули плетью. Девушка тихо взывала.

Она была грубо связана толстой пеньковой веревкой, какие годятся лишь для такелажных работ. Руки, жестоко заломленные за спину, похоже, совсем онемели. Осторожно повернув голову, девушка осмотрелась. Здесь было темно, как в гробу, и запах стоял намерзевший. Пахло какой-то кислой дрянью, старым жиром и неистребимым духом крокодиловых кож. Она лежала на полу, в мягкой тошнотворной грязи. Это был корабельный трюм, который, похоже, не чистился месяцами.

Под днищем корабля мерно перекачивались тяжелые волны. Их угрюмая мощь заставила ее насторожиться и прислушаться. Снаружи, наверное, был ясный день. Чистое небо висело над кораблем, как опрокинутая плешка. И море, конечно, было безмятежно. Но в глубинах уже просыпалась сила, древнейшая из всех, и разминала могучие плечи, слегка подпихивая шхуну под днище. Ирис, после своего долгого морского путешествия «для поправки здоровья» и почти года, проведенного на корабле, поклялась бы головой, что грядет шторм и будет он страшен.

В это мгновение ноги девушки коснулось что-то мягкое и теплое. Ирис судорожно дернулась, заколотилась об пол, рванулась вверх, упала, снова рванулась, не обращая внимания на жгучую боль в вывернутых руках. Ее колотила дрожь отвращения. Успокоившись наконец, она долго лежала, вглядываясь в темноту и напряженно прислушиваясь, но крыса, напуганная ее возней, похоже, убежала.

Тяжелый воздух, жара, накатывающая дурнота мешали ей мыслить связно. Как она оказалась здесь? Похоже, ей изменила удача или, скорее, изменил здравый смысл. Услышав новости о пропавших Эльсвике и Мэри, она потеряла голову. Кинулась к Рику, но тот был навеселе. Злая, расстроенная, она бросилась к трапу. Он был спущен, и шлюпка

покачивалась на воде.

Куда ее понесло? Скорее всего, просто подальше от пиратов, на твердую землю, чтобы в одиночестве привести нервы в порядок и вернуться к утру. Несколько часов покоя, и чтобы никто ее не трогал, ни с благими намерениями, ни с какими другими. Неужели это такая уж роскошь? Конечно, благоразумнее было просто запереться в каюте. Но человек так устроен, что не всегда поступает благоразумно, даже если знает, как это делается.

После ловушки, в которую она угодила в Кайоне, можно было научиться осторожности, но обида на Рика сыграла с ней злую шутку, и она поступила, как мог бы поступить Эльсвик, Мэри или наивная Кэти Бэрт. То есть сваляла дурака...

И забеспокоилась только тогда, когда матрос с чужой шхуны тяжело спрыгнул в шлюпку.

Это был здоровенный детина, раза в два больше Дэнни и омерзительно пьяный. Рядом с ним Рик выглядел пристойнее, чем священник во время воскресной проповеди. Двое других оказались не лучше, а, пожалуй, что и хуже. Девушка отпрянула назад, но тут её заметили.

Смех пиратов испугал её больше, чем грохот пушек. Порядочной девушке из хорошей семьи не следовало бы даже понимать их намёки... Но Ирис поняла и прокляла себя за глупость и самонадеянность.

Просмолённый борт «Стейка» приближался невыносимо медленно. Внезапно Ирис решилась. Оттолкнув широкую лапу громилы, она выметнула ноги через борт и, качнув шлюпку, нырнула в тёмную, нагретую за день воду. Но уйти ей не удалось. Пираты были не настолько пьяны. Возможно, в подобных случаях мужчины вообще не бывают «насколько» пьяны! Громадная ладонь сцапала её за волосы и под громкий смех втащила обратно в шлюпку. Ирис забилась, как птица, попавшая в силос, и в отчаянии вцепилась зубами то ли в чей-то палец, то ли в чей-то нос. Пират чертыхнулся и несильно ударил её по голове. Просто, чтобы затихла. Но девушка резко отпрянула, и весло, торчавшее в уключине, погасило для неё свет...

Похоже, в беспамятстве она пробыла довольно долго. Судя по этим волнам, не укрошенным рифом, шхуна находилась в открытом море. У острова Санта-Катарина корабли должны были расстаться, и, значит, «Фортуна» спешила сейчас совсем в другую сторону.

Ирис попыталась представить, что с ней будет дальше. Возможно, пираты согласятся отпустить её за выкуп... скажем, в две-три тысячи песо. И здесь, в Вест-Индии, пожалуй, найдутся люди, готовые ссудить этими деньгами дочь Альфреда Нортон. Только... Вот именно! Станут пираты ходить вокруг неё несколько недель, пока придут обещанные деньги. Скорее, перережут горло и выкинут за борт. После того, как...

Ну, договаривай, зло подстегнула она себя. После того, как с ней натешится вся команда.

Ирис взвыла от животного страха и рванула связанные руки. События больше не подчинялись ей. Она не могла ничего... ничего...

Изнеможение от нравственной пытки, которую она сама себе устроила, вылилось слезами, и она долго плакала в темноте, не сдерживая себя и не пытаясь успокоиться. Потом затихла. Слезы кончились. Наверно, она выплакала их все. Пришло усталое безразличие ко всему. В глубине трюма опять послышался шорох. Ободренные долгой тишиной крысы осмелели. Ирис Нортон повернула голову на звук и негромко произнесла:

– Только подползи, отродье, и я тебя убью! Уж с тобой я как-нибудь справлюсь. Это я ещё смогу.

Собственный голос показался ей безжизненным. Мёртвое спокойствие погасило страх. А потом пришёл сон. Ей снился остров. Белая жемчужина среди лазоревых вод. В перекрестье тысячи радуг сияли кружевные башни дворцов. Золотой песок искрился в мягком солнечном свете. И трава сверкала, как рассыпанные изумруды. Она знала название острова – Авалон. Остров счастья. Он ждал её. Так, безмятежно спящей, её и нашёл Керби Клейн, капитан «Стейка».

Подружка Люцифера... Того самого Люцифера, которого на этих широтах боялись едва ли не больше, чем самого Князя Тьмы. Керби поднёс чающую лампу почти к самому её лицу, и увидел на нём следы недавних слёз. Она не показалась ему неземной красавицей. Светлые спутанные волосы, слишком высокий лоб. Бледные губы и свежая царапина на щеке. Грязное платье, руки, заломленные назад и стянутые у запястий, – какой-нибудь художник назвал бы эту фигуру безупречной. Керби она показалась слишком тощей. Внезапно пленница открыла глаза. Свет ударил ей в лицо, и она часто заморгала. Керби опустил лампу. Он уже разглядел всё, что хотел.

– Кто вы? – резко спросил он.

Пленница повернула голову. Взгляды их встретились, и Керби невольно поёжился. В больших серых глазах не было страха. Не было в них и ненависти. Они ни о чём не молили. Ничего не хотели знать. В этом взгляде была ледяная обречённость. Губы дрогнули.

– Может быть, вы развяжете меня?

Так Керби Клейн впервые услышал её голос. Негромкий. Спокойный. Двумя короткими взмахами ножа он освободил её от верёвок. Девушка поднялась и выпрямилась.

– Меня зовут Ирис. Я – англичанка.

И ни полслова сверху.

Керби ждал рыданий, жалоб, испуганных расспросов. Пленница молчала. Похоже, ей было всё равно.

Лампа тускло светилась на полу, лицо девушки было в тени, но Керби показалось, что щёки её слегка порозовели. Она подняла руки и наскоро прибрала волосы. Движения её были полны достоинства. В глазах появился отблеск жизни. Платье шевельнулось на груди, и Керби сообразил, что всё это время пленница почти не дышала.

– Раньше за Риком не водилось привычки таскать в море своих пассий, – в раздумье произнёс он, разглядывая свою добычу с новым интересом. Определенно, подружка Джеймса Рика заслуживала внимания. С того мгновения, как перестала быть статуей. Она ничего не ответила на его случайную реплику, продолжая стоять напротив так же спокойно и неподвижно, но теперь это было другое спокойствие. Девушка вдохнула тяжёлый воздух трюма, кисти рук шевельнулись, восстанавливая ток крови. Потом шевельнулись плечи.

– Ваши люди похитили меня? – предположила она. – Если, конечно, я вижу перед собой капитана. Вы рассчитываете получить за меня выкуп?

– А что, напрасно? – невольно улыбнулся Керби.

– Нет.

– И сколько вы готовы заплатить? – спросил Керби Клейн.

– Сколько вы хотите получить, – ответила она. – Я умею торговаться, но, похоже, сейчас не тот случай.

Керби смерил её испытующим взглядом.

– Две тысячи песо, – произнес он.

Для любой из «красоток» Кайоны это было целое состояние. Таких денег они не видели и в самых сладких рождественских снах. Но на подружку Рика эта несусветная сумма не произвела никакого впечатления. Вернее, она вздохнула с явным облегчением.

– Я согласна.

Это было сказано с королевским достоинством.

– Но, полагаю, за такие деньги я могла бы выбраться из этого грязного трюма... Здесь крысы, – добавила она, и впервые голос её дрогнул – она смертельно боялась крыс.

Эта чисто женская слабость позабавила Керби. Так же, как её королевская осанка и сдержанное достоинство, которое ни на полногтя не убавило грязное платье. Бывшая аристократка, размышлял Керби, жена или сестра какого-нибудь вельможи, мятежника, выброшенного с берегов Британии вихрем недавней смуты. Люцифер и сам был темной лошадкой.

– Хотите разделить каюту со мной? На этот рейс...

– Нет! – с отвращением выплюнула она, похоже, раньше, чем подумала.

Керби поймал ее взгляд. Теперь в этих глазах не было и тени безразличия. Теперь в них плясал смертный ужас, словно на его месте стояла сама чума и тянула к ней руки...

– Не прикасайтесь ко мне! – тихо, с угрозой, произнесла она. – Если вы тронете меня хоть пальцем, вместо денег вы получите пеньковый воротник!

Злость стегнула Керби, как плеть.

– Интересно, с чего ты взяла, что я хуже Люцифера? – огрызнулся он.

Рика Керби не боялся. «Фортуна» превосходила «Стейка» в вооружении, но проигрывала ему в скорости. Малое количество пушек, новые, крепкие паруса, тщательно просмоленное днище: «Стейк» был стремительным морским хищником – юрким, маневренным, неуловимым. Бронзовый бриг, несущий четырнадцать тяжелых пушек, в этой охоте был бы подобен медведю, вздумавшему поймать куницу...

Это сравнение пришло ему в голову, когда девушка змеей выскользнула из-под руки и отскочила за спину. Керби стремительно обернулся и крепко ухватил ее за руку. Кем бы она ни была, ей не стоило разыгрывать оскорбленную невинность перед Керби Клейном! Он дернул ее к себе. Пленница упала на колени, больно ударилась о жесткие доски, но не издала ни звука. Ее левая рука с растопыренными пальцами метнулась, целя в глаза.

Керби не отстранился, просто мягко перехватил ее руку и отвел назад. Он не хотел причинять ей лишней боли.

Пока не хотел. Его еще забавляла эта игра. Но лицо пленницы, искаженное яростью, оказалось совсем рядом.

Совсем рядом оказались губы, изогнутые презрением. И Керби отчетливо понял, что сейчас игры кончатся.

Люцифер почтил ее своим вниманием не потому, что она была невероятно красива. Она была самой обыкновенной. Но в ней был огонь, яростный, неукротимый, родственный тому огню, который горел в самом Люцифере, который Керби чувствовал в себе и в любом искателе приключений. Огонь, который мог обогреть, но мог и спалить дотла. Любой, кто соприкоснулся с этим огнем, неизбежно вспыхнул бы, как сухая солома... Керби отбросил ее от себя. Она снова ударилась и снова не проронила ни звука. Смертельным врагам не показывают своих слабостей. Керби отступил на шаг и облизнул пересохшие губы.

– Здесь не то место, где можно разыгрывать недотрогу, – хрипло проговорил он, – я ведь могу поступить и по-другому. У меня шестьдесят матросов, и они уже давно в море.

Она не ответила. Хотя поняла его прекрасно. Но страх – непозволительная слабость в смертельной схватке.

Подруга Люцифера была выше этой слабости. Как и сам Люцифер. Она поднялась, не отводя взгляда, готовая снова превратиться в клубок ногтей и зубов. Ей не оставили иного выбора – только сдаться, а сдаваться она не умела!

– Вы пожалеете об этом, – проговорила пленница тихо и убежденно. – У меня есть друзья. Они узнают о том, что случилось со мной. Они не простят моей гибели. Вы закончите жизнь на ваших собственных реях, капитан.

– Мы в Карибском море, – усмехнулся Керби. – Здесь много негодяев, но мало трусов. И здесь не отказывают мужчине.

– Вы не мужчина, – презрительно бросила она.

Неожиданно взвизгнули ржавые петли, резанув по натянутым нервам.

– Керби! Ветер стих. Похоже... – это был голос помощника, и Керби, не дослушав его, уже понял, на что это может быть похоже.

Он шагнул к трапу и уже поставил ногу на ступень, но что-то заставило его оглянуться. Пленница смотрела на него, как попавший в ловушку зверь, который до прихода охотника не успел перегрызть лапу. Но, может быть, еще успеет...

* * *

– Мамаша, рому и закрой дверь!

Выложив громадные ладони на свежеструганный стол, Волк уставился тяжелым взглядом на изысканно одетого Господина Ричмонда. В кабачке «Райский уголок» было глубокое затишье. Герой сезона – Джеймс Рик отбыл с какой-то загадочной целью и поспешностью, которая за ним не водилась. Кто-то заикнулся, было, о Большом Призе, но незадачливого пророка подняли на смех. Все знали, что Рик в легенду о кладе не верит.

Корсары помельче, вроде Симпсона или Дика Грея по прозвищу «Бык», промышляли возле Кубы, поджидая одиночные корабли, отбившиеся от караванов. На Тортуге было пусто.

– Сколько у вас матросов, Волк? – спросил Ричмонд.

– Около двухсот, – ответил Волк, – «Королева Мария» – отличный корабль и готова к любому походу. Вы наконец решили поделиться своей тайной?

Ричмонд резко кивнул:

– Но только с вами, Волк. Хочу вас предупредить, что на острове мы можем нос к носу столкнуться с Риком. А за ним сейчас серьезная сила.

– Я давно это предвидел, – отозвался Волк, прихлебывая ром. – Еще когда он только появился в Кайоне, молодой, дерзкий и очень хладнокровный... Я знал, что наступит день, когда нам с этим мальчишкой, чересчур удачливым мальчишкой, будет тесно в Карибском море. Одному из нас придется уйти. Либо мне – в смиренные служители нашей матери – церкви, либо ему – прямо в преисподнюю!

Корсар двинул челюстью и, сжав зубами горлышко бутылки так, словно это было горло Рика, одним глотком высосал половину.

– Он бы уже кормил рыб, – пробормотал он, отфыркиваясь, – если б не эта девка. То ли любовница, то ли и вправду сестра...

– Сестра? – вздрогнул элегантный Господин Ричмонд. – Что за сестра?

– Сестра Рика, – Волк пожал плечами, не слишком вникая, – если б она не наплела мне семь бочек арестантов... Нас ведь было трое. Три отличных корабля. Русалки бы притомились, собирая обломки его «Фортуны». Но подвернулась эта дамочка, и я решил обернуть дело по-другому. И прогорел. Рик выдернул ее у нас из-под носа, и, вдобавок, ранил Фредди и уколошил моего помощника. Дрянь был человек, однако моя дрянь!

– Как она выглядела, – перебил Ричмонд.

– «Фортуна»? Прекрасно. Я же не успел до нее добраться.

– Да не корыто Рика, а его сестра! – воскликнул Ричмонд, едва владея собой.

– Хм. Бледная, как рыба кость и такая же тощая. А что?

– Какие у нее глаза?

– Да черт его знает. Что она, золотой дублон, чтоб ее разглядывать. – Волк поставил пустую бутылку и пристально взглянул на подельника.

– Что у тебя за тайны, Маркиз? Ты гуляешь на длинной веревочке, но смотри... Я ведь могу ее сильно укоротить, – старый пират вдруг осекся на полуслове и хлопнул себя по лбу. – Чтоб мне провалиться! Это связано с вашей дуэлью?

– Вы догадливы, – кивнул Ричмонд и, как бы невзначай, тронул эфес шпаги. Но Волк то ли не заметил, то ли сделал вид, что не заметил угрозы.

– Так что там с его сестрой? – спросил он и едва заметно подался вперед.

– Она умерла шесть лет назад. По крайней мере, я думал, что умерла, – проговорил Ричмонд скорее себе, чем Волку. – Неужели я ошибся? Однако довольно об этом. Время не ждет, и Большой Приз ждать не будет. Мы отплываем, как только вы соберете своих людей. Пусть Рик найдет клад. Пусть возьмет его в руки, а там... Кто знает? «...И последние будут первыми», так кажется говорится в Святом Писании?

– Не кошунствуй, – буркнул Волк.

Ричмонд встал, аккуратно расправил кружевные манжеты и уже повернулся к двери, когда за спиной вдруг раздался глухой шлепок. Он быстро глянул через плечо. Корсар, за свою жестокость прозванный Волком, проливший потоки крови и сгубивший сотни ни в чем не повинных жизней, тот, кто предавал и убивал во имя желтого дьявола, словом, Волк, от

одного имени которого содрогалась вся Вест-Индия, стоял в углу на коленях и истово молился, горячо раскаиваясь во всех прошлых, настоящих и будущих грехах. Господин Ричмонд пожал плечами. В конце концов, каждый развлекается как умеет.

Глава 9

Керби Клейн опустил подзорную трубу, отделанную серебром, и его рука привычным жестом легла на рукоять пистолета. «Стейк» со свистом рассек волну цвета «электрика». Солнце ярилось в небе, и не было ни облачка, чтоб закрыть его разгневанный лик. Но старый моряк резко втянул носом ветер и покачал головой. Вразвалочку подошел Джек Собачий Хвост и запанибрата хлопнул Клейна по плечу:

– Никого нет, Керби. Рик сейчас крутится, как пес, в районе французской Эспаньолы. И пройдет много времени прежде, чем он поймает свой хвост. За это время мы укрепимся на острове и, может, что-нибудь разнюхаем.

Капитан, казалось, не услышал. Он был погружен в тяжелое раздумье, и когда он заговорил, голос прозвучал глухо и беспокояно:

– При такой скорости мы подойдем к острову не раньше завтрашнего вечера.

– Ну и что? – не понял Джек.

– Ветер, – Керби цыкнул языком. – Мне не нравится этот ветер. Волк говорил как-то, что у острова коварные рифы, и если мы не обгоним шторм... – он выразительно щелкнул пальцами и изобразил ладонью, как легкий «Стейк» переворачивается и уходит на дно.

Джек Собачий Хвост невольно поежился. Он плавал недавно, и капризы здешней погоды были для него тайной за семью печатями. Но оснований не верить Керби как будто не было. Черт его знает, может, и правда будет шторм. Джек был не лишен того свирепого мужества, что проявляли корсары в жарких абордажных схватках, и как будто совсем не опасался сюрпризов, которые могли преподнести люди, но перед непостижимой природой просто терялся.

– Бог с тобой, Керби, – пробормотал он. – Зачем так говорить. Еще позовешь беду! Что будет – то будет, но вряд ли шторм нагонит нас. «Стейк» – стрела.

Увидев испуг приятеля, Керби добродушно рассмеялся, сжал жесткими пальцами его плечо и, сказав «Да свершится воля Господня», широко перекрестился. Так же бесшумно, вразвалочку, Джек сошел вниз. Керби остался один. Он машинально гладил большим и указательным пальцем отполированную рукоять пистолета. Не шторм беспокоил капитана. К штормам он был привычен. Не курьер, посланный к Волку на Тортугу. Он знал – даже если парень запьет или погибнет, письмо дойдет до адресата. В этих водах у Волка хватало доброжелателей. И даже не похищение подружки Рика, хотя Керби отлично понимал, что, поступая так, вяжет петлю на свою шею. Его мучило другое, и пистолет тут был бесполезен.

Из трюма Керби попросту сбежал, используя появление помощника, как предлог. И пленница поняла это. Поняла она и другое. Что он еще вернется, чтобы либо подчинить ее своей воле, либо уничтожить. Но серые глаза девушки безмолвно ответили Керби Клейну, что это уже не имеет значения. Она смотрела на него как существо, уже не подвластное страху. Она что-то решила. И это решение было окончательным.

Окинув быстрым взглядом горизонт и чистейшее голубое небо над мачтами «Стейка» с уныло обвисшими парусами, он торопливо спустился вниз. Кто-то из матросов отпустил вслед соленую шутку, но Керби одним яростным взглядом замкнул языки, как весла в уключинах.

Грязный трюм тускло освещала забытая лампа. Керби увидел пленницу сразу. Светлые волосы, скрывшие лицо, вытянувшееся тело. Безвольно обвисшие руки и ноги...

Тех минут, которые он провел наверху, ей хватило, чтобы воспользоваться веревкой, неосторожно снятой с нее капитаном «Стейка». Пленница все-таки ускользнула от него. Теперь Керби понял, что означал ее странный взгляд. Она была слишком горда, чтобы подчиниться чужой воле. И сделала выбор сама.

Совершенно бездумно он взял нож, подошел к ней и перерезал веревку. Тело пленницы тяжело обвисло на руках Керби. Оно было еще теплым. Осторожно опустив ее на пол, Керби растянул скользящую петлю. Короткие, ловкие пальцы его коснулись тонкой открытой шеи... и ощутили слабые, но ровные удары. Она была жива.

Слишком толстая и жесткая веревка не затянулась как следует. И смерть обернулась зауярым обмороком. И Слава Богу! Впервые за много лет Керби почувствовал настоящее желание, прямо-таки потребность перекреститься, но, потрясенный поступком девушки, капитан «Стейка» забыл удивиться еще и этому.

Внезапно Керби почувствовал толчок и вздрогнул. Пленница очнулась. Серые глаза смотрели на него со странным выражением. Похоже, и ее что-то безмерно удивило. Сначала он не понял, в чем дело. Потом сообразил: он стоял перед ней на коленях, и жесткая рука его непроизвольно гладила мягкие волосы.

– Вас опасно оставлять одну, леди, – произнес он.

Или не он? Скорее, это был кто-то другой. Голос был лишен азарта и силы и звучал устало. Давно, очень давно не называл он женщину «леди». Но это была самая малая дань уважения, которую заслуживала женщина, оценившая жизнь дешевле чести. Она, конечно, не ответила. Но и не отвела взгляда. Глаза опустил Керби Клейн.

– Зачем? – с искренним недоумением спросил он. – Неужели я действительно так противен?

– Сейчас – нет, – ответила она. Хрипло и очень тихо. – Но полчаса назад вы были омерзительнее, чем ваши «домашние любимцы».

Неожиданно для себя Керби улыбнулся. Этот укол доставил ему удовольствие. Девушка явно возвращалась в мир живых.

– На корабле Люцифера вы оказались так же, как на моем? – спросил он.

– Рик спас мне жизнь.

– И в награду за это, вы стали его любовницей...

Она покачала головой.

– Рик – благородный человек. Он не требовал награды.

– Ах, вот как! – Керби почувствовал себя уязвленным именно потому, что поверил ей сразу и безоговорочно.

Девушка попыталась сесть. Он протянул руку, чтобы помочь, но она еле заметно отстранилась.

– Не бойтесь, – поморщился Керби. – Не трону. Я, конечно, не такой благородный человек, как Рик, но я чертовски любопытен. Вы загадали мне загадку, леди.

– Загадку? – светлые брови взлетели вверх.

– Зачем Люцифер вытащил вас в море. Можете рассказывать сколько хотите о Гаити и испанском золоте, но Керби Клейн пошатался по свету и твердо усвоил – если концы с концами не сходятся, значит, тебе подсунули не те концы. Здесь есть что-то еще. Я это спиной чую!

– Сказать не могу, как мне жаль вас разочаровывать, мистер корсар, – язвительно отозвалась она, – но я понятия не имею, как утолить ваше любопытство. Я не знаю, зачем Рик позволил мне остаться на «Фортуне».

– Охотно верю, – засмеялся пират. – Что на уме у Люцифера, зачастую не знает и сам Господь Бог.

Внезапно смех его оборвался, и глаза потемнели.

– Идет шторм, – произнес он. – Сильный шторм.

– Я знаю, – кивнула девушка. Она постучала по полу костяшками пальцев. – Мне знакомы эти волны. Через четверть часа, а может и раньше, здесь развернется ад. И очень может быть, что никто из нас не переживет этой ночи.

Керби Клейн долго смотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

– И что, – наконец спросил он. – Вы предлагаете мне перед смертью очистить свою душу молитвой?

– Нет, – ответила она. – Я предлагаю заключить перемирие. Мы продолжим нашу войну утром. Если шторм позволит нам жить.

Керби не ответил. Он просто встал и кивком головы приказал следовать за ним. Ирис подчинилась. Она была слишком слаба, чтобы сопротивляться, и мысленно поблагодарила Господа за шторм, ниспосланный так вовремя.

Когда они выбрались из трюма, заметно потемнело, а на горизонте показались серые клубки, похожие на клочья шерсти. Паруса «Стейка» оживали.

Так Ирис оказалась в капитанской каюте.

Этот бой она выиграла. Но верить Кэрби девушка ни в коем случае не собиралась и поэтому, едва отдохнув, она занялась неотложным делом: осмотрела стены, шкафчик, заглянула в сундук. Там был склад мануфактуры вперемешку с мужскими камзолами как минимум пяти стран и двух эпох. Валялись мятые кружева, шитье.

Ирис вытащила потрепанную женскую шляпу с оборками и лентами и не удержалась от соблазна примерить. К сожалению, в каюте не было зеркала, и она так и не узнала, на кого была похожа. Под тряпками обнаружился тяжелый полотняный мешочек. Ирис распустила шнурки, поминутно оглядываясь на дверь. Тяжелые золотые дублоны и английские талеры девушка пренебрежительно пропустила сквозь пальцы. Она выудила нитку мелкого жемчуга, признала его своим, снятым во время беспамятства, и с чистой совестью присвоила. На дне полотняного кошелька лежал другой – кожаный. Ирис вскрыла и его и тихонько прищипнула языком. Так тщательно была спрятана небольшая трубка, набитая чем-то мягким и с обоих концов заткнутая пробками. Из одной пробки змеился тоненький отвод. Девушке из хорошей семьи не полагалось знать, что это такое, но Ирис знала. Про этот кошмар моряков ей рассказывал Харди Мак-Кент. Внешне безобидная вещь была взрывным устройством, очень популярным в среде флибустьеров. Если эту штуку зажечь, заткнуть пробки и сунуть в порох, она будет гореть очень долго без запаха и дыма, а, прогорев, натворит немало бед. Девушка припрятала и ее, успев подумать, что за два месяца на Карибском море она вполне усвоила нравы и обычаи пиратов. Будущей леди, невесте графа, конечно, не полагалось обыскивать и грабить Керби Клейна, но, как ни странно, мысль о собственном падении только подхлестнула Ирис к более энергичным поискам. Она перевернула второй шкаф, но не нашла ничего, кроме пустых и полупустых емкостей. Перетрясла стол, отвернула старый, засаленный ковер в поисках тайника, и, за сундуком обнаружила клочки разорванного письма. Услышав шаги, она сунула находку в рукав и уселась в кресло с таким видом, будто не сходила оттуда уже неделю.

«Стейк» накренился, поворачивая на другой галс, и тут налетел неожиданный порыв ветра. Он хлопнул парусами, сорвал с Керби шляпу. Наклоняясь за ней, капитан услышал быстрые шаги и, выпрямившись, увидел Джека. Отдуваясь от быстрого бега Собачий Хвост взбирался на мостик. Глаза пирата были круглыми от испуга. Он что-то кричал на ходу. «Шторм! – разобрал Керби, – мы повернули навстречу чудовищному шторму».

Клейн и сам это понял. Море сделалось белесым и покрылось зловещими «барашками», которые не предвещали шхуне ничего хорошего. Керби подошвами чувствовал, как под днищем перекачиваются волны.

– Мы успеем укрыться возле острова? – спросил Собачий Хвост, глядя на капитана и вправду «по-собачьи».

Керби с усмешкой качнул головой.

– Джек, надо ставить штормовые паруса и положиться на Божью волю. «Стейк» – надежная посуда и выдержала не один шторм.

Капитан не стал напоминать Джеку о рифах, острых, как зубы крокодила, со всех сторон окруживших остров. Но сам-то он помнил.

Наблюдая из окна каюты, как матросы убирают паруса, слыша свист боцманской дудки и отрывистые команды, Ирис думала о своем. Уже давно, по известным одним лишь морякам приметам, она угадала приближение шторма, но отвела этому обстоятельству очень скромное место в своих тревожных мыслях. Дочь моря, она не страшилась его капризов и

много раз спокойно смотрела в грозный лик разбушевавшейся стихии. Сейчас буря пришла ей на помощь, как надежный друг. Волны росли на глазах, достигая устрашающих размеров.

Шхуна развернулась носом к волне. Мягкая лапа подняла «Стейк» под днище, шхуна заскользила по ней, взбираясь наверх, и вдруг накренилась... секунду балансировала в таком неестественном положении и полетела прямо в ад. Соленая вода накрыла скорлупку, но быстро схлынула. «Стейк» выровнялся и снова вскарабкался на волну. Поливало сверху и снизу. Вода была везде. Ирис покинула ненадежное кресло, легла на сундук и вцепилась в крышку. Шторм крепчал. Скорость ветра росла с каждой секундой. «Стейк» куда-то несло. Позабыв, где верх, где низ, шхуна стала беспомощной игрушкой моря. Но люди, почти шестьдесят человек – букашки перед лицом стихии, отказывались верить в свою беспомощность. Убрав основные, поставив штормовые крепкие паруса, закрепив оба якоря, они, спокойные и собранные, готовились к долгой борьбе за свою жизнь.

* * *

Воды лагуны были прозрачны. Капитан несуществующего корабля, отталкиваясь шестом, направлял грубо связанный плот к скальной гряде, окружившей остров. Шторм все-таки нагнал их. И после долгих, страшных часов, почти лишив людей воли и надежды, вынес обреченную шхуну туда, куда Керби так стремился. К затерянному острову рядом с берегами испанского Мэйна. И разбил ее о скалы.

Матросы, подчиняясь скупым, точным командам боцмана Райли, ставили лагерь и ловили черепах. Эти страшноватые на вид, но очень вкусные рептилии водились тут в изобилии. Некоторые достигали таких размеров, что можно было поверить в то, что Земля покоится на трех слонах и огромной черепахе. С борта «Стейка» спустили сундук. Следом, ловко скользнув по якорной цепи, на плот прыгнул матрос. За ним не так ловко, но быстро спустилась девушка. Керби даже не узнал ее сначала. В мужском платье, в камзоле с чужого плеча, который был ей немного велик, она напоминала корабельного юнгу. Ирис смахнула со лба непослушную прядь и улыбнулась Керби.

– Доброе утро, леди, – Керби, не осознавая того, улыбнулся в ответ. – Я вижу, у вас хорошее настроение.

– А оно у меня всегда хорошее, – отозвалась Ирис, щуря на солнце серые глаза. – Чтобы его испортить, нужно что-нибудь по сильнее кораблекрушения.

– Мы можем провести на этом острове всю оставшуюся жизнь. Он не нанесен на карты, – произнес Керби, любуясь легкими движениями девушки.

На мгновение Ирис прекратила укладывать узлы и ответила, пожимая плечами:

– Возможно. Но это не худшее место на земле.

Пират шевельнул выгоревшими бровями. Немногие из его бывалых матросов приняли катастрофу так же спокойно, как эта светская дама. Кто же она? Как оказалась на пиратском бриге? Что ее связывает с Риком?

Керби до сих пор этого не знал. Впрочем, какая разница?

– Ваш оптимизм неподражаем, – признал он. – Хотел бы я знать, где вы берете силы, чтобы так невозмутимо принимать удары судьбы.

Ирис посерьезнела. Она выпрямилась – тонкая, как тростинка, и крепкая, как закаленная сталь. Серые глаза глядели мимо Керби на расколотый борт шхуны.

– Удары судьбы... – проговорила она больше себе, чем ему. – Смотри, что понимать под этим словом.

Солнце медленно садилось на зонты огромных пальм, венчавших остров зеленой короной. Береговые братья звали его «Золотым». С ним была связана еще одна пиратская легенда. Будто бы один из знаменитых флибустьеров – то ли Морган, то ли Лолоне – наградил столько золота, что корабли стали тонуть. Тогда он сгрузил слитки драгоценного металла и утопил у этих берегов.

Ирис этого не знала. Она вообще не представляла, куда забросил ее господин Случай.

Знала лишь, что Эспаньола далеко и ей туда никак не попасть.

Наблюдая, как от беспокойных мыслей темнеют глаза девушки, Керби подумал, что этой ночью она едва не погибла. Волны захлестнули разбитую шхуну. «Стейк» держался на воде лишь потому, что крепко сел на риф.

Команда пыталась покинуть корабль. Носовая шлюпка вошла в воду кормой и тут же перевернулась. Сообразив, что девушка в опасности, Керби позабыл о своих обязанностях. Бросился наверх. Скользя и спотыкаясь, цепляясь за все, что торчало и не могло отвалиться, барахтаясь, как тонущий пес в волнах, гулявших по коридору, Керби добрался до каюты. Там тоже была вода. Она затопила все помещения и прибывала со скоростью, ужаснувшей морского волка. Девушка стояла на сундуке, вцепившись в стену, и внимательно, без малейших признаков паники наблюдала, как подходят ее последние минуты. Видимо, она еще на что-то надеялась. А может быть, просто не знала страха. Сила волны, бьющей в расколотый борт шхуны, была так велика, что женщине, даже такой бесстрашной, нечего было и думать о спасении. Добраться до берега?! Путь в рай казался короче.

В тот миг его словно приподняла какая-то сила. Он рванулся к ней, сгреб в охапку и вытащил из каюты. Он плыл к берегу, рассекая воду одной рукой, а другой поддерживал свой главный приз – неизвестную девушку.

Громадные волны отбрасывали его прочь от цели и, несмотря на все усилия, он удалялся от берега в сердитое море. Дальше и дальше. Черная ночь, повисшая над черной водой, казалась ему бесконечной... Но Керби даже не думал о том, чтобы сдаться. Он греб и греб, уже не стараясь достичь берега, а только чтобы удержаться на воде. И удержать Ирис. Он доплыл до Золотого острова, когда наступило утро и море успокоилось. Керби вытащил полумертвую девушку на песок и, не дав себе ни секунды передышки, стал ее откачивать: нечаянную спутницу, похищенную из-за денег... Зачем он это делал? Керби и сам не смог ответить. Почему-то жизнь ее стала для него важной.

Она закашлялась и открыла глаза. Увидела склонившееся над ней лицо Керби и снова зажмурилась.

Матросы с разбитой шхуны даром времени не теряли. Судя по всему, Керби приказал им устраиваться на острове капитально. Часть пиратов валила деревья, другая занималась земляными работами. Для Ирис сам капитан построил удобный шалаш чуть поодаль от пиратского лагеря. С одной стороны, это было неплохо, но с другой... По несколько раз на дню Ирис ловила на себе настороженные, а порой откровенно враждебные взгляды. Она была чужой здесь, и даже мужская одежда, которую дал ей предусмотрительный Керби, не спасала.

Она все равно оставалась женщиной, а женщина на корабле – к несчастью. В носке сапога, немного мешая ей при ходьбе, лежали листки разорванного письма. Может быть, они скрывали разгадку какой-то важной тайны, а может, ничего не значили. Не ответишь, пока не посмотришь, а на это все как-то не находилось ни времени, ни места.

За раздумьями Ирис как-то не заметила, что ее уединение нарушено. Снаружи, совсем близко, слышались голоса. Много голосов. Английская речь мешалась с французской, но тон выкриков был единодушно враждебным. Девушка села на шерстяном одеяле. Прислушалась. И внезапно похолодела от ужаса. Пираты, наверное, все, что уцелели, весь лагерь Керби, собрались у ее шалаша и были полны решимости рассчитаться с ней за разбитый корабль.

– Она ведьма, – расслышала Ирис сквозь разноголосый гомон. – Это она вызвала шторм. Рейф и Джолли потонули в трюме как слепые котята.

– Повесить! – яростно требовали голоса пиратов. – Повесить сейчас же! Может, тогда Бог сжалится над нами.

– Назад, висельники! – прогремело совсем рядом, легко перекрывая разноголосый гул. – Чтобы повесить ее, вам сначала придется повесить меня, а это будет потруднее. Что ты притих, Дигги Дейл? Ты ведь веришь в Господа? Ты хочешь ему услужить, чтоб он послал за тобой ангела? Так подходи! Я причащу тебя вот этим, пес плешивый!

С замершим сердцем Ирис узнала голос капитана Керби Клейна. Это он встал на пути

своей команды. На пути людей, которые пришли ее убить. Ирис оглянулась назад. Можно было попробовать разобрать заднюю стенку шалаша и скрыться в лесу. Она бросилась было туда, но опомнилась. Конечно, пираты заметят ее бегство. Да и куда ей деваться на острове, какая сила сможет уберечь ее от беды, если погибнет ее единственный защитник.

– Керби, она заморочила тебе голову, – произнес кто-то негромко, но убедительно. – Ведь это она заставила тебя повернуть «Стейка» навстречу шторму, так или нет?

– Заткнись, Карадек, пока я не вставил тебе свинцовый кляп! – рявкнул Керби. – Девушка – ведьма она или нет – моя добыча. Кто тронет ее – подойдет! Я сказал.

Пираты притихли, но это была зловещая тишина. Ирис в полном отчаянии поняла, что Керби переступил черту, нарушил какие-то нерушимые пиратские заповеди и его авторитет больше не стоил ни гроша. Нужно было срочно спасать положение. И сделать это придется ей. Самой.

Ирис наскоро прибрала волосы, откинула одеяло, которое занавешивало вход, и вышла. Вечерело. Воздух после шторма казался влажным, прохладным и чистым. Прямо перед собой девушка увидела угрюмые и решительные лица. На Керби никто не смотрел. Ирис угадала правильно – он больше не был капитаном, человеком, чьи приказы не обсуждаются.

– Что здесь происходит? – спросила она и с облегчением отметила, что голос ей повинуется. Керби Клейн бросил на нее лишь один короткий взгляд, но его хватило чтобы понять – капитан считал положение безнадежным. Ирис сделала еще полшага вперед и обвела взглядом оборванных, грязных людей. Людей? Может быть, где-то, когда-то, в Англии или во Франции они и были людьми. Но здесь, на забытом Богом островке, с них слетел последний лоск цивилизации, обнажив животные инстинкты. Сейчас ими правили ненависть и суеверный ужас. Обращаться к их разуму было бесполезно. Он молчал. Нужно было сыграть на какой-то другой струне.

– Итак, я ведьма и погубила ваш корабль, – Ирис заставила себя рассмеяться, – вероятно, для того, чтобы остаться здесь, в вашей милой компании, и предоставить вам редкое удовольствие совершить казнь через повешение.

Пираты молчали, не решаясь выстрелить или шагнуть вперед. Видно, и впрямь верили в ее сверхъестественные силы.

– Вы, похоже, слишком глупы, чтобы понять то, что понял ваш капитан. Он-то поумнее вас всех вместе взятых.

Если бы кто-нибудь сейчас взглянул на Керби, то заметил бы, как у того отвисла челюсть. Но внимание пиратов приковала девушка, которая стояла на виду, слабая и беззащитная, и смотрела на них без страха. Скорее – с презрением.

– Вы ведь знаете, что Джеймс Рик возит с собой карту, за которую любой из вас сядет в костер.

Кадык капитана судорожно дернулся, но Керби промолчал. А Ирис продолжала:

– Неужели вы думаете, что ваш капитан поссорился бы с Риком из-за каких-нибудь двух тысяч песо, которые можно получить за меня? Да разве вы так плохо соображаете, что не в состоянии понять простую вещь, – воскликнула Ирис. – У Джеймса Рика есть карта, но ведь у вас есть я! Объяснять дальше или сами додумаетесь? Пока я жива и невредима, вы можете ставить любые условия.

– Керби, она говорит правду? – спросил коренастый малый в синей блузе, тот, кого капитан назвал Карадеком. – Ее жизнь действительно стоит так дорого?

– Она говорит истинную правду, такую же чистую, как та, что написана в Библии, – устало усмехнулся Керби. – Ее жизнь действительно стоит дорого, а вы все действительно шайка болванов. Вы долго еще собираетесь здесь торчать? – рявкнул он вдруг. – У леди нет ни малейшего желания любоваться на ваши рожи. Да и у меня тоже. Вон отсюда, отродь старой обезьяны!

Гроза миновала. Надолго ли, нет, но миновала. Ирис с трудом перевела дух и опустила прямо на траву.

Силы оставили ее внезапно, словно уходившие пираты забрали их с собой. Ей хотелось

плакать, но слез не было. У Керби, напротив, настроение было самым радужным.

– Леди, я буду носить вашу тень как шлейф, чтобы никто не посмел на нее наступить, – высказал он.

Эту фразу он слышал еще в детстве, с подмостков бродячего театра. Она запала в память своей очевидной бессмысленностью, но сейчас Керби был доволен, что смог ее припомнить. Она, как нельзя лучше, выражала всю глубину его восхищения.

Ирис снисходительно улыбнулась. Это слепое обожание со стороны пирата немного льстило ей, немного смешило и совсем не пугало. Женским чутьем она поняла, что ее власть над капитаном безгранична. Она может просить, нет, требовать что угодно, хоть луну с неба. Каким бы диким не был каприз, он только упрочит ее власть. Но сейчас ей не хотелось царствовать и править. Ей хотелось остаться одной, а это была единственная вещь, о которой сейчас просить не следовало.

– Вы понимаете, мистер Клейн, что то, что я наговорила вашим людям – полнейшая чепуха? – спросила она безжизненным голосом.

– Но почему? – возразил Керби.

– Я же вам говорила... Рик мне не брат, не муж, даже не кузен.

– Тогда кто? – быстро спросил Керби.

– Не знаю, – созналась девушка.

Пират привстал. Темные глаза смотрели требовательно и беспокойно.

– Скажите мне правду, леди. Какой бы она ни была, я не обижу вас, даю слово.

– Я понимаю, как важен для вас мой ответ, – слабо улыбнулась Ирис, – но ответа нет. Я действительно не знаю.

– Что ж, – кивнул Керби, – может статься, вы вскоре узнаете это, леди. Вы ведь хотите знать, что в том письме, которое вы у меня украли? Сделайте милость, не нужно глядеть на меня так испуганно. Да, да, я знал об этом. Еще до того, как дьявол прибрал «Стейка». Если я все рассчитал правильно, через пару месяцев у нас будут гости. Джеймс Рик и мой старый дружок Волк, – заметив, как Ирис вздрогнула, Керби понял, что это имя ей известно.

– Через два месяца? – переспросила она.

– Именно, – кивнул Керби, – и вот тогда мы узнаем, что – правда, чистая, как Божье слово, а что – полнейшая чепуха. А теперь отдыхайте, леди. Эта ночь будет спокойной.

Он ушел, не оглядываясь, туда, где горели костры пиратского лагеря. Благодаря ей, он снова стал капитаном этой банды. И именно на нее, как на наживку, он собирался ловить Джеймса Рика. И причиной всему были эти трижды проклятые сокровища, которые, если верить капитану «Фортуны», существовали лишь в воображении пиратов. А ведь минуту назад он смотрел на нее так, что она почти поверила в его искренность. Черт возьми, до чего же грязная штука – жизнь.

* * *

Чуть потрескивая, тускло горела плохая, сальная свеча, скорее сгущая, чем рассеивая мрак. На полу, покрытом засохшей коркой грязи, была брошена старая, вытертая до дыр овечья шкура. Она являлась единственным предметом мебелировки. Если не считать толстой железной цепи, которая свернулась в углу, как змея, готовая ужалить. Тело графа Эльсвика еще помнило тяжесть и унижительный холод кандалов. Но сейчас его не заковывали. Видимо, решили, что он получил хороший урок. Граф оброс, обносился. Кожа, привыкшая к хорошему мылу, зудела невыносимо. Стояла удушливая жара, и одежда Эльсвика, задубевшая от пота и грязи, отвратительно пахла. И не только одежда. Сам воздух здесь казался грязным и тягостным. Он не знал, сколько прошло времени с тех пор, как его заставили спуститься сюда, в тесный трюм корвета «Долорес». Не знал – ночь наверху или день. Не знал – вышел ли корвет в море или все еще находится в порту. Впрочем, о последнем он мог хотя бы догадываться.

Корвет почти не качало, а на верхней палубе по большей части было тихо. Да и еду ему

доставляли хоть и скверную, но постоянно – свежую. Видимо, «Долорес» еще не поднимала якорей. Впрочем, ему было все равно.

Граф не мерил шагами трюм, как заключенный – камеру. Что там мерить? Шесть шагов вдоль да пять поперек. Ходи – не ходи, наружу хода нет. Он сидел на своей овчине, подтянув колени, и смотрел в пол.

Сначала вспоминалась Англия. Потом – Ирис. Но лицо невесты отчего-то стерлось в памяти, и Эльсвик ловил себя на том, что мысленно он заменяет его другим. Кажется, эту девушку звали Мэри? Хорошая девушка, но что с того? Она что-то говорила насчет побега? Очень может быть.

Граф вздыхал, менял положение и снова уплывал мыслями в глубины памяти, не замечая или не желая замечать, что эти путешествия становятся все короче, а подлинные воспоминания заменяют фантазии. В той, другой жизни Ирис любила его. А этот наглый испанец... А испанцев там вообще не было. Или были, но вели себя как джентльмены. Его, конечно, расстреляли, но перед этим дали мыло, бритву, горячую воду и чистую одежду... Он умер, гордо вскинув голову, со словами «Да здравствует Британия!» и сам скомандовал «Огонь!».

Мерзкий скрип люка прервал приятные мысли Эльсвика о героической смерти в чистом белье. Старый испанец приносил миску с серым варевом и кусок хлеба. Ложки графу не полагалось. Он, уже почти привыкший к этому или, скорее, утративший способность к сопротивлению, равнодушно глядел мимо миски и мимо испанца.

Когда тот исчезал в люке, Эльсвик даже не замечал, потому, что опять грезил наяву.

Однако на этот раз голод взял свое. Эльсвик потянулся к миске и случайно задел свечу. Она покачнулась. Капля сала упала на овчину, и запах, каким бы он ни был противным, раздражил аппетит.

Граф привстал, но в этот момент свеча покачнулась и упала. Запахло паленой шерстью. Эльсвик взглянул, не проявляя, Впрочем, особого интереса, в ту сторону, и увидел, что его «постель» дымится. Первой мыслью было – подойти и затушить, но потом он мрачно усмехнулся и опустился на пол в трех шагах от начинающегося пожара.

Вряд ли Эльсвик отдавал себе отчет в том, что происходит. Рассудок его ослабел. Он смотрел на огонь с чувством мстительного удовлетворения, размышляя о том, как займется старое дерево и вспыхнет на воде чудовищный костер, в котором заживо изжарятся все, кто посмел его так унижить. Свою собственную гибель он то ли упустил из виду, то ли просто не счел нужным об этом побеспокоиться. Пожар разгорался, давая больше дыма, чем огня. К паленой шерсти примешивался запах какой-то кисели. Граф закашлялся, но не двинулся с места. Им овладела странная апатия и полное безразличие ко всему. Серый клубящийся чад заволакивал стены, и в полутьме возникали странные картины: остроносые корабли, бережно несущие громады парусов, дымные черные горы и золотые острова... «Берег Рая», подумал Эльсвик. Он встал, удивляясь, как легко подчинилось ему тело, еще недавно бывшее непослушным. И шагнул из грязного трюма прямо на золотой берег, залитый солнцем.

Граф очнулся от кашля, разрывающего грудь, и с трудом разлепил слезящиеся глаза. Тесный трюм был заполнен дымом, и кое-где начинали проскальзывать крохотные красные язычки. Граф отполз к стене, стараясь спастись от жары, но напрасно. Похоже, именно так чувствовали себя грешники, попавшие на сковородку. Однако он-то здесь при чем? Что бы он ни сотворил, гореть живьем – это слишком. Как они посмели приговорить его к костру? И почему аутодафе нужно было устроить в чреве собственного корабля? Глупо. Глупые люди.

Глупые люди, глупый народ. Хотя позвольте?.. Причем тут испанцы? Никто его не поджигал. Он сам уронил свечку, а потом...

Эльсвик окончательно пришел в себя и встал, сотрясаясь от кашля. В сером горячем тумане утонуло все, что еще можно было увидеть глазами, но граф вытянул руки и шагнул вперед. И больно ударился обо что-то острое. Ему повезло. Это оказалась лестница. Эльсвик втащил себя наверх и, что было силы, забарабанил в люк.

Ничего. Его не слышали.

Наверху оказалось еще жарче, Эльсвику почудилось, что одежда на нем тлеет. Он по-настоящему испугался, рывком приподнялся и загрохотал по крышке люка изо всех сил.

Послышались шаги. Лязг, который на этот раз показался ему райской музыкой. И в щель в потолке хлынул чистый морской воздух и дневной свет. Граф выполз наружу, щурясь и чувствуя себя наверху блаженства.

Однако оно оказалось недолгим. Его резко рванули за шиворот, и полновесный удар в лицо снова погасил для него солнце.

Второй раз он пришел в себя от сырости и понял, что лежит в луже. Вечерняя прохлада была приятной, а свежий воздух просто волшебным, хоть и пах не розами, а дегтем и соленой рыбой. Откуда-то сбоку послышалась речь, которая показалась Эльсвику округлой, литой и тяжелой. И вроде бы смутно знакомой. Граф не знал испанского, но какое-то время увлекался латынью. Он напряг слух, пытаясь уловить хотя бы общий смысл. Однако у той тарабарщины, которую услышал граф, было очень мало общего с языком Вергилия. Не было это и испанским. Вряд ли кастильский аристократ смог бы разобраться в быстром говоре матросов «Долорес». Но зато для любого контрабандиста, разбойника или работяги Вест-Индии местное арго было столь же ясным и однозначным, как надпись на дублоне.

Пока граф приходил в себя, лежа на нижней палубе корвета, матросы сноровисто приволокли еще одно ведро воды и выплеснули на Эльсвика. Тот откашлялся, мотнул головой и сел.

Для острастки, чтоб не повадно было снова дурить, испанцы решили графа высечь.

Он понял это лишь тогда, когда пара крепких молодцов подхватила его под мышки, проволокла чуть дальше по палубе и бросила животом на жесткую деревянную скамью, а длинный, как жердь, хмурый парень, содрал с Эльсвика обноски и накрепко прикрутил к скамье серой пеньковой веревкой. Граф дернулся, запоздало сообразив, какому унижению подвергается, но жесткие жгуты впились в тело и не пустили. Эльсвик попытался привстать, озираясь...

К немалому удивлению графа, моряки «Долорес» не спешили сбиться в кучу, чтобы поглазеть на него.

Смуглые бородатые мужчины сосредоточенно занимались своими делами. Да и немного их было. Раза в два меньше, чем на «Полярной звезде». Эльсвику удалось рассмотреть, что поблизости от корвета, справа и слева поднимались мачты парусников, и расслышать, как шумит прибыльный торговый порт. Его догадка оказалась верна. «Долорес» по-прежнему стояла на якоре в заливе Маракайбо.

Но долго озираясь ему не дали. Ровно столько, чтобы принести плетку и отыскать человека, охочего этой плеткой помахаться. И еще ровно столько, чтобы Эльсвик успел твердо решить, что свое достоинство он не уронит и кричать не будет, пусть его хоть четвертуют.

Того, кто взялся «вправить милорду мозги», Эльсвик не увидел, потому что малодушно зажмурил глаза. А услышав свист, рассекающий воздух, торопливо закусил губу. Но первый удар пришелся по скамье, в двух дюймах от лица графа, и он с ужасом услышал звук, очень похожий на треск...

Испанец пугал его. Узким, жестким, задубевшим от крови кожаным ремешком с завязанным на конце узлом, для тяжести, запросто можно было с одного удара перебить эту белую, жидкую спину. Чего уж там, доски перерубали... Но хозяин не велел, а слово хозяина здесь было законом. И когда плетка свистнула в другой раз и опустилась туда, куда нужно, оставляя на незагорелой коже багровый шрам, даже Эльсвик, полуоглохший от стыда, ярости и боли, понял, что его щадят.

Сколько это продолжалось – граф не знал. Наверное, не очень долго. Потому что долго он бы просто не выдержал. Не помогла бы и глухая звериная ярость, поднявшаяся откуда-то из глубины его существа, чтобы поддержать. А он и не знал, даже не предполагал, что в нем есть такое.

Эльсвик сдержал свою молчаливую клятву и не проронил ни звука, хоть и до крови

искусал губу. И когда все неожиданно кончилось, и ослабли веревки, и он понял, что больше не нужно грызть губы, сдерживая крик, жаркая волна прокатилась по всему телу и бросилась в лицо. Сначала, не признав, Эльсвик принял ее за стыд, но потом сообразил: это была гордость. Не холодная, надменная гордость аристократа, а яростная, боевая – гордость человека, только что выдержавшего схватку и победившего в ней. И это новое чувство подстегнуло графа.

Он не дал стаять себя с лавки, как куль с мукой, а поднялся сам, презирая тело, вспыхнувшее болью, и с вызовом взглянул на того, кто взялся его «поучить».

Посмотреть в глаза человеку, который только что прилюдно унизил тебя – на это нужно было решиться. И если б не эта, новая сила, Эльсвик, наверное, опустил бы глаза. Но сейчас он, зажав в себе растоптанное достоинство, вздернул подбородок, стремясь втайне даже от самого себя, взять реванш. Или хотя бы запомнить.

Чтобы потом, если доведется...

Это был темноволосый человек средних лет – широкоплечий, но худой, с ломаными чертами лица и непомерно-широкой переносицей. Но всего удивительней были глаза. Эльсвик не рассмотрел, какого они были цвета, настолько неожиданным показалось ему выражение этих глаз. Ни жестокой радости, ни кровожадного удовлетворения. Только легкая усталость, простительная человеку, который только что неплохо потрудились. Да, пожалуй, насмешка. Но не злобная, а так... никакая, относилась она, похоже, вовсе не к британскому графу. Но к кому?

Осуществить свое намерение – гордо дойти до корабельного трюма, граф не смог. Сил хватило только на этот взгляд. А потом он опустился на палубу и, хоть не терял сознания, но понял, что с места не сдвинется. Просто не сможет.

В сумерках огромный, как медведь, грубоватый парень, объяснившись знаками, отвел графа к мачте и умело замкнул вокруг пояса железный обруч. Эльсвик и не подумал сопротивляться. И страх тут был не при чем.

Медленно, с трудом, но граф все-таки начал постигать науку «непротивления неизбежному». Прикованный к мачте здоровой, в руку толщиной, цепью он учился терпеть и ждать.

«Долорес» все еще стояла на якоре, хотя величественный «Сан-Фелипе» давно отчалил. Причину такой медлительности не понимал не только пленный Эльсвик, но и большинство матросов. Но никто ни о чем не спрашивал ни капитана, ни старого, седого штурмана-португальца. Им было велено ждать – и они ждали.

Интерес к пленнику быстро пропал, тем более что сам Эльсвик вел себя спокойно и сдержанно. Ничего не требовал, оскорблений не выкрикивал, просто тихо сидел, сгорбив красные, обгоревшие плечи, и смотрел прямо перед собой бездумными светлыми глазами.

Кормили его два раза в день, и, по его нынешним представлениям, вполне сносно. Жизнь моряков протекала у него на глазах – праздная жизнь людей, в общем-то, не избалованных бездельем и, зачастую, не знающих, как распорядиться этим неожиданным даром небес. Испанцы пили дрянное вино, играли в кости, иногда вспыхивали короткие, яростные драки. Случалось, на палубу капала кровь. Тогда появлялся боцман, и здоровенными кулаками и сочной бранью восстанавливал порядок. Худые, бородатые люди жадно посматривали на близкий берег, куда их почему-то не пускали, но протестовать не смели.

В ту ночь, по счету – третью, граф, беспокойно дремавший на жесткой палубе, проснулся от противного скрипа. Приоткрыв глаза, он осторожно осмотрелся, медленно поворачивая голову. Темно было – хоть глаз коли. Новолуние. И фонари, освещавшие палубу, кто-то позаботился убрать. Полагаясь больше на слух, чем на зрение, Эльсвик определил, что к «Долорес», стоявшей на рейде, причалила шлюпка. Спустя несколько минут, опять-таки, судя по звукам, на палубе появились какие-то люди и, побрякивая, тихо, но с чувством поругиваясь, втащили что-то очень тяжелое. Граф вглядывался во тьму до рези в глазах и напрягал слух, но тщетно. На «Долорес» стояла тишина. Вспыхнувшая, было,

тревога, что на корабль напали и сейчас начнут беспорядочную резню, пропала. Ясно, что никто бы не отважился на такое у самого берега. Трап, похоже, подняли, и шлюпка тихо, почти не поднимая весел из воды, отошла от корвета.

Осторожно, поддерживая цепь, чтоб не звякнула, граф приподнялся, пытаясь разглядеть ночных гостей.

Глаза, уже привыкшие к темноте, различили у правого борта темные силуэты. Но сколько их и кто они, Эльсвик не понял.

На корабле явно происходили странные вещи, причем команду в известность не поставили. Две темные фигуры растворились в ночи, причем, без сомнений, уволокли с собой какую-то тяжесть. Остальные направились вперед... К нему. Вернее, не к нему, а, конечно, к капитанской каюте. Эльсвик отпрянул и плотно зажмурился. Шаги приближались. Негромкий разговор по-испански... И вдруг порыв ветра принес аромат тонких духов.

Странная компания прошла мимо, и граф, не утерпев, приоткрыл глаза, повернув голову вслед уходящей незнакомке. Но ничего не увидел, кроме плотного темного плаща, скрывавшего невысокую изящную фигуру.

Женщина? Жена капитана или его дочь? Какая-нибудь пассажирка? Но отчего в такой тайне? Видела ли она его? Вероятно, нет. Женщины по природе своей сострадательны. Или это такая же английская пленница? Но тогда...

Граф не успел додумать, что «тогда», потому что услышал знакомый, отвратительный лязг. Открывали корабельный трюм. Эльсвик сжался, старательно притворяясь спящим и ожидая «медведя», но никто его не тронул, и вскоре на палубе снова установилась мертвая тишина, которую нарушал лишь периодический звон корабельного колокола, отбивавшего склянки.

Ночь подарила Эльсвику загадку и бессонницу. И кое-что еще, но об этом он узнал значительно позднее. А на рассвете «Долорес» подняла паруса и вышла в открытое море.

* * *

Неслышно ступая по мягкой траве, она пробиралась в сторону леса. Где-то поблизости слышались голоса, и тянуло горьковатым дымом.

Тридцать восемь человек унес шторм. Две трети экипажа. Невольно Ирис подумала, что доля остальных, в случае удачи экспедиции, увеличилась втрое. И мысль эта не показалась ей кошунственной. Жестокая мораль этих мест оставила на ней отпечаток. Наверно, не скоро она от него избавится. Если выживет. Но эти мысли занимали ее недолго.

Ирис шла вперед, стремясь уйти как можно дальше от лагеря и от Керби до того, как ее отсутствие заметят и начнут искать. Ей хотелось поразмышлять в одиночестве.

Она снова попала в ловушку. А друзья, меж тем, нуждались в помощи. Ей не везло с самого начала. Вернее, как выразился Волк, «слишком везло». Не раз и не два она могла погибнуть, но с честью выходила из расставленных капканов, а ведь их ставили люди, знавшие в этом толк. Все это можно было объяснить лишь невиданной благосклонностью фортуны. Но цель ее была все так же далека. Сейчас она остро жалела, что нет рядом Харди Мак-Кента и Дика Вольнера. Они остались на корабле Рика. Ирис скрыла от них свое бегство, решив, что в одиночку будет легче ускользнуть от ищеек Родриго де Вальдоро, а жемчужное ожерелье за двадцать тысяч песо навербует ей помощников, сколько нужно и даже больше. Жемчуг был при ней, но на Эспаньолу она могла попасть разве что вплавь. Это кораблекрушение было фатальной неудачей.

Ирис задумалась так, что едва успела остановиться. Она чуть не налетела на низко висящую обломанную ветку. Девушка огляделась. По правую руку от нее из земли выступали какие-то каменные обломки, заросшие густым кустарником, а совсем рядом высился огромный платан, размером со среднюю башню.

У берега открывалась скалистая бухта. Очень удобная для стоянки, но попасть в нее

можно было, разве, по воздуху. Ирис угодила к приливу и, рассматривая хищный оскал рифа, содрогнулась – что же тут было во время отлива? Вокруг немыслимого нагромождения почти отвесных скал сплетались в косы и скручивались воронками вьюнов течения, гибельные для легких кораблей. Но сразило девушку не это. Посреди недоступной бухты на якоре стоял огромный трехмачтовый фрегат. Прекрасный корабль знал лучшее место и, без сомнения, единственное, годное для корабля такого водоизмещения. Фрегат стоял со спущенными парусами, как гордый лебедь. Линии его бортов были так элегантны, что любой мало-мальски сведущий человек мог бы без ошибки назвать место его постройки – Кадис. Его нельзя было увидеть с моря. Разве что подойти совсем близко, но этому мешали скалы. Трудно было заметить его и с суши – густой лес совершенно скрывал стоянку испанца от посторонних глаз. Хитро. Очень хитро. Кто бы ни командовал этим красавцем, шляпой его не назовешь. Ирис криво улыбнулась. Чтобы узнать название корабля и имя владельца, ей не надо было подниматься на борт. Это был флагман эскадры испанского сеньора, дона Хуана де Вальдоре, не так уж давно почившего... Так что же? Крушение, забросившее ее на остров, было счастливой случайностью? Шепотом она поблагодарила Бога за этот чудесный подарок.

Внезапно девушка сообразила, что на «Сан-Фелипе» ее еще не забыли и могут увидеть с борта. Окинув корабль еще одним пристальным взглядом, она бросилась в глубь острова, под защиту кустов и деревьев.

Глава 10

Громкий всплеск за бортом разбудил дона Родриго. Он потянулся и открыл глаза. Спустил ноги на пол, пытаясь нашарить свои туфли. Помятый камзол валялся тут же, в ногах. В распахнутое окно напрямую бил солнечный свет.

«Черт возьми, сколько же я спал? – подумал Родриго, – наверное, укачало. Проклятое море!»

Он встал, подошел к окну и беспокойно нахмурился. Дон Родриго был сухопутным человеком, весьма несведущим в географии. Иначе он гораздо раньше обнаружил бы неладное. В тот миг, когда в глаза ударило солнце. По идее, оно должно было быть с другой стороны. Но даже его скудного опыта хватило, чтобы сообразить – «Сан-Фелипе» встал на якорь. Прямо под окном его каюты зеленела прозрачная вода. А чуть поодаль отвесной стеной поднимались острые скалы, у самых корней поросшие густым кустарником. От воды их отделяла лишь не слишком широкая полоса желтого песка. Ухо дона Родриго уловило характерный скрип – это терлась о борт шлюпка. Он торопливо запахнул халат и вышел из каюты на палубу, где творились непонятные дела.

– Эй, вахтенный! Что тут, черт возьми, происходит? Где мы?

Ему никто не ответил. А меж тем палуба «Сан-Фелипе» отнюдь не была пуста. Скорее, совсем наоборот. Сустились люди, носили какие-то вещи, слышался свист боцманской дудки. Родриго попытался остановить мальчика-слугу с блюдом, накрытым серебряной крышкой, но тот весьма похоже притворился глухим и улизнул. За спиной ошеломленного Родриго раздался грудной смех. Он обернулся. Смеялась его сестра, Беатрис. Но нет. Он явно ошибся. Чем больше он смотрел на нее, тем больше убеждался, что прежде не видел эту девушку.

Это была сама королева. Платье, цвета слоновой кости, затканное белыми цветами, оттеняло смуглую кожу. Прекрасные руки тонули в кружевах тонкой работы. Черные волосы, собранные в высокую прическу и перевитые жемчугом, венчали ее, как корона. А на груди сотнями маленьких радуг играло бриллиантовое ожерелье.

Она была необыкновенно хороша и величественна. Но больше всего Родриго поразило ее лицо. Его гордая, невозмутимая сестра выглядела невероятно счастливой. Об этом говорили и блестящие глаза, и светлая улыбка, и ямочки. И этот грудной смех. В нем звучала нежность и страстное желание счастья. Это была, без сомнения, донья Беатрис, но

даже брат не сразу признал в этой прелестной незнакомке свою холодную, высокомерную сестру. Только голос! Голос не мог обмануть. Самый красивый голос Нового Света.

– С добрым утром, брат.

– Вернее, добрый день, – поправил Карлос Диас, капитан фрегата.

Он спускался следом за Беатрис. С Карлосом тоже произошла перемена. Он был изысканно одет. Не слишком богато, но любой бы понял, что это праздничное платье капитана. Изменились его манеры, став свободнее и проще. Изменился взгляд, освободившись от тревоги и ожидания. Капитан смотрел вокруг, как человек, достигший берега своей мечты. За счастливой парой вышел священник в парадном облачении, Хосе Мартинес в чистой белой рубашке с двумя пистолетами за поясом и английская пленница – взволнованная, со сжатыми в ниточку губами. Увидев своего управляющего, испанский гранд приободрился.

– Хосе, может быть, ты объяснишь, что происходит?

Громадный цыган выразительно пожал плечами. И только теперь Родриго заметил, что его смуглая рука лежит на плече худой, загорелой цыганочки лет тринадцати. Без сомнения, это была Хатита. А мальчик в пурпурном костюме – Диего.

Ответил Родриго капитан:

– Здесь происходит свадьба, друг мой. Вы пропустили венчание, но еще успеете на праздник. Только для этого вам надо переодеться. У вас не слишком праздничный вид.

– Свадьба? – Родриго озадаченно потер лоб ладонью. – Разве этот чертов еврей уже приехал?

Беатрис переглянулась с капитаном. Ее глаза смеялись.

– Нет, Родриго, он еще довольно далеко. И я сомневаюсь, что, двигаясь прежним курсом, он найдет «Сан-Фелипе».

– Тогда кто же жених, – в недоумении спросил Родриго, – если невеста, похоже, все-таки Беатрис?

– Я, – легко улыбнулся Карлос. – Только не жених, а муж вашей сестры. Теперь мы с вами родственники.

– Ха-ха, – скривился Родриго, – хорошая шутка.

Карлос Диас шагнул вперед и церемонно представил смущенную и счастливую Беатрис:

– Моя супруга Беатрис де Кастильяно, графиня де Сильва.

Маленький Диего сощурился, наблюдая, как на лице старшего брата сменяются все оттенки чувств от недоумения до ярости.

– Вы посмели их обвенчать?! – сквозь зубы процедил он, глядя мимо священника. – Но я не давал согласия на этот брак.

Беатрис досадливо поморщилась.

– Ваша сестра уже совершеннолетняя, сын мой, – мягко произнес молодой священник. – Брак действителен и без вашего разрешения.

Не дослушав, Родриго повернулся к сестре:

– Как вы могли, Беатрис? Ведь он же Кастильяно. Наши отцы были смертельными врагами и завещали нам месть!

Досада в глазах Беатрис сменилась гневом. Она подалась вперед, пальцы сжали оборки платья... Но капитан «Сан-Фелипе» отстранил жену.

– Не будем ссориться, Родриго. Взгляните на вашу сестру, она счастлива. Не омрачайте ее светлый праздник. Если хотите – поговорим завтра. Но я бы не хотел говорить о вражде, разделившей друзей. Какие бы отношения не связывали наших отцов – они умерли вместе с их смертью. Возможно, ваш отец завещал вам месть. Но, Родриго, ведь вы же христианин. Вспомните, что Иисус всем нам завещал прощение. Я простил вас. Сделайте и вы шаг навстречу. Дайте руку, и мы все забудем. У нас есть шанс стать одной семьей.

Карлос говорил тепло и искренне. Его взгляд был открыт и честен. Но протянутая рука повисла в воздухе.

Родриго был невероятно зол. Он потянулся было за шпагой, но вспомнил, что шпага осталась на стуле рядом с кроватью. В бессилии он грязно выругался.

– Хосе, черт тебя раздери, а ты-то каким боком замешался в эту аферу? Ты тоже продал меня? Каким образом моим капитаном стал Кастильяно?

Мрачный цыган не снизошел до ответа. Свадебная процессия, обогнув Родриго, как какой-то предмет, спускалась по лестнице вниз. Ошарашенный, он опустил на ступени, не сразу сообразив, что рядом кто-то есть.

– Они опоили вас вином со снотворным, брат, – услышал Родриго.

Голос принадлежал младшему из всех Вальдоро, сеньору Диего. Он стоял на ступенях с таким расчетом, чтобы смотреть на старшего брата сверху вниз.

– Почему ты не предупредил меня, если все знал? – снова взорвался Родриго.

– Ничего я не знал, – невозмутимо открестился младший брат. – А если б и знал? Какой мне резон предупреждать? Разве вы, брат, не отобрали у меня земли, которые завещал мне отец?

– Ах ты, дрянной волчонок! – Родриго вскочил с намерением стащить младшего братца с лестницы за вихры, но Диего был начеку.

Он ловко увернулся и стремительно взлетел на несколько ступеней вверх. Получив нужное преимущество, он замер, выжидая. Родриго не двигался, боясь спугнуть маленького поганца.

– Я ничего не «отбирал», сеньор Диего де Вальдоро... Я взял займы, до вашего совершеннолетия. Это абсолютно законно, – Родриго сощурился, пытаясь изобразить ласковую улыбку старшего брата, но Диего смотрел на его потуги с плохо скрытым презрением.

– Зачем ты остался? – спросил наконец Родриго.

– Я знаю, что они собираются делать дальше, – вкрадчиво произнес брат. – Хосе и Беатрис говорили об этом. Я слышал.

Родриго облокотился на перила и мягким, поощрительным взглядом подозвал брата. На этот раз получилось намного лучше. Диего спустился на две ступени, но все равно оставался вне досягаемости.

– Что ты знаешь, маленький альгвасил?

Диего выразительно промолчал. Брат улыбнулся.

– Сколько ты хочешь за свою тайну?

Мальчик опустил глаза и так сжал перила, что пальцы побелели.

– На этот раз мне не нужны деньги, – пробормотал он, глаза его упорно глядели в пол.

– Не нужны деньги? – поразился Родриго. – Честное слово, не думал услышать это от тебя. Так что же нужно тебе, Диего? Асиенду в Новом Свете? Корону вице-короля? Голову Хосе Мартинеса на блюде, с яблоком во рту?

Мальчик поднял глаза. Острое лицо было упрямым.

– Пусть в нашем доме останется Хатита, – выдавил он. – Навсегда.

– Что? – от такой просьбы старший брат сел на ступень узкой лестница. – Эта цыганка? Зачем она тебе?

Мальчик молчал, и Родриго понял, что ответа не дожидается. День только что начался, а его уже два раза озадачили.

– Уличная танцовщица. Наверняка связана с разбойниками. Она обворует наш дом, а ее дружки прирежут нас с тобой в постелях.

– И приведет их ваш преданный Хосе, – огрызнулся Диего.

Неожиданно старший брат рассмеялся и кивком головы пригласил мальчика сесть рядом.

– Ты прав, малыш. Я пригред змею. Но зачем тебе повторять мои ошибки? Для чего нам эта юная волчица?

– Может статься, и понадобится, – сказал Диего. – Я хочу, чтоб она осталась. Вы можете об этом распорядиться. Брат, вам интересно узнать, что замыслили Кастильяно?

Родриго смотрел на младшего брата с возрастающим изумлением. Откуда мальчишка набрался таких слов и главное – такой дерзости. К чему идадьго бродячая цыганка?

– Неужели вас беспокоит этот пустяк, а не то, что Кастильяно взял верх над Вальдоро? – поддел Диего.

– Иди сюда, – решительно приказал брат.

Диего спустился еще на одну ступеньку, в любую секунду готовый петухом взлететь вверх.

– Иди, не трону. Рассказывай.

– Хатита останется? – спросил мальчик.

– Да. Черт с ней. Рассказывай же.

Не колеблясь больше, мальчик сел рядом с братом и доверительно шепнул:

– Они направляются на свидание с евреем. Беатрис считает, что он скрывает какую-то тайну.

* * *

– Мэри?!

Англичанка обернулась и, сдавленно охнув, прикрыла рот ладонью. Здоровый крестьянский загар смыла мучнистая бледность.

– Святой Господи, – прыгающими губами прошептала девушка и быстро перекрестилась.

Но видение не исчезло. Хуже – призрак шагнул к ней и улыбнулся:

– Ну, наконец-то! Я долго искала тебя, Мэри.

Это было уже чересчур. Охваченная суеверным ужасом Мэри Мод отступила, развернулась и бросилась бежать по траве, сквозь колючие кусты, к платану, где на узкой полосе прибрежного песка темнела шлюпка «Сан-Фелипе».

– Да стой же ты, сумасшедшая. Стой, кому говорят!

Гневный окрик призрака подстегнул Мэри, и она рванула вперед с прытью оленя, уходящего от собак.

– Да остановись же ты, несчастная, – крепкая рука вцепилась в широкий рукав ее платья, Мэри вскрикнула и, поджав ноги, мешком свалилась в траву, замуривая глаза.

– Так-то лучше, – сказал призрак. – Ну, шальная, что взбрело тебе в голову? Отвечай, да поскорее.

Услышав в голосе призрака гнев и нетерпение, Мэри вовсе потеряла голову и торопливо забормотала:

– Свят, свят, свят. Сгинь в свою преисподнюю! Видно, померла хозяйка без покаяния, вот и нет ей покоя. Но я-то тут при чем? Сама она виновата. Сидела бы дома, шила платье к свадьбе, ничего бы и не было. Оставь меня, сгинь!

– Да что с тобой? – рассердилась Ирис. – Я жива. Открой глаза, идиотка, и потрогай, если не веришь.

Мэри замолчала. Чуть приоткрыла испуганные карие глаза. Рука несмело потянулась к Ирис, но вдруг остановилась и резко дернулась назад.

– Ну! – подстегнул хозяйский голос.

Мэри несмело дотронулась до протянутой руки призрака и, ощутив живое человеческое тепло, шумно выдохнула:

– Хозяйка. Жива. Вот уж не думала, – и, спохватившись, быстро добавила: – слава тебе, Господи!

Она быстро села, поджав ноги, и испытующе уставилась на воскресшую хозяйку. Ирис улыбнулась ей мягкой, чуть ироничной улыбкой. Взгляд серых глаз, такой знакомый и надежный, успокоил Мэри скорее, чем прикосновение. Она была здесь. Живая и, судя по всему, невредимая. Значит, судьба смилостивилась над ними. И молодой граф Эльсвик... Хозяйка так изобретательна. Она непременно придумает, как его спасти. «Слава тебе,

Господи!» – подумала Мэри и с облегчением улыбнулась.

Нельзя сказать, чтобы Бог совсем обделил Мэри мужеством, но это было своеобразное мужество – мужество отчаяния. Оно бралось неизвестно откуда и исчезало неизвестно куда. Эти два месяца были для нее адом, и Мэри с огромной радостью подумала, что теперь войну с испанцами возьмет на себя мисс Нортон.

– Что означает эта улыбка? – спросила хозяйка.

– Я рада, – просто ответила Мэри.

– А Джордж Эльсвик? Он жив?

Доли секунды долг боролся с ревностью и одержал быструю победу. Мэри кивнула.

– Он тоже здесь?

– Нет, госпожа. Милорд граф на другом корабле. Он называется «Долорес» и идет следом за нами, но «Сан-Фелипе» здорово отклонился от курса и, боюсь, что эти корабли не скоро встретятся.

– Шторм, – понимающе кивнула Ирис. – Но если ты пленница, как же они тебя отпустили? Хотя, куда здесь деваться, на острове.

– Шторм здесь не при чем, а я сейчас вроде как не пленница, – выпалила Мэри.

– «Вроде как»? Что это значит? Кто командует кораблем? Дон Родриго де Вальдоре?

– Не-ет, – Мэри мотнула головой и невольно улыбнулась. – Он сейчас тоже вроде как не хозяин.

Ирис удивленно уставилась на Мэри, пытаясь сообразить, что та имеет в виду.

– Ну-ка, расскажи все подробно, – велела она. – Я вижу, дела у вас серьезные и, да простит мне Бог, кажется, веселые?

* * *

Полдень был жарким. Влажный ветер, долетавший с моря, освежал, но не надолго. Время от времени Карадек поглядывал в сторону густой тропической зелени и представлял, какая там, должно быть, отличная тень и прохлада. Песок, нагретый щедрым солнцем, обжигал босые ноги. Тяжелые, подбитые железом сапоги Джефф Карадек нес в руках. Дасти, закатав штаны, брел по колено в воде, высматривая что-то в прозрачной лагуне. Джефф оглянулся. Сзади, в пенной полосе прибоя, размякнув от жары и лени, тащились еще трое – его «черепашья команда». Карадек криво усмехнулся и окинул прищуренным взглядом этот естественный пляж. По расчетам Джеффа тут было самое что ни на есть «черепашье» место. В меру жарко, хороший песок, море рядом и острых камней нет. Да только вот черепахам позабыли сказать об этих выкладках Джеффа. Ни одной съедобной твари на протяжении полумили – таков был неутешительный результат экспедиции. Казалось, кто-то старательно подмел все побережье. Джефф сплюнул под ноги и жестом подозвал остальных.

– Ну? – спросил Дасти, подбежавший первым. Джефф обвел медленным взглядом горизонт.

– Похоже, здесь ничего нет, – произнес он наконец.

– Ты лучше скажи что-нибудь такое, что мы сами не знаем, – отозвался худой, как удочка, оборванный матрос.

Светлые патлы лезли ему в глаза, и парень постоянно отбрасывал их резким движением.

– Дальше идем или возвращаемся? – спросил Дасти.

– Какой умный, – скривился Карадек, – если вернемся до того, как найдем черепах, Керби сделает из наших шкур пять отличных индейских тамтамов.

Худой парень фыркнул, тряхнув головой, и этим до странности напомнил Карадеку лошадь Джинни, за которой он ухаживал в детстве.

– Керби? – повторил он. – Керби и не почешется. Он сейчас света белого не видит из-за этой своей дамочки.

– Она ведьма, это точно, – вмешался его приятель, – сами видели, как переменился

старик.

Дасти усмехнулся. Светловолосый, похожий на лошадь парень тоже показал зубы. Они и были у него, как у лошади – ровные, крупные, желтые.

– Чего скалишься? Скажешь, нет?

– Да черт его знает, – неопределенно ответил тот. – Может, она и не колдует там в своем шалаше. Но что-то замышляет – это точно. Не может она сидеть там просто так. Слишком умна. Я бы на месте старика все-таки повесил ее на первом суку и дело с концом. Может, она действительно дорого стоит, только я так скажу: дальше от черта – дальше от греха.

– Ты всегда был трусом, Род...

Дасти не успел договорить. Карадек сильно толкнул его в бок.

– Старик ведь больше никого не посылал в эту сторону?

Дасти перевел взгляд с удивленного Карадека на песчаную полосу. Прямо перед ним, шагах в трех, на песке темнел четкий человеческий след. Он вел от воды к узкой щели в скальной гряде, возвышавшейся прямо перед глазами, как гигантская челюсть.

– Дьявол!

Карадек повернулся к своей «черепашьей команде». Он был потрясен.

– Что, прямо там? Надо же! Никогда не видел дьявола. Мэгги не простит мне, если я не расскажу, как он выглядит.

Дасти отстранил Джеффа. Лег животом на камни и осторожно выглянул.

Маленькая бухта просматривалась не вся. Только берег да узкая полоса воды. И в ней две наполовину вытащенные на берег шлюпки. Пренебрегая осторожностью, Дасти сделал быстрый рывок, подтянулся на руках и застыл.

– Ну что там? – рявкнул Карадек, потеряв терпение. – Ты торчишь как маяк и светишь прямо по курсу. Что там, Христос по воде ходит?

– Я все понимаю, – отозвался Дасти несколько невпопад. – Вода. Шлюпки. Корабль. Большой корабль. Все понятно. Но, ради самого Господа, как они умудрились засунуть в эту бутылку фрегат? Или я сплю и мне все снится?

Карадек подался было вперед, но вдруг ощутил затылком что-то твердое. Властный голос, привыкший отдавать команды, стегнул, как плеть, но смысл не сразу дошел до Джеффа Карадека. Команда прозвучала по-испански. Он медленно обернулся. Ему позволили это сделать, видимо, для того, чтоб Джефф оценил расстановку сил. Их было много. Больше пяти. Дальше Джефф Карадек считать не умел. Оружие, опрятная одежда, молодые, спокойные лица... Моряки с испанского фрегата. Карадек знал таких. Им и в голову не придет, этим мальчикам, что, уничтожая англичанина, протестанта, да еще и корсара, они грешат против заповеди «Не убий».

Дасти осторожно сполз с камней. Род, тот, с лошадиными зубами, шагнул к Карадеку. Корсары ждали. С ужасным акцентом, ломая слова, молодой испанец произнес по-английски:

– Вы... проследовать... туда.

Карадек криво усмехнулся.

– Отведут в лесочек и вздернут, чтоб свинец не тратить.

– Что будем делать, – спросил Род, не глядя на остальных.

Испанец шагнул к нему и с силой ткнул Рода пистолетом в ребра:

– Что сказать?

Корсар поморщился, а Дасти, с доброжелательной улыбкой глядя на испанца, четко и раздельно произнес:

– Он сказать, что твоя мать родить очень глупый сын... Я тоже это сказать, – добавил он после паузы.

Несколько мгновений испанец напряженно переводил взгляд с одного на другого. Потом вдруг нахмурился и резко выдохнул:

– Ты молчать. И ты молчать. Все молчать и идти туда...

Карадек покосился на Дасти и указал взглядом на пистолет, которым молодой испанец указывал направление. Тот согласно прикрыл глаза. Род подобрался. Карадек не видел, что делают остальные, но по тому, как спокоен и собран вдруг сделался Род, понял, что те двое тоже не зевают.

Испанцы по-военному четко разомкнулись, открывая проход. И по тому, как они это сделали, Карадек понял, что никаких тонкостей, вроде «индейской цепочки» не будет. Их погонят как баранов на убой. Гуртом.

– Идти вперед, – скомандовал испанец.

– А не пойти ли тебе к дьяволу, приятель, – криво улыбаясь, предложил Джефф.

И в тот же миг пригнулся, резко бросил свое тело в сторону и ударил по вытянутой руке с пистолетом. Краем глаза он успел заметить, что Дасти боднул «своего испанца» в живот и вроде бы завладел оружием. Рядом рывкнул пистолет, выплюнул чью-то смерть. Карадек не увидел, кому она досталась. Им овладело то странное состояние, когда видишь сразу все, но не воспринимаешь ничего. Он махал здоровыми кулаками, попадая в чьи-то ребра и чьи-то челюсти, один раз ухватился прямо за пистолетный ствол и рванул его вниз... Рядом мелькнули светлые патлы. Что-то быстрое, ловкое, как большой зверь, метнулось мимо Карадека к лагуне. Туда, где торчали из воды коварные рифы. Взрыв испанской ругани с поминанием Бога и Пресвятой Девы Марии развеселил Карадека. Он выпрямился, тяжело дыша, хрипло выталкивая из себя смех, и только сейчас почувствовал какое-то странное жжение в груди. Тронул ладонью. Рука стала мокрой и липкой. С каким-то отчужденным удивлением он отметил, что вокруг стоит тишина...

Карадек тяжело рухнул на песок, подмяв под себя смертельно раненного Дасти, рядом с теми двумя, чьи имена он так и не удосужился запомнить. Но, падая, еще успел заметить широко открытые глаза молодого испанца, который совсем недавно отдавал команды и чувствовал себя хозяином. Они смотрели на слепящее солнце и не шурились.

* * *

В то утро впервые ощутимо похолодало. Обычно в это время люди уже прятались от жары и ловили влажное дыхание моря, как спасение. Сейчас же, хотя солнце вскарабкалось уже довольно высоко, Ирис не было жарко. Она вдыхала свежий, пахнущий солью воздух, радуясь, что сегодня солнце не скоро прогонит ее с палубы «Сан-Фелипе».

Ирис заново знакомилась с прекрасным фрегатом. В прошлый раз у нее как-то не нашлось времени, чтобы по достоинству оценить плавные линии бортов и богатство отделки. Однако она с удовольствием отметила, что многое разглядела и запомнила. По ее просьбе Ирис поставили кресло почти на том самом месте, где ее не так уж и давно привязали к доске и бросили в море. Умирать. Ирис ловила на себе взгляды матросов, полные суеверного ужаса, а иногда, забавляясь, сама бросала на какого-нибудь Хулио или Рамона пристальный взгляд. И у того валилась из рук работа, а губы, враз побледневшие, принимались шептать молитвы. Когда на палубе появлялась графиня, Ирис прекращала жестокую забаву.

Испанка не приближалась к ней, не пыталась завести знакомство и вообще старалась обходить стороной.

Порой Ирис замечала, как графиня что-то быстро и горячо говорит капитану или одному из старших офицеров, поглядывая на нее с откровенной враждебностью. Что до молодого Родриго де Вальдоро, которого зять никуда не запер, и, по мнению девушки, напрасно, то он даже не делал тайны из того, что сколачивает на «Сан-Фелипе» заговор против нее. У Хуана де Вальдоро были хорошие дети...

Иногда, когда одиночество и эта намеренная изоляция становились почти нестерпимыми, Ирис начинала думать, не совершила ли она ошибку, попросив взамен «важного сообщения о пиратах» каюту на «Сан-Фелипе».

Там, на острове, у нее был, по крайней мере, один друг. А здесь даже Мэри держалась отчужденно и почтительно, словно хотела подчеркнуть, что она всего лишь служанка

«английской собаки, которая якшается с нечистым». Капитан корабля не подходил к ней. После короткой беседы вечером того дня, когда фрегат спешно покинул Золотой остров, она больше не видела дон Карлоса. Видимо, он не хотел обострять отношения с любимой супругой. Или тут было нечто другое. Серьезнее. Ирис живо припомнилось все, что она знала о родине капитана. Костры, на которых сжигали еретиков, бесноватые проповедники, «охота на ведьм». Еще совсем недавно Святая инквизиция правила Испанией почти единолично.

Но если так... Если так, тогда она в опасности. Может быть, в большей, чем на острове, среди пиратов.

На «Сан-Фелипе» регулярно служили мессу. И к ней собирались все. И матросы, и офицеры, и пассажиры, и даже Мэри, которая говорила, что не может жить без Бога, даже если это католический Бог. Когда звонил корабельный колокол, собирая испанцев на молитву, Ирис не трогалась с места, выдерживая испепеляющие взгляды. Почему она поступала именно так? Неужели старая привычка выдерживать роль до конца, до самой последней мелочи. А то, что эта привычка могла стоить жизни, это как – ничего?

Однажды священник, довольно молодой еще человек, остановил Ирис и доброжелательно поздоровался. Она настороженно ответила. Священник мягко улыбнулся и совершенно серьезно спросил, почему он никогда не видел ее на молитве. Ирис вскинула удивленные глаза.

– Я не знаю ваших молитв.

– Молитесь так, как умеете. Бог вас поймет, – ответил священник.

– Католический Бог? Или протестантский?

Но человек в сутане не обиделся на эту явную бестактность. Ответ его прозвучал так же доброжелательно.

– Бог един, дочь моя. Нет ни католического Бога, ни протестантского, ни мусульманского, ни иудейского. Он един, наш небесный отец, и когда-нибудь люди это поймут.

«Забавно, – подумала девушка, – какой прогресс...»

– И вы хотите, чтоб я поняла это прямо сейчас? – с иронией спросила Ирис.

– Вы вполне способны на это, дочь моя, – улыбнулся священник.

Мгновение она раздумывала, а потом решительно мотнула головой:

– Вы слишком много хотите от меня, – Ирис запнулась, но все-таки выговорила, – святой отец.

Он поднял руку, благословляя ее, но Ирис не наклонила голову, как требовал католический ритуал, и значит, в глазах команды осталась «нечистой».

Сейчас, глядя, как проходит мимо отец Фернандо, подметая палубу длинной сутаной, она вспомнила этот эпизод и нахмурилась. Священник поймал ее взгляд и внимательными, светло-кариими глазами задал немой вопрос. Но Ирис так же безмолвно качнула головой. Невозмутимо, словно ничего не случилось, отец Фернандо последовал дальше по своим делам.

– Вы живете по законам моря, донья Аэреос.

Она невольно вздрогнула. Голос капитана прозвучал совсем близко. Девушка оглянулась. Она не ошиблась.

Капитан корабля, граф де Сильва, стоял рядом. Ирис сделала было движение, чтобы встать, но передумала и осталась в кресле.

– Что вы имеете в виду, дон Карлос, – спросила она.

– То, что пока корабль на плаву, вы не спускаете флаг.

Ирис подняла глаза. Капитан говорил вроде бы шутливо, но взгляд его был серьезен. Граф де Сильва смотрел на нее с уважением.

– Не спускаю, – кивнула Ирис.

Она все-таки поднялась и сделала несколько шагов прочь от кресла. Зеленое шелковое платье, одолженное у графини, прошуршало по чисто вымытому палубному настилу. Карлос

последовал за ней.

– Вот здесь свершилась казнь, – Ирис взглянула искоса, усмехнулась. – Прямо на этом месте. Пленника привязали к доске и бросили в открытое море. Вы знаете, кого здесь казнили, граф? – и так как капитан молчал, ответила сама. – Меня.

Пытливый взгляд требовал подробностей. А Ирис так устала носить в себе страшные тайны недавнего прошлого. К тому же... Что-то такое было в лице, в манерах испанского гранда. Что-то, что неуловимо отделяло его от жены-аристократки, от зятя, даже от этого священника. И делало похожим на отца, на Харди Мак-Кента, на маленького, спокойного штурмана Дика Вольнера. И еще, пожалуй... Да, именно так. Карлос де Кастильяно напомнил ей Джеймса Рика. Ирис не заметила, как сам собой открылся замок, запирающий ее воспоминания, и она, радуясь этому освобождению, торопливо, перескакивая с пятого на десятое, захлебываясь, выложила совершенно незнакомому человеку то, в чем не призналась бы ни под пыткой, ни на исповеди. То, о чем она не рискнула написать Кэтрин. То, что никогда не узнает отец. Карлос слушал, не перебивая и ни о чем не спрашивая.

Выговорившись, девушка уставилась в сторону. Или не хотела поднять глаза, или боялась.

– Что ж, – тихо произнес он, – откровенность за откровенность, Ирис. Я расскажу вам одну историю. Если вы, конечно, согласны выслушать. И, может быть, тогда вам будет немного легче на этом корабле. Слушайте.

Я родился в Старом Свете, в Толедо, в маленьком домике, выходящем окнами на мрачный замок Святой инквизиции. В этом тяжелом, гнетущем строении бродили тени всех языческих богов и демонов старой Испании. Там пылали костры аутодафе, и по ночам слышался скрип тележки, на которой из замка вывозили покойников. Мою мать, графиню де Сильва, за три месяца до моего рождения супруг выгнал из дому. За неверность – так он сказал. Вы можете думать, что хотите, но моя мать, Исабель де ла Лус, Светлая Исабель, была чиста и перед мужем, и перед Богом. Ее оклеветали, и отец поверил клевете, потому что услышал ее от тех, кому доверял – своей матери и лучшего друга Хуана де Вальдоро. Я был лишен наследства и имени, забыт и проклят еще до рождения, но Бог посмеялся над отцом. Он не дал ему больше детей. Граф умер, не оставив завещания, и в возрасте пятнадцати лет я стал владельцем пышного титула и громадного состояния, ничуть того не желая. К тому времени я вырос и окреп, и в качестве юнги на шхуне «Люцифер» обошел полмира. Я знал, кто был виновником позора и изгнания моей матери. Перед смертью она назвала мне имя. Молодой Хуан де Вальдоро, которого отвергла Светлая Исабель и который ненавидел ее за это. Узнав, что отец мой умер, я поспешил в свои владения, чтобы исполнить последнюю волю матери и отомстить.

Замок встретил меня закрытыми воротами и яростным лаем дворовых псов, но, узнав, что нищий оборванец приходится ему хозяином, привратник радушно распахнул двери. Так я ступил на землю, с которой некогда был изгнан вместе с матерью. Замок прятался в тени могучих дубов. Он был очень слабо освещен, и, если бы не дорога, проложенная от ворот к крыльцу, я бы заблудился в этом запущенном саду, так похожем на лес. Я поднялся по каменным ступеням, не касаясь узорных перил, и потянул на себя тяжелую дверь. Как ни странно – она сразу открылась, пропуская меня в сказочный замок, должно быть, набитый сокровищами, как пещера Али-Бабы. Никаких заклинаний, вроде: «Сезам, откройся», не потребовалось. Прямо с улицы я попал в темный зал. Это необъятное, круглое помещение, похожее на арену античного цирка, освещалось лишь тремя свечами в старинных подсвечниках, уже почти сгоревшими. Под ногами лежал дивный ковер с пышным ворсом, таким, что мои многострадальные сапоги устыдились и встали, не решаясь идти дальше. Вдоль стен из резного дуба висели длинные темные зеркала. В колеблющемся оранжевом свете они были так похожи на раскрытые двери в потусторонний мир, что я оробел. Казалось, что сейчас из этих бесконечных коридоров начнут вылезать призраки казненных, держа головы в руках, духи замученных, гремя цепями, и напоследок покажется Белая Дама, шурша складками наряда, вышедшего из моды двести лет назад. Я поскорее миновал

зеркальный зал и оказался в длинной картинной галерее. С тяжелым канделябром я медленно шел вдоль стены, рассматривая надменные лица, некоторые – в сети трещин, иные – почти новые. Чем дальше, тем новее делались картины, а лица идалго и благородных дам приобретали все более заметную печать вырождения. В одном из портретов я с мистической жутью угадал свои черты. Надпись под портретом гласила: «Дон Мигель де Кастильяно, граф де Сильва».

– За встречу, отец, – произнес я, поднимая воображаемый бокал. На холсте был изображен еще не старый человек. Он смотрел на меня с мрачным любопытством, словно хотел понять – кто я и зачем пришел в его дом.

У меня зачесался язык, чтоб ответить, но я не стал будить призраков и шагнул дальше. Следующий портрет был перевернут к стене и глядел на меня, как пустая глазница. Не нужно было быть одним из семи легендарных мудрецов, чтобы понять, чьи черты я увижу, перевернув картину. Но я не стал этого делать. Ей было спокойнее так. Подальше от этих надменных взглядов.

Перед последним портретом я задержался недолго и лишь потому, что с этой женщиной мне предстояла скорая встреча. Вторая жена моего отца была лишь немногим старше меня. Светлые волосы с легким рыжеватым оттенком, открытое платье, кроткий взгляд темно-карих глаз. Это было лицо Мадонны. Совсем юной Мадонны. «Коломба. Принцесса Герардески», – прочел я.

Начинаясь прямо под портретом, винтовая лестница вела наверх. Я поднялся, не останавливая взгляд ни на витиеватых перилах, ни на прекрасных статуях, белевших во тьме. Меня поражали тишина и безлюдье. Ни слуг, ни сторожей. Кроме того типа, который открыл мне двери, я не видел ни одной живой души. Словно давно почившие вельможи на старинных портретах были единственными обитателями этого мрачного жилища. Я моряк, и напугать меня трудно, но дух мой был смущен. Про себя я тут же дал клятву, что, исполнив волю матери и отомстив, сейчас же уеду из своих владений, и пусть они хоть сгорят. Обойдя весь дом и не встретив никого... совсем никого, я, немного струхнувший, в конце длинного коридора наткнулся на незапертую дверь. Потянул на себя. После темноты коридора обилие свечей ослепило меня на мгновение. В смятении я шагнул через порог, снял шляпу, отвесил поклон и только потом разглядел, куда меня занесло. Среди красных драпировок с золотыми кистями, атласных подушечек и вышивок на религиозную тему обитали две живые души. Две женщины, которые и поднялись мне навстречу.

– Карлос де Кастильяно, – представился я, – сын дона Мигеля.

Произнести полный титул я не решился – это было бы бестактно. Одна из женщин, старшая, отложила книгу и приветливо улыбнулась. Я узнал ее. Она оказалась чуть старше, чем на портрете. Впрочем, траур еще никого не молодил.

– Коломба. Вдова вашего отца, – представилась она, тоже опуская церемонии. – А это – донья Беатрис де Вальдоро. Она очень помогла мне в эти тяжелые дни.

Услышав это имя, имя виновника всех бед моей матери, я вздрогнул и взглянул на вторую даму настороженно. Она оказалась совсем девочкой (тогда ей шел пятнадцатый год), но неожиданно взрослой девочкой. Если в сеньоре Коломбо жила какая-то обреченность, словно она уже ни во что не верила, кроме Бога, и ни на что не надеялась, то Беатрис показалась мне сильной и самостоятельной. И сказочно красивой. Я отвесил второй, более глубокий поклон в ее сторону, а когда выпрямился и встретился с ней глазами – уже знал, что все мои мстительные планы рухнули, как карточный домик. Да простит меня за это Светлая Исабель, моя дорогая мать, но разве мог я причинить боль этой девочке? С разрешения своей мачехи я сел на диван. Воцарилось неловкое молчание. Женщина ободряюще улыбнулась и сердечно спросила – хорошо ли я доехал, не устал ли в дороге, не голоден ли. Я не ел с самого утра, но путешествие по зачарованному замку с единственной свечой и встреча с дочерью Хуана де Вальдоро начисто вымели из головы все мысли о еде. Я отказался от ужина. Мачеха сказала девушке несколько тихих слов, и мы вышли в темный коридор. Усталость долгого пути свалила меня, и я уснул, кажется, раньше, чем лег.

Внезапно... Я даже сам сперва не сообразил, что происходит. Только что я крепко спал, и вдруг оказалось, что я сижу на кровати, озираясь в поисках сапог. В следующий миг я вспомнил, что меня разбудило. Дикий крик. Он встряхнул замок до самого основания. Так не кричат человеческие существа. Так кричала бы вытщенная из воды умирающая русалка. Несколько секунд я прислушивался к могильной тишине, не отдавая себе отчета, что, собственно, хочу услышать. Крик повторился. На этот раз я расслышал его прекрасно. Он доносился, как мне показалось, из того крыла, где располагались спальни мачехи и Беатрис.

Мысль о девочке стегнула меня, как кнут. Я вскочил, натянул сапоги, поблагодарив Бога за то, что от усталости уснул, не раздеваясь, и теперь мог не тратить лишнего времени. Свечу я зажигать не стал и, притворив дверь, пошел на крик, стараясь ступать бесшумно. Я не испытывал страха, но совсем не потому, что был невероятно храбрым. В том крике не было ничего злобного, ничего неприятного. Не было в нем и ужаса. Я мог ручаться, что это не разбойники залезли в замок и женщин никто не убивает. Скорее, в крике слышалась тоска. Нечеловеческая, неизбывная тоска. Ковер глушил шаги, и я бесшумно, как кошка, подкрался к двери в спальню. Она была приоткрыта, но темна, как и коридор. Я заглянул внутрь. Мои глаза – глаза моряка, привыкшие к темноте, быстро обшарили комнату. Никого. Беатрис (если это была ее спальня) исчезла. Я подошел к двери напротив, но тут меня ждало разочарование. Спальня была надежно заперта изнутри, а стучать я не решился. Сквозь замочную скважину в темный коридор пробивался слабый, дрожащий свет. Мои колебания длились недолго. В конце концов, идалго я был лишь по крови, а по воспитанию – юнга с торговой шхуны. В моей жизни случалось всякое, и свою врожденную щепетильность (если она у меня была) я давно растерял, болтаясь по свету в компании людей, по которым горько плакала виселица. Итак, я заглянул в замочную скважину в спальне мачехи. Пурпурные занавески были раздернуты, одеяло сбито, подушки раскиданы по комнате, словно здесь побывали разбойники или альгвасилы Его Католического Величества. Донна Коломба сидела на постели. Сперва я даже не узнал ее. Волосы растрепаны, лицо бледно, а в огромных глазах застыла боль. Донья Беатрис была тут же, в одной рубаше и узорной шали, в спешке накинута на плечи. Похоже, она пыталась напоить мачеху чем-то успокоительным из маленького флакона. Неожиданно донна Коломба дернулась, ударила Беатрис по руке и забилась на постели. Тоскливый крик умирающей русалки снова ударил по натянутым нервам. Флакончик отскочил и покатился по полу, загремев, кажется, на весь замок. Я поспешно отпрянул.

По всему выходило, что моя мачеха страдает какими-то припадками. Наверное, этим и объяснялась безлюдность замка. Суеверные слуги могли разбежаться, решив, что сеньора одержима дьяволом. А Беатрис, такая юная, взяла на себя заботу и о доме, и о больной хозяйке этого дома. Должно быть, не очень ей тут было весело. Я обдумал, стоит ли вмешаться, но решил, не поднимая шума, вернуться к себе. Не от того, что испугался. В комнате не было никаких ужасов, только больная женщина и ее терпеливая сиделка, а в одержимых дьяволом я не верил. Нет, я вернулся потому, что каким-то шестым чувством понял – за этой болезнью мачехи что-то скрывалось. Что-то, во что меня посвящать не хотели. И пока я не стал настоящим хозяином замка, я не имел права на его тайны. Вернувшись к себе, я снял сапоги и лег. После такого происшествия я был уверен, что не усну. Но тоскующий крик больше не повторялся.

Утром солнечный свет разбудил меня, и я понял, что все-таки уснул. И довольно крепко. Ночное происшествие припомнилось мне в мельчайших деталях: крик мачехи, Беатрис, флакон. Похоже, что это был не сон. Я переоделся, снова обулся в сапоги и спустился по винтовой лестнице вниз. Дверь была открыта, и я вышел в сад, вдыхая влажный аромат этого дикого запущенного уголка. В самой конце узкой розовой аллеи я заметил две женские фигуры и поспешил к ним. Моя мачеха и Беатрис шли по дорожке, взявшись за руки, и о чем-то тихо беседовали. Мачеха была в трауре, как и накануне. Беатрис – в платье цвета спокойного моря. Темные волосы украшала свежая роза. Я догнал их. Окликнул. Пожелал доброго утра. Донна Коломба сердечно улыбнулась, а Беатрис взглянула на меня

своими волшебными глазами с некоторым беспокойством.

– Как вам спалось, дон Карлос? – спросила сеньора, и в этом обычном, вежливом вопросе я различил едва заметную тень тревоги.

Желая ее успокоить, я рассмеялся:

– Спал как убитый, даже не раздеваясь. Видно, устал в дороге, – и тут же осекся. – Ради Бога, простите мне этот смех. Вы в трауре...

Донна Коломба подняла тонкую, почти прозрачную руку и слегка коснулась моего плеча. Это прикосновение я увидел, но не почувствовал.

– Не извиняйтесь, Карлос. Этот дом так давно не слышал живого смеха. В последнее время у нас с Беатрис было не много поводов для веселья.

И эта молодая женщина, которая при иных обстоятельствах могла бы быть мне старшей сестрой, улыбнулась с материнской нежностью. Мне – щенку, волей случая подброшенному в ее дом. В этот миг я полюбил ее. Не как мать – для этого она была слишком молода, но как сестру.

– Я хотел бы видеть отца, – произнес я, и, кивнув своей наперснице, мачеха пригласила меня следовать за ней.

Он лежал в огромном гробу, величественный и надменный, как на портрете. Со странным чувством я вглядывался в эти черты, так похожие на те, что я не раз видел в зеркале. Этот человек дал мне жизнь, но он же обрек на нищету и страдания мою мать. Нет, я не любил его. Но и ненавидеть не мог. Скорее, я испытывал странное любопытство. Донна Коломба стояла рядом и глядела мимо покойника. На меня.

Поддавшись внезапному импульсу, я поднял голову и спросил:

– Он не обижал вас?

В глазах Коломбы блеснуло что-то похожее на слезу, но она так быстро пропала, что я не понял – была слеза или мне почудилось.

– Если и обижал, то сполна расплатился за это, – как-то загадочно обронила мачеха. – Так вы точно ночью ничего не слышали?

– Нет. А что я должен был слышать? – спросил я с самым невинным видом. Мачеха с облегчением вздохнула и мягко улыбнулась:

– Здесь безлюдно. Говорят, что по ночам в замке бродит призрак. Но я не верю в призраков.

Сказав так, она опустила глаза и неслышно вышла. А я окончательно уверился в том, что ночное происшествие не было сном, со смертью моего отца что-то нечисто, а в моем замке тайн больше, чем мышей. Черт возьми, их стоило разгадать, хотя бы для спокойствия этой милой женщины и Беатрис.

После обеда, кстати, весьма недурного, я приступил к разрешению загадок. И первым делом отыскал Беатрис. Девушка сидела на скамье в саду, с печальным видом созерцая увядшую розу. Я сорвал целых три – самые красивые, подошел сзади и положил цветы ей на колени. Она вздрогнула и обернулась.

– Розы всегда хороши, даже увядшие, но свежие – все же лучше, – сказал я. – Приколите одну из них к вашей прическе. Вам очень идет. Вы становитесь похожей на Флору.

Бедной девочке еще не встречались молодые, бесцеремонные моряки, которые любой разговор начинают и заканчивают комплиментами. Она смутилась, но с достоинством выдержала мой взгляд. Потом улыбнулась и... выполнила просьбу.

– Донья Беатрис, – произнес я как можно мягче, – я обманул вас и донну Коломбу сегодня утром.

– Обманули? – Беатрис вскинула голову. – В чем?

– Я кое-что слышал ночью. И был бы благодарен, если бы вы объяснили, что здесь происходит.

Я смолк, выжидая. Молчала и девушка. Наконец она, видимо, решилась.

– Поклянитесь, что этот разговор останется между нами.

– Чем? – коротко спросил я.

– Чем дорожите, – был ответ.

– Клянусь могилой матери, что буду нем как рыба, пока вы сами не разрешите мне говорить.

– Хорошо, – кивнула Беатрис, – я расскажу все, что знаю. Но это не слишком много. Ваша мачеха больна. У нее бывают странные припадки, когда она бьется и кричит. Одна знахарка из селения неподалеку готовит капли, и они помогают. Но мы вынуждены жить уединенно. Слуги отказываются служить в этом доме. Они боятся госпожи Коломбы так, словно это сам дьявол. А между тем это всего лишь несчастная женщина.

Я кивнул. Мои догадки подтвердились.

– Чем вызвана болезнь?

Девушка пожала плечами:

– Это темная история. Отец не любит об этом рассказывать. Я знаю лишь то, что дон Мигель и сеньора Коломба гостили на Эспаньоле у моего отца, и там произошла ужасная вещь. Ее похитили пираты. Пытали, требовали какую-то карту с сокровищами. Дон Мигель и отец отбили ее, но с тех пор она больна. И, честное слово, донна Коломба не знала ни о каких сокровищах.

Глаза девушки подозрительно заблестели, но она была слишком гордой, чтобы плакать.

– Наверно, это какая-нибудь пиратская фантазия, – сказал я, чтобы успокоить донью Беатрис. – Плавая в Вест-Индии, я наслушался их столько, что на целый роман хватит.

– Вы плавали в Вест-Индии? – поразилась девушка, – Ну уж, конечно, не с пиратами...

– Испания в этих водах держит флот, – сдержанно отозвался я, – и, пользуясь этим, некоторые темные личности, вроде адмирала д'Эспиносы, пиратствуют вполне легально под пурпурно-золотым флагом, имея каперский патент от Его Католического Величества.

– Но они, надеюсь, не пытаются женщин?

Я промолчал, боюсь, достаточно красноречиво. На моих руках уже была кровь пары негодяев и, вероятно, пары-тройки вполне честных людей, которые имели несчастье сунуться в пещеры Сантилья в мундирах альгвасилов. Я редко испытывал угрызения совести, жизнь меня этому не учила, но для этой девушки я хотел бы вновь стать чистым, как ангел. К сожалению, ангелом я не был, а притворяться не хотел.

– Донья Беатрис, вы взяли с меня одну клятву. Сейчас я по собственной воле хочу дать другую. Я сделал много того, чего делать не следовало, но ни разу не обидел того, кто не мог защититься. Клянусь в этом своей жизнью.

Беатрис ничего не ответила. Похоже, она не слышала меня.

– Но почему жертвой этой пиратской выдумки стала донья Коломба? – спросила она вдруг.

– Не знаю, – честно ответил я.

Мы еще немного помолчали. Воздух был свеж. Над аллеей стоял запах горячего летнего дня.

– И еще, донья Беатрис...

– Да?

– Не волнуйтесь. Больше я не стану выпытывать ваших тайн. Я просто хотел бы знать, как умер мой отец. Он болел? Или это была дуэль?

Я произнес это в меру печально, в меру спокойно. Что бы ни случилось, о моих подозрениях этой девочке знать не стоило. Она обернулась ко мне с сочувственной улыбкой. Я напряженно ждал.

– Я понимаю ваши чувства, дон Карлос и разделяю их. Увы, я не могу ответить. Я этого не знаю. Я приехала в замок лишь два дня назад. Мне очень жаль.

Той ночью мне впервые в жизни не спалось. Я долго ворочался с боку на бок, потом встал, оделся и, не зажигая свечей, спустился вниз.

Я вышел в сад. Светила бледная луна, и силуэты могучих платанов казались посеребренными. Тропинка вела к западному крылу, где размещались комнаты для

прислуги, по большей части пустующие. Я обошел их, свернул на розовую аллею и, попетляв, вышел к широкой лестнице. Она вела в родовую усыпальницу графов де Сильва. Я спустился, толкнул тяжелую дверь и вошел.

Сам не знаю, зачем я это сделал. Может быть, вопреки здравому смыслу, надеялся, что мертвец восстанет из гроба и холодными губами шепнет своему сыну и наследнику хотя бы одно слово. Ведь верили же наши предки, что души людей, погибших насильственной смертью, не могут обрести покой, пока не наказан убийца. А в том, что здесь совершено преступление, я почти не сомневался. Слишком настороженно держалась мачеха, слишком печальна была Беатрис, а замок семьи де Кастильяно своей мрачной отрешенностью слишком напоминал огромный склеп.

В усыпальнице было темно, и я не стал зажигать свечу. Скользя рукой по стене, я медленно пошел внутрь, ступая бесшумно. Тишина окружала меня со всех сторон. Я повернулся туда, где смутно угадывался постамент с гробом.

«Я знаю, ты не хотел, чтобы я появлялся в этом доме, — мысленно произнес я, обращаясь к мертвецу, — но я здесь, и с этим уже ничего не поделаешь. Ты оставил мне в наследство не только фамильный замок, но и тайну твоей смерти. И я принял это наследство. Так что же случилось здесь, пока я скитался по морям, а Светлая Исабель ждала меня, заперев в сердце одинокие слезы? Кто эта женщина, которая заняла место моей матери? Ты любил ее? Или ты вообще не знал этого слова? Неужели и при жизни ты был так же холоден, как теперь? Я в это не верю! Люди с холодными сердцами не наживают врагов. А у тебя был враг. Иначе ты не лежал бы здесь, безгласный и недвижимый и я не говорил бы с тобой так откровенно, как говорят лишь на исповеди. Кто он? Кто твой враг? Что встало между вами? Мне нужно лишь одно слово, один намек... Если твоя душа еще бродит в этих стенах, дай мне знак. Укажи, где я должен искать...»

Внезапно легкий шорох спугнул тишину и оборвал мою мысленную речь. Я окостенел. Да, я молил, я ждал, я хотел получить ответ на свой вопрос, но сейчас подумал, что если покойник действительно встанет и заговорит — я лягу на его место. Обливаясь холодным потом, я стоял в темноте, не в силах двинуться с места и напряженно прислушивался. Шорох повторился, и я с трудом удержал облегченный вздох. Звук шел не от гроба с мертвым телом, а с каменной лестницы, ведущей наружу. Кто-то осторожно пробирался сюда. Он шел, таясь, стараясь не шуметь, и если б не камешек, скрипнувший под ногой, я бы ничего не услышал. Ужом скользнув за постамент, я присел и почти перестал дышать.

Предосторожность оказалась излишней. Второй визитер, как и я, вошел без огня. Я не видел его. Не различал даже силуэта, но слышал напряженное дыхание и отчетливо ощущал ненависть пополам с суеверным страхом. И тут человек заговорил. Голос был сиплым от ужаса, и я его не узнал.

— Лежишь? Надо же! Будто и с места не сходил. И чего тебе неймется? Колом бы тебя осиновым проткнуть, чтоб отбить охоту шастать по ночам. А ты думаешь — я тебя боюсь? Чего мне бояться? Я знал, что делал, когда бил в спину. Ты не видел свою смерть в лицо, и власти надо мной у тебя нет. И раньше не было. А что под окнами шатаешься, так это я стерплю. Ты мне спокойно спать не даешь, я — тебе. Выходит — квиты. Ну, лежи. Отдыхай. А щенок твой встревать вздумает, так и он рядом уляжется...

И тут меня подвела нога, затекшая от неподвижности. Я шевельнулся, и человек, быть может, как и я, напуганный живым мертвецом, рванулся и выскочил из усыпальницы, уже не заботясь о тишине. Я метнулся следом.

Скрип гравия и шорох листвы подсказали мне направление. Убийца отца уходил садом. Эта безумная ночная погоня сквозь пышно разросшиеся розовые кусты, меж темных деревьев, нависавших надо мной, как призраки сада, была едва ли не самой сумасшедшей из всех моих авантур. Я оскальзывался в траве, мокрой от ночной росы, спотыкался о корни, падал, вскакивал и снова бежал, пока наконец неясный шорох впереди не стих совсем.

Вернулся я уже под утро. Грязный. Промокший. В порванном камзоле. Стащив его с плеч, я торопливо запалил свечу. Но, оказалось, неожиданности этой ночи еще не кончились.

На низком столике лежало письмо. Я склонился к единственной свече и с растущим удивлением прочел:

«Карлос де Кастильяно.

Ты прав. Замок хранит множество тайн и все они – смертельны. Но тех, кого ты успел полюбить, хранит невидимый щит. И так будет, пока ты молчишь о том, что успел узнать, и не тревожишь тени минувшего.

Убийцу покарает провидение, и люди помогут ему. Не вмешивайся в борьбу, начатую не тобой».

Подписи не было.

Я так и не лег до самого рассвета, размышляя над таинственным письмом. Кто мог написать его? Вальдоро?

Убийца? Кто-то третий? Неужели он думал, что сможет напугать меня так, что я кинусь отсюда без оглядки?

Но почему-то я не был убежден, что меня хотят напугать. Скорее, это было предупреждение. И в замке, кроме таинственного врага был у меня неведомый друг. Но кто?

Кроме привратника, так неласково приветившего меня в день приезда, у мачехи было еще двое слуг. Конюх и старик-садовник. Кроме того, две крестьянские девушки приходили убирать за поденную плату. Платили им очень щедро, но ни Лусия, ни Лупита ни в какую не соглашались совсем переехать в «нечистый замок». Однако не девушка же, в самом деле, говорила таким сиплым голосом и не слуга написал письмо таким прекрасным слогом.

Седой, но жилистый малый, что ходил за лошадьми донны Коломбы, больше всякого другого походил на отпетого висельника. Он был ловок не только со шпагой, висевшей у его бедра, в нарушение всех обычаев, но и с кривым кинжалом-навахой. И был не то чтобы не разговорчив, а, похоже, вообще нем. Кроме языка у конюха сеньоры отсутствовало левое ухо. Вместо него темнел страшноватый шрам, который тот и не пытался прятать.

Лучшего убийцу при всем желании не нашел бы не только я, но и господин алькад. Несколько дней я не спускал с него глаз, но ничего, понятно, не выяснил. Кроме того, что госпожа Коломба доверяет этому своему слуге безоглядно и, наверное, знает, что делает.

Садовник был действительно очень стар и от дряхлости впал в тихое помешательство. Часами он разговаривал со своими цветами и больше ничего не замечал.

Привратник, Маттео Сагрэда, тоже, поначалу, не вызвал никаких подозрений. Служил он недавно, но очень старательно, и совсем не боялся бедной донны Коломбы. Я заподозрил ловкого малого, когда Лусия вскользь обмолвилась о добром сердце Маттео. Оказалось, тот содержит свою овдовевшую сестру и троих ее детей, двое из которых – девицы на выданье. И даже купил им дом в городе. После завтрака я зарядил пистолет и, сунув его за пояс, спустился по дорожке к воротам. Сеньор Маттео Сагрэда сидел на траве, вытянув ноги в сапогах из дорогой кожи. На широкие плечи был наброшен красный камзол, шедший ему, как корове седло. Он пускал в небо кольца табачного дыма и задумчиво смотрел на пыльную дорогу, сбегаящую от железных ворот вниз по склону и пропадающую в зелени акаций.

Я бесшумно приблизился сзади, облокотился на массивный столб ограды и тихо свистнул особым образом.

Привратник среагировал сразу. Он вскочил, обернулся и, увидев меня, беспокойно завертел головой. Мысленно я похвалил себя за верную догадку. Маттео поклонился и поприветствовал меня, не переставая озираться.

– Мы одни, – обронил я, подходя ближе, – и, как только что выяснили, принадлежим к одному рыцарскому ордену. Мне кажется, нам нужно объясниться, брат по вере.

Достойный малый прекратил вращать глазами и уставился на меня, словно увидел, по меньшей мере, слона.

– Ты обращаешься со стилетом, как сапожник, – презрительно бросил я, наблюдая за его лицом.

К чести разбойника, оно лишь слегка дрогнуло и сразу же приняло прежнее, почтительное выражение.

– Что же такое говорит господин. Не разберу я.

– Я объясню, – положив руку на рукоять пистолета, я произнес это так, словно никаких сомнений у меня не было.

– За что ты убил своего хозяина?

Лицо привратника, грубоватое, с хищным прищуром, вдруг сделалось обиженным.

– Бог вам судья, молодой хозяин, а только зря вы так. Здесь и так служить никого не заставишь. Из-за сеньоры, а вы человек новый...

Я не стал его слушать, потому что прекрасно знал, что он скажет дальше. Вынув из-за пояса пистолет, проверив его, я направил оружие в обширный живот разбойника.

– Я хочу получить ответ, и я его получу, или дьявол получит твою душу. Стоять! – прикрикнул я, заметив движение руки.

– Что ж, дело ваше, молодой хозяин, – произнес он, – зовите алькада. Я человек простой, мне ли спорить с сеньором. Но только то, что вы сказали – наговоры.

Я лишь пожал плечами:

– К чему утруждать алькада, человека в годах, почтенного отца семейства. Я собираюсь использовать свое феодальное право карать и миловать и через минуту, если не получу ответа, прострелю тебе брюхо и повешу твою медвежью тушу на воротах.

В желтых глазах привратника мелькнуло изумление.

– Молодой хозяин шутит?

– По-твоему, это смешно? – холодно спросил я. – За свою жизнь я пролил крови больше, чем выпил вина, и, можешь быть уверен, рука моя давно не дрожит.

Кажется, я его убедил. По крайней мере, на широком лице Маттео отразилась работа мысли.

– Ну, не знаю, сеньор, найдете ли вы в деревне человека на мое место, – проговорил он, – этого замка бояться, как бесова гнезда.

Я расхохотался прямо в лицо разбойника и заверил его, что, в крайнем случае, сам буду открывать ворота. Это не слишком дорогая плата за удовольствие, да и мачехе будет спокойнее.

Эта вторая догадка пришла в голову так же внезапно, как и первая, и, как и первая, попала «в яблочко». Маттео Сагрэда побледнел, толстые, мозолистые пальцы сжались в кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

– Итак, ты понял, что известно мне многое. Шутить я не собираюсь. Тебе придется вспомнить все молитвы, которым учила тебя матушка, если только до тебя не дойдет наконец, что быть живым и богатым лучше, чем мертвым и нищим, – чтобы подстегнуть воображение привратника, я слегка шевельнул пистолетом.

Он вздрогнул.

– Я бедный человек, дон Карлос. И вы, конечно, можете...

– Да, – перебил я, – ты человек бедный. Дом твоей сестры в городе мог быть и побольше, если бы хозяин случайно не догадался о твоём побочном заработке. Сколько ты вытянул из донны Коломбы? Как долго это продолжалось?

Наверно, тон мой был далек от вежливого. Маттео облизнул губы.

– Запираться бесполезно, – проговорил я. – Твое молчание не изменит приговора. Я его вынес, и я, если понадобится, приведу его в исполнение... Если только мы не договоримся.

– Что хочет молодой хозяин? – спросил этот мерзавец, не поднимая глаз. Похоже, он что-то соображал про себя, но меня мало беспокоили его соображения.

– Ты без утайки расскажешь мне, чем угрожал госпоже...

Маттео вскинул желтые глаза.

– А потом?

– Потом поклянешься на кресте, что забудешь замок Сильва и все его тайны так, словно никогда здесь не был. И тогда я разрешу тебе унести отсюда твоё брюхо. То, что ты успел украсть, останется при тебе. Советую соглашаться, Маттео. Моя снисходительность велика, но не беспредельна, и как раз сейчас ты узрел ее край...

Я был уверен, что добился своего, но неожиданно в разбойнике заговорила гордость.

– Сальтеодор не клянется под дулом пистолета.

– Какой ты сальтеодор? – презрительно усмехнулся я, засовывая пистолет обратно за пояс. – Ты просто мелкий вымогатель. Клянись и убирайся.

Клялся он искренне и набожно. Так, что был бы вполне удовлетворен сам великий инквизитор. Приняв клятву, я указал ему большим пальцем через плечо на дорогу и объявил, что у него есть час на сборы. Потом обернулся, чтобы уйти.

От неминуемой смерти меня спасла карибская выучка, и, наверное, глубокое убеждение, что никогда не следует верить человеку, который бьет в спину. Я мгновенно присел, обернулся и успел как раз вовремя, чтобы перехватить занесенный надо мной стилет. Мой удар не замедлил, и доблестный Маттео Сагрэда напоролся на кинжал, как жук на булавку. Он умер сразу. Это был «милосердный удар». Я научился ему у одного священника, лишённого сана за пьянство. Дела прошлые, но, резким движением выдернув из тела кинжал, я мысленно вознес молитву Господу за упокой души старого приятеля. Его наука не раз спасала мне жизнь и кошелек.

За спиной послышался легкий шорох. Я вскочил, обернулся и, наверно, впервые в жизни испугался по-настоящему. На меня пристально глядели огромные, прекрасные глаза Беатрис. В них трепетал ужас. Трудно объяснить, что я почувствовал в тот миг. Под ногами треснула земля, и я рухнул в бездну, так, по крайней мере, мне показалось. По отношению к этой девочке я всегда старался быть рыцарем. Недолго же я играл эту роль.

Как, черт возьми, объяснить ей это убийство? Но Беатрис решила за меня. Подобрала платье, она быстро подошла, не отводя взгляда.

– Я все слышала, дон Карлос.

И не успел я переварить это заявление, как тонкие руки вцепились в мой камзол, и я с трудом разобрал сквозь судорожные всхлипы:

– Боже, ведь этот негодяй мог вас убить.

Карлос мягко улыбнулся воспоминанию.

– Это было совсем не то, что я ожидал услышать. Но тогда я еще не знал Беатрис, как знаю теперь. Нежный, прекрасный цветок, но он возрос на почве, щедро политой человеческой кровью. Вальдоре занимались этим поколениями, впрочем, Кастильяно были не лучше...

Сейчас уже трудно сказать, какая из ошибок стала роковой, наделал я их немало. О нет, я не упрекаю себя за прошлое. Да, можно было поступить иначе. Я сегодняшний был бы осторожнее. Но я вчерашний был просто волчонком, у которого были зубы, была дерзость, но не было мудрости.

Разумеется, дон Хуан де Вальдоре знал о моих чувствах или, скорее, намеках на чувство к его дочери. Конечно, он этого не одобрял. Сын им же оклеветанной женщины не был завидной партией. Особенно, если учесть его репутацию отчаянного малого. Вальдоре не был уверен, что однажды не проснется от острого холода приставленного к горлу ножа. Он решил нанести удар первым.

Видимо, мои подозрения насчет девушек были отброшены чересчур поспешно. Ни одна из них не умела читать, но слушать и смотреть они обе умели отлично. И соображали хорошо. Иначе, откуда бы Вальдоре узнал о дарственной. Впрочем, может быть, на Лусию с Лупитой я грешу зря. У Вальдоре была своя челядь и, вероятно, были ключи.

Исчезновение привратника породило кучу невероятных слухов и еще больше укрепило крестьян во мнении, что «в замке нечисто».

А спустя неделю произошел этот разговор. Вальдоре навестил меня в моей комнате и, туманно намекнув на свои связи и долг по отношению к «сыну погибшего друга», потребовал объяснений: действительно ли я подарил замок и все окрестные земли донне Коломбо. Услышав от своего врага о том, что я считал тайной за семью печатями, я поперхнулся песней, которую насвистывал.

– Откуда у вас такие сведения, дон Хуан?

Он снисходительно улыбнулся.

– Не столь важно, откуда. Я знаю это. И, должен заметить, ваш поступок кажется мне... странным.

Пока он говорил, я успел прийти в себя и сообразил, как держаться.

– Вы находите странным, что сын ненавидит дом, из которого некогда с позором была выгнана его мать?

Вальдоро склонил голову в знак почтения к моим сыновним чувствам:

– Да, конечно. Но ваша мать сама навлекла на себя это несчастье. Она нарушила обет и была наказана.

Не дав ему договорить, я, как учил меня боцман «Люцифера», первым нанес удар:

– Вы хотите сказать, что между нами существуют родственные узы?

Вальдоро вздрогнул так, словно его ожгли плетью. Теперь он смотрел на меня совсем по-другому.

– Вы – хороший сын своей матери, но вы дворянин, – жестко сказал он. – Если б мой сын вернулся домой с таким послужным списком и с такой репутацией, я бы убил его или себя.

– Неплохо! – я щелкнул пальцами, изобразив наслаждение представлением. – Но если так, где взяли вы право оскорблять мою мать? Предупреждаю – еще одна двусмысленная фраза – и мне придется с вами драться.

– Драться? – брови Вальдоро резко сошлись к переносице. – Вы развеселили меня, юноша.

– Это сейчас, – заверил я, – потом вам будет не до смеха. У меня твердая рука, дон Хуан и, смею думать, такие же твердые понятия о чести.

В полумраке комнаты мягко полыхнула язвительная улыбка Вальдоро:

– Кстати, о чести. Мне больно вас огорчать, дон Карлос, но ваш отец, незадолго до своей гибели был э-э... введен в заблуждение... Которое вы, по неведению, поддержали... – Я ждал, и он продолжил: – Вы ошиблись, Карлос, и оказали покровительство не тому человеку.

– Что вы имеете в виду? – спросил я, хотя минуту назад решил молчать.

– Всего лишь то, – вкрадчиво проговорил дон Хуан, – что донна Коломба такая же итальянская княжна, как я – Святой Филипп. Она – дочь пирата и висельника Жерома Ферье. Любимая дочь!

Если этой новостью он хотел меня сразить, то жестоко просчитался. Я устоял на ногах и даже не побледнел.

– Ей можно позавидовать. У нее есть любящий отец. Впрочем, Вальдоро, вы не сообщили мне ничего нового и интересного. Я знал об этом.

Мой враг на мгновение опешил:

– Это невозможно...

– Отчего? – холодно спросил я. – Это мой дом и я волен делать с ним все, что пожелаю. И если здесь действительно есть человек, которого мне не очень приятно видеть, то это отнюдь не донна Коломба. Впрочем, я далек от мысли отказать этому человеку в гостеприимстве. Его, к сожалению, очень приятно видеть донье Беатрис, а желания доньи Беатрис в этом доме имеют силу закона.

Вальдоро покраснел от праведного гнева как вареный рак:

– Вы так и останетесь бродягой, дон Карлос де Кастильяно, граф де Сильва, сальтедор, пират! – выплюнул он и был, конечно, прав. Потому что эта фраза, вместо того чтобы вызвать благородный гнев, меня только развеселила.

– Вот спасибо, – улыбнулся я прямо в разъяренное лицо Вальдоро. – Тем лучше, дорогой сосед. И если я – всего лишь пират, то вы – всего лишь мошенник и вор, что не так уж плохо, принимая во внимание благородство наших предков.

На этом я оборвал разговор и вышел, оставив Вальдоро в глубоких раздумьях. Донну Коломбу я нашел сразу. Она сидела на скамье перед домом. Тонкая рука сеньоры лежала на

голове громадного пса, который ласкался к ней, как котенок. Я снова поразился тому, как тонка ее рука, как заострились черты лица, как бледны щеки. Не оставалось сомнений в том, что эта женщина серьезно больна и, может быть, вскоре замок увидит вторые похороны.

– Донна Коломба, – позвал я.

Женщина приветливо улыбнулась.

– Добрый день, дон Карлос.

– Скорее вечер, – ответил я. – Что вы можете сказать о нашем госте? Кажется, он чувствует себя в замке скорее хозяином, а?

Женщина как-то болезненно поморщилась.

– Кажется, человек достойный. Впрочем, я знаю его не так хорошо, как дочь.

– И это все? – поразился я. – Воистину, Господь не был столь милосерден, когда судил этот мир. А ведь Вальдоре не стал вас щадить.

Коломба сжалась, словно от удара. В глазах метнулся страх, но я быстро обошел скамью, сел рядом и взял ее руку в свою. Рука женщины мелко дрожала.

– Я могу кое-что добавить к вашей оценке, донна Коломба. Наш общий знакомый – отъявленный мерзавец, вымогатель, лжец и клеветник. За всю свою жизнь он совершил лишь одно хорошее дело, да и то потому, что сам не знал, что творит.

В глазах мачехи мелькнул озорной огонек. Она поняла меня и ответила улыбкой. И продолжал я, уже не торопясь.

– Сеньорина Ферье, госпожа де Кастильяно, мне нет дела до вашего отца как, по большому счету, нет дела и до своего собственного. Пусть будут кем угодно – аристократами или бандитами – это не нарушит нашего доброго согласия. Я явился в этот дом, как враг, но вы встретили меня, как друга, и остаться для вас другом я поклялся на распятии. Если же дон Хуан де Вальдоре или любой другой благородный идальго рискнет обидеть вас в этом доме, я не стану драться с ним на дуэли. Я спущу на него собак.

В отчем доме я прожил две недели. За это время я успел крепко подружиться с мачехой, завоевать расположение слуг, до безумия влюбиться в Беатрис и окончательно испортить отношения с ее отцом. В общем, это было неплохое время, и я был доволен им и собой. Но, видно, так уж устроен мир. Самый светлый и безмятежный миг судьба выбирает для своих вывертов. Я должен был догадаться, что Испания – это не Малые Антильские острова, и убийство здесь так просто с рук не сходит. Тем более, если кто-то позаботится о том, чтоб свершилась справедливость.

В тот день, объезжая верхом свои владения, я заметил светлое платье Лусии. Увидев меня, девушка замахала рукой и, подобрав подол, бросилась ко мне прямо через только что убранное поле. Я придержал коня. Сердце тревожно сжалось.

– Дон Карлос! – голос Лусии рвался. Девушка не могла отдышаться после быстрого бега. – В сухом колодце нашли камзол привратника. Он весь пропитан кровью. Маттео был убит!

Большие, влажные глаза девушки от испуга стали еще больше. Она перекрестилась, шепча про себя «Миссерере», а мне захотелось выразить свои чувства в таких выражениях, какие в присутствии дам не употребляют. «Вот и все, – подумал я, – конец моей беззаботной жизни. Конец богатству и дворянству». И это было бы еще ничего, но, превратившись из благородного идальго в сальтеодора, я навсегда терял Беатрис. Горькое чувство безнадежности нахлынуло, как прилив, и я в нем просто утонул. Обычно я так легко не сдаюсь, но тут было иное. Я словно ощутил Божий гнев. Среди бесшабашного пира я узрел видение повисшего над головой меча.

Лусия терпеливо ждала, пока я приду в себя и соберусь с мыслями. И только сейчас я заметил в ее руке белый конверт.

– Это от сеньора Хуана, – пояснила девушка.

Я побледнел. Впервые в жизни. Это был не страх. А если страх, то я его не узнал.

«Дорогой друг, – писал мне мой враг, – странные вещи происходят в Ваших владениях. Вероятно, в окрестностях водятся разбойники, и, хотя алькад ничего не слышал об этом, из

уважения ко мне он обещал заняться делами замка Сильва. Если, конечно, получит на то Ваше милостивое разрешение.

Р. S. Правда, моя дочь Беатрис объясняет эту историю несколько по-другому, но я считаю, что бедная девочка просто страдает нервным расстройством от переутомления.

Искренне Ваш *Хуан де Вальдоре* ».

* * *

Под прикрытием густого тумана, почти не поднимая весел из воды, к борту «Сан-Фелипе» подошли лодки, спущенные с «Королевы Марии». Используя свисающие с борта веревочные концы, корсары взобрались на борт «испанца», быстро «сняли» часовых, спустили трап, и дикая орда Волка хлынула на безмятежно спящий корабль.

Услышав шум, Карлос выглянул в коридор, прихватив, по долгой привычке, свою безотказную шпагу. Похоже, все было тихо. Но что-то мешало ему вернуться в каюту и досматривать сны. Он шагнул к лестнице, прислушиваясь к ночной тишине. Вглядываться в молочную муть было бесполезно. Неожиданно послышался сухой щелчок. Звуки в тумане обманчивы, но этот раздался так близко. Не раздумывая, Карлос бросился вниз, откатился к стене, и только тут его настиг оглушительный звук выстрела. Он вскочил, бросаясь на звук. В серой мгле мелькнула белая рубаха, и благородная шпага звякнула о сталь абордажной сабли.

– Черт возьми, что здесь происходит, – рявкнул Карлос, – вас послал Родриго?

Ответ озадачил капитана, ибо прозвучал по-английски.

– Бросай оружие, проклятый папист, и если твоя шкура стоит хотя бы три сотни песо – останешься жив.

– Кто вы? – уже спокойнее и тоже по-английски, спросил Карлос, до рези в глазах всматриваясь в смутные очертания человеческих фигур. – Откуда вы взялись?

– С неба, – усмехнулась темнота.

– И, видимо, ищете того, кто смог бы отправить вас назад? – резко спросил Карлос. – Дьявол! Вы попали по адресу.

Он стремительно выбросил руку в сторону темной фигуры и, похоже, достал ее шпагой. На вопль ответил топот сапог. Они загрохотали по коридору с той стороны, откуда Карлос не ждал врагов. Он отступил, коснулся стены, прижался к ней лопатками и снова сделал выпад. И снова шпага нашла цель. На ощупь в белом тумане, промокший как крыса, Карлос вертел шпагой так стремительно, что умудрился ранить пятерых, оставаясь невредимым. Пыл головорезов несколько поутих. Они топтались в трех шагах, не решаясь подойти ближе. В напряженной тишине странно прозвучал сухой смех капитана, больше похожий на кашель.

– Ну что, ангелы, жарко? И чего вам на небе не сиделось?

– Стреляй, Мэт!

Стремительное движение Карлоса на долю секунды опередило выстрел. Пуля ударила в дверь. Испанец выругался и, почти припав к земле, нанес удар. Шпага вошла во что-то мягкое. Возле уха просвистел кистень. Кольцо врагов сжималось. Быстрая, тонкая, безжалостная сталь плясала в руке Карлоса, кроша туман, отзывавшийся стонами и руганью. Прогремел еще один выстрел. Пуля обожгла бок, но сгоряча Карлос не заметил боли.

Не дожидаясь окончания потасовки, Ирис Нортон, которую выгнал на палубу звон клинков, наклонилась к цыганке и быстро зашептала:

– Меня могут обыскать, а тебя, скорее всего, не станут. Сохрани это.

Цепкие пальцы Хатиты сжали продолговатую трубку. Она ни о чем не спросила, полагая, что время для разговоров неподходящее. Маленький Диего стоял рядом, крепко вцепившись в загорелую руку своей новой подруги. Черные глаза поблескивали в полутьме с напряженным вниманием, но без страха. Группа заложников притихла, пытаясь осмыслить положение. Возня по всему фрегату стихала, прекратились крики, звон железа, грохот

падающих стульев в каютах. Тишина возвращалась, но теперь она была пронизана безнадежностью.

Свежий бриз раздернул занавес тумана, а потом и вовсе смел его вон. Ключки его еще прятались в складках спущенных парусов, но звезды уже гасли, а горизонт медленно розовел. Над «Сан-Фелипе», залитом кровью, загоралось утро. В маленьком коридоре толпился народ. Никто не хотел уходить, пока не свяжут капитана.

Внезапно Ирис ощутила сильную тревогу. Голос, который она услышала, показался ей знакомым.

– Так что, амиго, стоит твоя шкура три сотни песо или нет?

Ответа Карлоса девушка не расслышала, настолько захватила ее эта мысль. Тот хриплый, уверенный, но какой-то надломленный голос она знала. «Идите, леди и помните, что вам повезло». Это был голос Волка. Беда или наоборот удача? Быстрый ум Ирис уже прокручивал разные варианты спасения, и постепенно в душе крепла уверенность: она сможет переиграть пирата. Должна!

– Капитан, в трюме почти пусто, – доложили откуда-то из-за спины. – На всем корабле только несколько сундуков с тряпьем да железный ящик. Может, бриллианты?

Волк бросил обессиленного Карлоса, чтобы подойти к матросу... и узрел Ирис Нортон. Глаза их встретились. Кадык пирата судорожно дернулся, на жестком лице проявилось безмерное удивление. Серые глаза Ирис, готовой к борьбе, задорно сверкнули:

– Доброе утро, святой отец.

– Леди?!

Глава 11

Фрэнк Уорбайн напряженно всматривался в отдаляющиеся паруса на горизонте. Эти паруса принадлежали ни чему иному, как «бронзовому» бригу Джеймса Рика. Причем не было никаких сомнений в том, что именно делал Рик. Он удирал. Удивительного в этом ничего не было. Удивительным было другое: почему он ждал так долго?

В поход на Санта-Катарину Молодчагу Фрэнка никто не звал. Он навязался сам; памятуя о том, что на «бронзовом» бриге плавала сама Леди Удача. Во всяком случае, зубастая «Фортуна» никогда не возвращалась в Кайону без добычи. Положа руку на сердце, его «Альбатрос» был не хуже, просто в последнее время ему не везло. Не повезло и на Санта-Катарине. Золота там не оказалось, пленных Рик брать запретил, и вообще все сложилось не так, как мечталось. А их последний разговор вообще вышел каким-то странным. Когда Фрэнк объявил, что намерен следовать за «Фортуной» к берегам испанского Мэйна, Рик пожал плечами и ответил коротко и не слишком понятно: «Попутного ветра, Молодчага». Фрэнк пробовал угадать, что бы это значило, но быстро оставил это занятие. Когда Рик хотел, он становился непроницаемым, как иезуит. И, похоже, Молодчага Фрэнк наконец дождался ответа.

– Неплохой ход, не правда ли?

Фрэнк обернулся. За его спиной стоял Харди Мак-Кент. Они с Диком перешли на «Альбатрос» по просьбе Рика, больше похожей на приказ. Должно быть там, куда так спешила «Фортуна», пиратский капитан всерьез надеялся обойтись без них и их хозяйки.

– Вы что, на парад собрались? – спросил он, даже не пытаясь скрыть раздражение. Великолепный костюм Харди, позаимствованный, вероятно, у доблестного коменданта Санта-Катарины, нравился ему не больше, чем само присутствие шотландца.

– Я говорю, неплохой ход у «Фортуны». Его днищу не грозят ракушки! – Харди сложил руки на груди. – У него днище обито медью – можете себе представить.

– Могу! Но «Альбатрос» догонит ее в любой момент, – огрызнулся Фрэнк, задетый за живое.

– Еще бы. Под руководством такого капитана, как вы, мистер Уорбайн, это совсем не трудно.

– Это комплимент, сударь, или вы смеетесь надо мной?

Мак-Кенту не удалось ответить юному капитану. С марса «Альбатроса» донеслось:

– Парус по левому борту.

Фрэнк кинулся к фальшборту, вскидывая подозрную трубу. На траверзе действительно маячили чьи-то паруса. Сумрачное лицо двадцатипятилетнего капитана вмиг просветлело.

– Дай Бог, чтобы это был испанец, – восторженно произнес он.

– Вам непременно хочется схватиться с ним? – спросил подошедший Мак-Кент.

– Черт побери, что за вопрос? – отозвался Фрэнк, отрываясь от упоительного зрелища, – конечно, я буду драться. Вы что же, думаете, что только Рик да Волк показывают испанцам зубы, а все остальные способны показывать только корму?

Фрэнк снова вскинул трубу и застыл, пристально вглядываясь в очертания корабля, который вырисовывался по мере приближения.

– Всемогуший Боже, это испанец! Наконец-то! Наконец-то настоящее дело! – рявкнул Фрэнк так, что его услышали по всей шхуне. Дружные крики команды поддержали этот возглас.

До неприятеля оставалась всего лишь какая-то пара миль, когда «Альбатрос» сделал крутой поворот и приготовился к бою.

– Гарри, – позвал капитан, – Гарри, где тебя черти носят?

В мгновение перед Молодчагой вырос дюжий корсар в ярко-красной рубаше. Он, как и вся команда Фрэнка, был молод, невероятно силен и не склонен к долгим размышлениям.

– Гарри, – проникновенно сказал Фрэнк, – он нам нужен без единой царапины. – Поэтому всем быть готовыми к abordажу.

Гарри что-то буркнул в ответ, неуклюже кивнул своей огромной головой и торопливо удалился.

– Хотел бы я знать, как это у вас получится, милейший капитан, – с иронией спросил Харди, разглядывая приближающийся корабль.

– А вот это не вашего ума дело, – отозвался Уорбайн. – Можете мне поверить, мы собьем лоск с этого «испанца».

– Любопытно было бы посмотреть. Разрешите вам заметить, сэр, что этот «испанец» лоснится по меньшей мере тридцатью орудиями. И я не думаю, что его капитан, кем бы он ни был, так просто отдаст свой флейт.

– Не отдаст? Тем хуже для него, я возьму его силой и пленных брать не буду!

– Воля ваша, – равнодушно вымолвил Харди, – только прикажите своим людям надеть чистое белье. Многим из них предстоит последний путь.

Фрэнк отмахнулся от него, как от надоедливой мухи, и спустился на шканцы. Меж тем, испанцы привели свой флейт ближе к ветру. Они, вероятно, тоже заметили другой корабль в отдалении и решили на всякий случай поскорее разделаться с сумасшедшим капитаном шхуны...

Харди незаметно подозвал к себе Дика Вольнера. Совещание их длилось недолго.

– Делай, как я тебе сказал. Я пойду, отвлеку этого сосунка, а не то он нас всех угробит.

Напутствовав своего друга, Харди спустился вслед за Фрэнком, а Дик занял место у штурвала. Маленького штурмана слушали на «Альбатросе» охотно, признавая его отменное мастерство и отвагу. Впрочем, так было везде, где появлялся Дик. Однако на этот раз Молодчага Фрэнк решил по-своему.

– Эй, штурман, – заорал он.

И тут же замолк. Харди зашел сзади и приставил дуло пистолета прямо между лопаток.

– Молчите, сударь, иначе вы покойник, – невозмутимо произнес он.

– Какого черта? – попытался дернуться юный капитан.

– Прошу вас, не шумите, молодой человек. Не мешайте моему другу делать свое дело. Если вы решили покончить жизнь самоубийством, идя прямо на флейт, то мы с Диком далеки от этой мысли. И если вы будете немного терпеливее, то получите отличную возможность умереть в abordажной схватке. Со своей стороны я обещаю, что abordажную

группу вы поведете лично.

Образумленный его доводами, подкрепленными дулом пистолета, парень притих.

– Так-то лучше, – кивнул Харди. – Всегда приятно иметь дело с разумным и спокойным человеком. Теперь, мастер Фрэнк, я попросил бы вас убрать ваших людей, пока их не заметили с фрегата.

– Куда? Что вы затеяли? – опешил Фрэнк.

– Имейте терпение, молодой человек, всему свое время. Вы не забыли мою просьбу? – пистолет Харди сильнее надавил меж лопаток.

– Всем убратся с палубы, – заорал Молодчага, но голос его от напряжения сорвался.

Пираты обступили своего капитана, глядя на него в диком изумлении. С дисциплиной на «Альбатросе» было не слишком здорово. Фрэнк хотел что-то сказать, но пистолет шотландца сработал не хуже кляпа. Из-за спины Молодчаги выступил Харди.

– Господа. Ваш капитан пытается вам сказать, что он придумал очень веселую шутку насчет того «испанца», – Харди указал пистолетом в направлении фрегата.

Пираты глухо зароптали. Харди, жестикулируя пистолетом у самого носа Фрэнка, пустился в объяснения:

– Эта милая шутка пойдет нам только на пользу, уверяю вас. Мы заполучим этот фрегат, клянусь головой вашего капитана.

Нервы Уорбайна наконец не выдержали, и он заорал как дурной, обливаясь холодным потом.

– Вы слышали, дьяволы? У меня есть план. Живо вниз!

Все еще недоумевая, но уже без недовольства, пираты спустились вниз. Последними к люку подошли канониры, Харди толкнул ногой крышку.

– Канониры, к орудиям! Лечь на палубу с зажженными фитилями! – приказал он.

Щурясь, Харди силился рассмотреть, что происходит на флейте. Испанцы, как обезьяны вскарабкались по вантам и начали рифить грот.

Обрасопив фок и бизань, флейт сделал плавный оверштаг и пошел правым галфвиндом, по кругу огибая шхуну.

А «Альбатрос» шел все дальше по заданному Диком курсу. Маленький штурман намертво привязал штурвал и спрятался за надстройками. «Испанец» лег на параллельный курс. Дик инстинктивно вжался в палубу. И вовремя. Корпус флейта содрогнулся от бортового залпа. Вокруг «Альбатроса», словно приоткрылась дверь в преисподнюю! Чугунные ядра взбивали воду, как гоголь-моголь. Три из них попали в цель. Дик зажал уши. Скачущие по палубе обломки фальшборта заставили его в тревоге вскинуть голову и осмотреться. К счастью, обошлось без серьезных повреждений. Пока густой дым разделял противников, Дик метнулся к штурвалу и направил шхуну прямо на флейт. Когда ветер отнес облако порохового дыма, на испанском судне увидели всю ту же шхуну без признаков жизни. По крайней мере, Дик льстил себя надеждой, что ничего другого они увидеть не могли.

– Любопытно было бы знать, о чем сейчас думают испанцы, – помотав головой, вымолвил Харди.

– Черт бы вас побрал, – выругался Фрэнк, который лежал на палубе рядом с шотландцем.

– Не стоит волноваться, милый друг, – пропыхтел Харди, напряженно размышляя, но не о том, как успокоить Молодчагу.

– Он нас разнесет в щепки! – Фрэнк попытался подняться.

– Лежите смирно, молодой человек, – не глядя на него, рявкнул Харди. – У меня в руке все еще заряженный пистолет.

Пока Харди усмирял Уорбайна, один из пиратов осторожно выглянул из укрытия.

– Они приближаются, – доложил он. – Что делать дальше?

– Ждать, – отрезал шотландец.

Флейт медленно приближался, добавив парусов. Уже можно было рассмотреть

пушечные порты и сверкающие на солнце жерла орудий. До пиратов донеслись обрывки испанской речи...

– Пали! – скомандовал Харди, вскакивая, как кот.

Шесть пушек брызнули картечью. Она звонко ударила по корпусу «испанца», по орудиям, по людям. Два судна, продолжая сближаться, слегка коснулись друг друга реями.

– На абордаж, – дико взвыл Уорбайн, дождавшись своего часа.

Испанцы пытались оттолкнуть шхуну баграми, но Дик дал круто по ветру и корпуса столкнулись. Абордажные крючья мертвой хваткой вцепились в борт флейта, и пираты во главе с Молодчагой Фрэнком дикой, рычащей волной хлынули на вражеский корабль.

То, что на флейте завязалась дикая резня, мало беспокоило Харди. С недавних пор испанцев он любил не больше, чем «береговые братья», но вот то, что на юте вражеского судна испанский капитан выстраивал мушкетеров, это его всерьез беспокоило. На шхуне оставалось не больше десяти матросов. Резко, отрывисто Харди приказал установить на борту фальконеты. Пираты без промедления бросились исполнять приказ. Хладнокровные действия Мак-Кента и Дика против испанцев подняли их престиж на какую-то головокружительную высоту. Матросы Молодчаги действовали слаженно и невероятно быстро. Маленькие пушечки выплюнули заряд картечи и окатили стрелков горячим свинцом.

Когда рассеялся дым, Харди повернулся к матросам:

– Ну, что уставились? Путь свободен. Вперед! – и, обнажив саблю, перепрыгнул на вражеский борт.

Бой понемногу затихал. Обезоруженные испанцы толпились на шканцах. Пираты зло и без азарта добивали тех, кто еще сопротивлялся на баке. Последний всхлип умирающего – и все стихло.

Харди молча стоял над телом Фрэнка Уорбайна. Две маленькие дырочки чернели у него на груди. Самоуверенных идиотов Мак-Кент любил не больше, чем испанцев, но на душе у него отчего-то было скверно. Сзади, тяжело ступая по палубе, подошел Гарри.

– Он погиб первым, – пробасил он. – Его вон та сволочь пристрелила.

Обнаженной саблей пират указал на страшный труп испанца с размозженной головой. И довольно пояснил:

– Это я его.

– Нашел чему радоваться, дурак, – прервал его веселье подошедший Дик. Он был, слава Богу, жив, и даже не ранен.

– Гарри, – Мак-Кент повернулся к здоровяку, – ты был у Фрэнка вроде как помощник?

– Ну, – буркнул тот.

– Так вот слушай, здесь надо все прибрать. Мусор за борт, раненых в лазарет, а пленных в трюм.

Гарри вытаращил изумленные глаза на шотландца: «По какому праву вы здесь распоряжаетесь?» – говорил его взгляд. Харди спокойно выдержал его и так же спокойно спросил:

– Ты понял, Гарри?

Его имя он произнес чуть теплее. Пират неуклюже развернулся и отправился исполнять поручение. Дик Вольнер легко толкнул друга в плечо:

– Похоже, ты пользуешься авторитетом...

– Отцепись, – буркнул Харди, – и без того тошно. Видела бы меня сейчас миссис Мак-Кент... – после минутной паузы, которую Дик не решился нарушить, Харди повел плечами, словно стряхивая невидимый груз и уже другим тоном спросил: – Как мыслишь, дружище, сумеем мы догнать «Фортуна»?

– Должны, – пожал плечами Вольнер, – ты подумал о том же, что и я?

– Может быть. А о чем думал ты?

– О хозяйке. Судя по тому, какое количество провизии и воды загрузили на «Стейк», шхуна отправилась совсем не на Торгугу. И, сдается мне, Рик об этом отлично знает...

– Ты думаешь, он?.. – Харди не договорил.
– Он пират, – жестко закончил Дик. – Может быть, не Монбар, но и не Робин Гуд. Совсем не Робин Гуд.

* * *

Ранним утром, спустя три дня после описанных событий, на рейде испанского города Сантьяго-де-лос-Кавалерос появился стройный бело-голубой флейт под пурпурно-золотым флагом Кастилии. Комендант форта, дон Энрико де Гонсалес встретил военный корабль Его Католического Величества троекратным салютом, на что капитан флейта не замедлил ответить.

– Ну и как я вам? – спросил Рик, выходя из капитанской каюты.

На «Сарагосе» он находился вторые сутки и держал себя как вежливый и корректный гость, не посягая на права Харди. Стратегом он оказался великолепным и хваткой обладал поистине волчьей, но что у него было на уме, что в сердце, Харди так и не понял. Три или четыре раза шотландец пытался завести разговор о «Стейке» и о пропавшей мисс Нортон, но кроме пожатия плечами ничего не добился и наконец отстал. Вечером, перед штурмом, Рик нашел Мак-Кента на мостике, попросил подзорную трубу и долго вглядывался в темноту. Судя по карте, городок находился как раз в той стороне, но Харди разглядеть его в ночи даже не пытался. А Рик, похоже, видел. Вернув трубу с вежливой благодарностью, Рик еще немного помолчал, потом спросил:

– После штурма вы собираетесь меня оставить?

По форме это был вопрос, но прозвучал он утвердительно. Харди промолчал, потому что ответа, похоже, не требовалось.

– Возможно, вы и правы, – продолжил Рик своим особым тоном: задушевым и отстраненным одновременно, – очень возможно, что Керби Клейн охотится где-то у этих берегов. Но я, право, сомневаюсь. Он намного обогнал нас. Побережье большое, но мест, где «Стейк» мог бы взять добычу, не так уж много. Пожалуй, всего два. И я их оба видел. Керби там не было. Я почти могу поручиться. Клейн оставляет после себя широкий кровавый след, и по этому следу любой из «береговых братьев» его легко найдет... Я не вижу здесь его следов.

– Где же он может быть? – спросил Мак-Кент.

– Мисс Нортон очень дорога вам? – вместо ответа спросил Рик.

– Черт возьми... Еще бы. Она мне как дочь. Что вы хотите сказать? – помимо воли шотландец не на шутку встревожился.

– Был шторм, – ответил наконец корсар.

Больше в тот вечер он не прибавил ни полслова, и как Харди не наседал на него, все попытки выяснить хоть какие-то подробности, как волна о риф, разбивались о каменное молчание Рика. Задетый Мак-Кент вспылil и наговорил Рiku много отменно нехороших слов, но тот как будто не слышал. А утром появился на палубе и заговорил с Харди как ни в чем не бывало. Шотландец смущенно крякнул, потом махнул рукой и повеселел.

– Неплохо, очень неплохо, – он оценивающе оглядел Рика и вышедшего следом Дика Вольнера. – Из вас, если еще потренироваться, получатся отменные сеньоры.

Шотландец был не совсем прав. Сеньоры и так получились хоть куда. Достаточно было взглянуть на длиннющие эспадроны и воинственно блестящие на солнце кирасы.

– В этих железках, – маленький штурман стукнул себя в грудь, – я чувствую себя, как черепаха.

– Милый друг, – широко улыбнулся Харди, – в черепахах самое ценное – это мясо.

Шагнув к другу, он со знанием дела пощупал его мускулистые руки.

– Жестоковато. Так что успокойся, испанцы тебя не съедят.

– Харди, остаешься за старшего, – перебил Рик. – Если через час мы не вернемся с лоцманом, можешь разнести эту богадельню по камешку.

«Испанцы» спустились в шлюпку, где их уже ждала пара дюжих гребцов. Харди перевалился через фальшборт.

– А если вернетесь?

– Тогда мы разнесем ее вместе, – улыбка, которой корсар одарил Мак-Кента, любого его матроса приподняла бы на три фута над землей. Он редко улыбался ТАК.

Шлюпка плавно скользнула вдоль борта. Харди проводил ее глазами и чертыхнулся.

Тем временем «Фортуна», ведомая Дэнни Расвеном, медленно шла вдоль берега. В кильватере брига следовал «Альбатрос». Пираты пытались найти удобное место для высадки. Они уже час всматривались в крутые берега, продвигаясь все дальше. Наконец в скалах показался просвет, и Дэнни дал команду встать на якорь.

Корсары высаживались на шлюпках. Когда ударный отряд – двести молодцов – построился на берегу, Дэнни посмотрел на солнце. Оно приближалось к зениту. Штурман задумался, прикидывая расстояние до города.

Размышления его прервали разведчики, которые только что вернулись.

– Ну что, Гарри, как там дела?

Здоровяк Гарри в своей неизменной ярко-красной рубахе протолкнул вперед какого-то крестьянина.

– Путь свободен. Этот будет проводником, – он шлепнул свою могучую руку на тощее плечо испанца, и тот быстро, торопливо закивал в знак согласия. Дэнни не стал расспрашивать верзилу, где тот его раздобыл. Он махнул рукой в сторону леса и отдал короткий приказ: «Вперед!»

* * *

Рик и маленький штурман вернулись через час.

– Как пошли дела? – вместо приветствия спросил Харди, когда они поднимались по канатной лестнице.

Рик ловко соскочил с борта на палубу.

– Отлично, Харди, – ответил он. – Просто отлично. Лоцмана они нам не дали. Комендант отправился к губернатору испросить на то разрешения.

– Тем лучше, – заметил шотландец, – у ребят будет время подойти поближе.

– Думаю, ответ будет не раньше вечера, – отозвался Дик. – А пока можно отдохнуть. Мне чертовски надоели эти штуки.

– Ступайте, – королевским жестом разрешил Харди. – Я тут за всем присмотрю.

Мак-Кент обзрел флейт с квартердека. Палуба была пуста. Только двое пиратов-часовых медленно мерили шагами шканцы. Остальные отдыхали на нижних деках. Неожиданно Харди вздрогнул и обернулся. За его спиной стоял Рик. Как он подошел – Мак-Кент не услышал.

– Вы еще не передумали навестить семейство Вальдоро? – спросил он без всякого вступления.

– А что? – Харди слегка удивился. О своем намерении «потолковать по душам» с доном Родриго он не говорил никому. Даже Дику.

– Вы плохо знаете язык и местность. Вам необходим союзник, Харди.

– Хотите составить компанию? – слегка удивился Мак-Кент.

Рик сдержанно улыбнулся.

– В моей компании вы сможете попасть только в одно место, но зато очень быстро, – заметив вопросительный взгляд, Рик пояснил: – На виселицу. Мою персону тут слишком хорошо знают и не любят. Нет, Харди, я – это очень неподходящая компания. На море – может быть, но не на берегах Мэйна. Но здесь есть человек, который поможет вам без приключений добраться до Маракайбо.

– Что за человек? – насторожился Мак-Кент.

– Женщина, – Рик загадочно улыбнулся.

– Какая женщина? – опешил Харди.

– Красивая. Умная. Честолюбивая и очень жестокая. Вы сможете ей доверять.

Около шести часов вечера на борт флейта поднялся лоцман. Корабль ожил. Матросы заняли свои места.

Паруса забрали ветер и понесли «Сарагосу» в городскую гавань. От форта, который запирает вход в залив, до городка Сантьяго-де-лос-Кавалерос было не больше мили, и красавец флейт, закончив все маневры, встал на якорь так, что основная часть города оказалась под прицелом бортовых орудий. Рик кинул лоцману пару монет, и тот, чрезвычайно довольный, поспешил на берег.

– Не будем торопиться с визитом, – решил Рик, – пусть комендант думает, что мы устали с дороги.

– Мудрое решение, – одобрил Харди.

– Дэнни наверняка уже близко, – задумчиво произнес Рик.

Темная южная ночь обволокла мачты «Сарагосы» и плотно укутала Сантьяго-де-лос-Кавалерос. В городе давно погасили огни. Жители спали. Харди нашел Рика на мостике.

– Все готово, капитан. Люди в шляпках...

Рик вглядывался в темноту, жестко шурясь.

– Интересно, куда провалился мой дорогой помощник? – проговорил он больше себе, чем Харди. И, словно в ответ на вопрос, позади, у форта послышались оружейные выстрелы.

– Наконец-то! – шумно выдохнул Рик. – Харди, пора будить это сонное царство.

* * *

Штурм Сантьяго-де-лос-Кавалерос начался.

Бортовые орудия рывкнули, выпустив по городу заряд. Канониры подскочили к пушкам. Банник, шомпол, заряд, ядро, фитиль. Огонь! И город снова содрогнулся под чугунным градом. А шляпки с пиратами, во главе с Риком, уже летели к пристани.

Сонные жители в суматохе вываливались из своих домов, пытаясь сообразить, в чем дело, и тут же попадали в руки пиратов. Но приказ Рика был суров: мирное население не трогать. Ослушавшиеся будут повешены на реях «Сарагосы». С отрядом народной милиции, что вышел в одном из переулков навстречу «береговым братьям», справились легко. В течение каких-нибудь тридцати минут в городке сменилась власть. Сантьяго-де-лос-Кавалерос перешел в руки пиратов, почти без потерь с их стороны.

Но оставался форт, где храбрый дон Энрике пытался сопротивляться. Высадив пиратов на берег, «Фортуна» и «Альбатрос» взяли обратный курс и появились в проливе как раз тогда, когда защитники форта думали, что жестокая судьба уже исчерпала свои сюрпризы. И, услышав выстрелы, верный знак того, что Дэнни пошел на штурм, дружно накрыли огрызающийся форт двумя мощными залпами.

Разбив ворота форта, корсары бросились на приступ с тем неистовым мужеством, в котором испанцы видели одержимость, из-за которого на берегах Мэйна их называли «демоны». Ночь скрывала их от мушкетеров, без толку паливших в темноту.

Дон Энрике и все уцелевшие после залпа солдаты, прижавшись к стене квадратом, отчаянно отбивались от наседавших врагов. Однако не родились еще такие солдаты, которые смогли бы сдержать натиск «береговых братьев», особенно, если их вел Дэнни Расвен. В чаду, среди горящих стен, он был и вправду похож на демона. Оборванный, черный от копоти, залитый кровью врагов и друзей, он яростно рубил и колол, перешагивая через упавшие тела, расчищая дорогу своим людям и упорно пробиваясь вперед, ни на минуту не теряя из виду дона Энрике, окруженного плотным кольцом офицеров. Он еще успел подумать, что, наверно, испанец был стоящим командиром, раз его люди до последнего прикрывали его собой...

Дэнни не заметил, как остался с седым испанцем один на один. Они посмотрели в глаза друг другу. Оба валились с ног от усталости, оба были легко ранены, оба прекрасно владели

оружием. И оба знали, на чьей стороне будет победа. За штурманом «Фортуны» стояли отчаянные «береговые братья». За доном Энрике была только полуразрушенная стена. Испанец, тяжело дыша, опустил оружие.

– Сеньор, вы сдаетесь? – выговорил Дэнни против желания уважительно.

Идальго не ответил. Без проклятий и без молитвы, не спеша и не медля, он повернул свой эскадрон и ринулся на нее узкой грудью. Никто не успел его остановить. Да никто и не пытался. Среди людей Дэнни не было трусов и им достало благородства оценить мужество врага, принять его выбор и не слишком печалиться об утраченном выкупе.

По команде Дэнни пираты еще раз зарядили мушкеты и выстрелили в воздух. Они были довольны, что сделали это. По самим «береговым братьям», они знали это, вряд ли когда-нибудь прозвучит последний салют. Для остальных корсаров это прозвучало, как сигнал, что форт взят. С флейты ответили двойным залпом. Харди дал знать, что город в их руках.

* * *

Большой дом с белыми колоннами и широкой парадной лестницей вдыхал вечернюю прохладу через открытые окна. Он очень уютно расположился в глубине ухоженного сада. Цвели азалии, пели птицы, над аллеями стоял одуряющий аромат. В этом райском уголке, созданном для жизни и наслаждения, висел устойчивый дух тихой паники. В темном саду, где вечерами так любила гулять донна Пилар де Медина, сейчас расположились весьма живописные личности. Сквозь листву просвечивали синие рубахи и яркие, цветные платки. У нынешних обитателей дома и сада были твердые, широкие ладони, загорелые лица, а на поясах болталось по такому внушительному арсеналу холодного и огнестрельного оружия, какой сделал бы честь коллекции его превосходительства губернатора. Гарнизон города Сантьяго-де-лос-Кавалерос, вернее, того, что от него осталось, был связан и заперт в церкви. Жители же поспешили сами запереться в своих домах, шепча молитвы и истово крестясь. Сам губернатор сидел в глубоком кресле и грыз ногти. Больше он ничего сделать не мог. Вторые сутки городок, принадлежавший испанской Эспаньоле и находившийся на полуострове, образуемом рукой Яке, был в руках «берегового братства».

Дверь отворилась. Широким, легким шагом в комнату вошел человек среднего роста, русоволосый, одетый так просто, словно был матросом, а не «адмиралом» пиратского флота. В сравнении с фиолетовым камзолом дон Руиса де Медина, расшитым золотым позументом, его простая белая рубаха смотрелась невзрачно. Но между людьми контраст был еще разительнее. Насколько бледен и растерян был дон Руис, настолько спокоен был Джеймс Рик. Он окинул губернатора острым, внимательным взглядом и едва заметно поморщился.

– Итак, дон Руис, я вижу, что двенадцать часов, которые я вам дал на размышления, прошли впустую.

Он говорил по-испански. Рик знал этот язык в совершенстве, много лет назад изучил по настоянию приемного отца, да и практики было предостаточно. Правда, это был несколько не тот испанский, который преподавали на курсах «Ешко», в нем было многовато сильных выражений и обращений к Мадонне и большая примесь арабского. Пожалуй, в «той» Испании его бы если и поняли, то с трудом. Но здесь говорили именно так.

Губернатор поднял измученные глаза цвета несвежего мяса и невнятно пробормотал.

– Ну почему без пользы?

– Без видимой пользы, – поправился корсар, – я не вижу выкупа. Двести тысяч песо за город, сто – за вашу семью и пятьдесят – лично за вас. Итого – триста пятьдесят тысяч песо. Эту сумму можно собрать за срок, вдвое короче отпущенного, однако я ее не вижу.

– Жители спрятали свои сбережения, – развел руками дон Руис.

Капитан «Фортуны» усмехнулся.

– Значит, виноваты жители. Они, видимо, не понимают, что сделают с городом мои

матросы, если цепь дисциплины, на которой сидят их худшие инстинкты, внезапно лопнет.

Губернатор беспомощно улыбнулся. Бог свидетель, он старался, но пираты и так выгребли все, что можно, перебили скот. Нападение было столь стремительным, что гарнизон не успел подготовиться.

– Мне, вероятно, следует вам посочувствовать, – усмехнулся Рик. – Мои корсары – тихие ребята. Они не обижают и мухи... без приказа. Да вы и сами видите, дон Руис, ни единой капли крови мирного населения за два дня. И ваши жители это оценили, дон Руис. Очень высоко оценили. Настолько высоко, что сами, не дожидаясь вас, собрали нужную сумму и вручили ее вашему сыну. Сегодня утром я ее получил.

– Вы... куп внесен? – от изумления губернатор привстал. – Но тогда, простите... что вы здесь делаете?

Недоумение губернатора было таким искренним, что пират по-настоящему развеселился.

– Вы забавны, ваше превосходительство. Неужели вы считаете, что так любимы народом?

Глаза неопределенного, серо-бурого цвета отразили напряженную работу мысли. Впрочем, работу бесполезную, так как через минуту губернатор спросил:

– Что вы хотите этим сказать?

На этот раз плечами пожал Джеймс Рик.

– Двести тысяч. Всего двести. За город. Неужели вы думали, что они станут выкупать вас?

– Ах, вот что, – с опозданием понял губернатор. Он озабоченно потер крупный, грушевидный нос. – Но у меня нет таких денег, сеньор Рик. В самом деле, нет.

– Вот как? А ваша супруга, госпожа Пилар, говорит, что деньги есть.

Тонкие, синеватые губы губернатора дрогнули. Рик метнул в него пронзительный взгляд, и дон Руис проглотил слова. Но через мгновение он все-таки решился и произнес, глядя в глаза пирату:

– Ва... ши люди забрали все. Они не только выгребли столовое серебро, но даже сняли занавески. Я нищий, сеньор капитан. После вашего отплытия моей семье придется голодать. Пилар, высокородная сеньора, пойдет просить милостыню, сын – молодой дворянин, выйдет на большую дорогу. Вы обрекли нас на великие страдания, капитан Рик.

Улыбка медленно сползла с лица корсара. Оно стало жестким. На переносице залегла складка. С минуту он стоял у раскрытого окна, заложив руки за спину, затем медленно, широким шагом подошел к креслу, где примостился губернатор. Он глядел на бледного, высохшего человечка сверху вниз ничего не выражающим взглядом, и дон Руис обливался холодным потом.

– Так, значит, я обобрал вас до нитки? – задумчиво спросил Рик.

– Да, сеньор, – коротко ответил губернатор.

– И выкуп вы заплатить не можете. Но неужели у вас ничего не припрятано на черный день?

– Видит Бог, вы забрали все, – снова испугался губернатор, – даже серьги из ушей моей супруги. Я нищий, как церковная крыса.

– Что же мне делать? – спросил пират самым серьезным тоном.

Губернатор, не ожидавший вопроса, вытаращил серо-бурые глаза.

– Ва... ше великодушие, капитан Рик, столь известно в этих краях...

– Мое великодушие? – Рик криво усмехнулся. – Мое великодушие – мое личное дело, и я легко забуду о нем, если потребуется... Об этом тоже должны знать в этих краях. Я мог бы пережить недостачу ста пятидесяти тысяч песо. Но ведь я – не один.

Он вопросительно взглянул на дона Руиса, приглашая обсудить ситуацию вместе. Тот заерзал в кресле.

– Вы взяли богатую добычу. Ва... ш авторитет столь высок, что вы без труда...

– Я не обманываю своих людей, – отрезал капитан. Они вновь замолчали. Заходящее

солнце окрасило розовым белую обивку на стенах. И загло золотое шитье на костюме губернатора.

– Есть один способ уладить разногласия, – проговорил корсар, и люди, хорошо знавшие Рика, взмолились бы, пожалуй, чтобы он замолчал.

Дон Руис Рика не знал.

– Донна Пилар, конечно, не должна просить милостыню. А ваш сын – очень приятный молодой человек и совсем не разбойник по призванию.

Дон Руис воспрянул духом. А корсар продолжал:

– Поэтому я поступлю справедливо и милосердно. Раз вы не можете заплатить золотом – вы заплатите кровью.

– Что? – испанцу показалось, что он ослышался.

– Кровью, – невозмутимо повторил Рик. – Я вас всех расстреляю.

Слова тяжело упали в тишину старинного особняка. Дон Руис смотрел на корсара широко открытыми глазами...

– Нет, – выговорил он наконец. – Вы не сможете так поступить.

– Кто же мне помешает?

– Вы никогда не воевали с женщинами!

– Значит, сейчас начал, – безразлично отозвался Рик.

Он шагнул к окну и крикнул:

– Дэнни! Дэнни Расвен!

Физиономия штурмана «Фортуны» тотчас возникла в окне. Весь вид Дэнни выражал готовность служить, чем может и как получится. Глаза поблескивали, щеки горели. Видно, Дэнни не без пользы провел этот день.

– Где жена и сын губернатора? – спросил Рик.

– В купальной комнате, – отрапортовал Дэнни. – Связаны. Заперты. Приставлена охрана.

– Женщину вывести на задний двор и расстрелять. Сейчас. Мальчишку – через десять минут, если эта жадная скотина не образумится.

Приказ был отдан по-испански... и с таким жутким равнодушием, что дон Руис похолодел от ужаса. Немигающим взглядом он смотрел, как пираты выводят женщину. Черные косы Пилар были распущены, платье смято. На лице – бледном, как маска самой смерти, сверкали с истинно кастильской гордостью прекрасные карие глаза.

– Вы не можете так поступить, – убежденно повторил дон Руис, не отводя остекленевшего взгляда.

Рик промолчал.

– Обращаюсь к вашему состраданию! У меня нет этих денег.

Корсар взглянул на дона Руиса брезгливо и недоверчиво.

– К чему вы обращаетесь?! Вы спятили, уважаемый. И не от горя, а от жадности, – усилием воли капитан подавил гнев и заговорил спокойнее. – Если я сейчас отпущу вашу супругу, мои корсары решат, что мы договорились полюбовно и через минуту вы окажетесь на ее месте, а я составлю вам компанию. Остановить казнь можете только вы. Но не я.

– У меня нет денег, – прошептал дон Руис.

Женщине завязали глаза и поставили на колени. Седой пират в разодранной до пупа рубахе приставил к затылку Пилар пистолет... и Рик взглянул на губернатора. Тот молчал, закусив губу. Едва заметно пират кивнул.

Прогремел выстрел. Не вскрикнув, женщина мешком упала в траву.

– Пилар! – ахнул губернатор и рванулся к окну, но был остановлен железной рукой капитана.

– Пустите! – с ненавистью крикнул он, – пустите меня к ней. Вы все-таки это сделали, английские собаки. Вы убили ее! Вся ваша слава великодушного и справедливого человека – ложь! А я до последней секунды думал, что это – комедия! Да пустите же! – дернулся он.

– Сядьте! – рявкнул выведенный из себя Джеймс Рик. – Это еще не конец спектакля.

Дэнни! Уберите тело и приведите мальчишку.

Теперь уже не только глаза – все лицо губернатора приобрело оттенок несвежего мяса.

– Пилар, – прошептал он, провожая взглядом матросов Рика, которые волокли тело испанки. – Будь ты проклят, Джеймс Рик. Я покажу тайник.

* * *

Солнце село. Лишь узкая темно-красная полоса тлела на горизонте, и небо, чуть светлее черной земли зажигалось низкими, но блеклыми пока звездами.

Испанка не зажигала свет. Черные силуэты старинной мебели едва виднелись в полумраке. Она устроилась, поджав ноги, среди разбросанных подушек на кровати с высоким изголовьем. Прямо над головой, на узкой полочке, стоял образок Девы Марии, но лампада не горела.

Подперев рукой подбородок, Пилар предавалась созерцанию довольно объемного сундучка, до самого верха забитого жемчугом, золотыми цепями, тонкой работы кубками... Сундук стоял прямо на полу, и последние лучи солнца играли в гранях крупного бриллианта, украшавшего прекрасную диадему. Испанка осторожно, обеими руками взяла украшение. Примерила. Да, если этой великолепной вещи чего-то и не хватало, то только ее черных волос и надменных карих глаз. Они не сияли, подобно звездам, но поражали глубиной и скрытой силой. Красавица! Все еще красавица. На островах это редкость в ее возрасте. Жизнь не щадила Пилар Вальдоро де Медина, но время обошлось с ней гораздо мягче. Несмотря на потерянные годы и пролитые украдкой слезы, она все еще неотразима. И зеркало подтверждало это.

Дверь за спиной Пилар бесшумно отворилась, и в комнату шагнул корсар. Испанка не обернулась, продолжая вглядываться в черную пустоту зеркала.

– Вы необыкновенно прекрасны, Пилар, – произнес Рик, ничуть не лукавя.

Женщина грустно улыбнулась:

– Уже старуха.

– Вам не дашь больше двадцати пяти, – возразил корсар, слегка покривив душой.

– И, тем не менее, мне уже тридцать шесть.

На лице испанки, смывая удовольствие, проступило сожаление. Гость поспешил сменить тему.

– Вы отлично сыграли свою роль, Пилар. Я сам готов был заложить душу дьяволу, что вы – покойница.

– Еще бы. За такой гонорар, – женщина рассмеялась тихим, довольным смехом, – этот скупец копил деньги всю жизнь, отказывая сыну и жене в самом необходимом. Поверите ли, сеньор Гомес, мы ни разу не были в Мадриде.

– Охотно верю, – кивнул Рик, – однако вы неплохо отомстили ему, Пилар. Здесь ценностей на полмиллиона, и это только ваша доля. Теперь вы богаты, а значит – свободны.

– Руис убит? – спросила женщина. Голос ее не дрогнул, выражение лица не изменилось.

– Мне незачем было его убивать, – отозвался Рик.

– М-м... Я бы предпочла, чтобы вы его убили. Хотя бы за то, что он католик.

– Так ведь и вы – католичка, – невольно улыбнулся Рик.

Пилар улыбнулась в ответ. Закат наконец погас, и в темноте комнаты светились только ее глаза. Бесшумно она скользнула с кровати. К Рiku.

– Я – другое дело. Я – женщина.

– Это трудно не заметить, – признался Рик. – Но что вы еще хотите, Пилар.

– Освободите меня от мужа, – прошептал низкий бархатный голос – закончите то, что вы так хорошо начали, сеньор Гомес. И забирайте половину того, что в этом сундучке. Это много.

– Много, – согласился Рик.

Он не отстранился от испанки, но так произнес это «много», что сама Пилар невольно отпрянула.

– Я не торгую кровью, – продолжал Рик, словно не заметив ее испуга, – ни своей, ни чужой. И я пришел потому, что хотел просить вас об услуге.

– Об услуге? – холодно повторила женщина.

– Два моих человека должны как можно скорее попасть в Маракайбо.

– В Маракайбо... – снова повторила Пилар.

Женщина стояла совсем рядом, но была далекой, как та звезда, что заглядывала в окно спальни.

– Почему я должна помогать вам? Ведь вы не хотите помочь мне.

– Эти люди – враги Родриго Вальдоре, – ответил Рик.

– Это меняет дело, – после минутного молчания отозвалась испанка. – Враги Вальдоре – мои друзья. Я помогу вашим людям, сеньор Гомес.

Рик кивнул, словно другого и не ожидал, поцеловал руку Пилар и вышел. Спускаясь по мраморной лестнице в сад, он думал о судьбе этой незаурядной женщины. Они познакомились пять лет назад. «Фортуна» захватила испанскую шхуну «Сан-Фернанде», принадлежавшую дону Руису де Медина, и это был самый крупный приз за всю пиратскую карьеру Рика. Пилар и ее двенадцатилетний сын оказались пленниками на «Фортуне», но не расстроились по этому поводу. Высокомерное мужество испанки не поколебала даже потеря денег. Однажды она разоткровенничалась и поведала Рику, что жизнь ее – сущий ад, муж – скупой негодяй, а сама она – скорее заложница, чем жена. Тогда он только посмеялся, а сейчас задумался. Пилар было семнадцать лет, когда ее выдали замуж против ее воли за старый и насквозь порочный денежный мешок. С тех пор она не знала счастья.

Отчего-то вспомнилась... та английская девушка. Ей вроде бы девятнадцать? И ее тоже ждал немилый брак. Он это понял сразу, хотя Ирис горячо возражала... Пожалуй, слишком горячо. Эту смелую и гордую девушку просто продали. Как и Пилар.

А потом еще невольно вспомнилась Юлька. Давно не вспоминалась, а тут вдруг встала перед глазами, как живая: большие глаза с прищуром, неровно подстриженная челка, по моде, открытая улыбка, уверенная и доброжелательная. Она была моложе Ирис. Но решала сама. И если бы кому-то пришлось в голову лишить ее этого права... да хотя бы попытаться, Юлька первым делом безмерно удивилась бы. И только потом стерла бы придурка в сахарную пудру.

Рик все еще хранил засушенный голубоватый цветок, каким-то чудом сбереженный среди всех несчастий. Цыганка сказала – береги... иначе не вернешься. Но – вернуться куда? Родители уже смирились с потерей сына. Тем более что, кроме него, в семье еще двое. Наверное, они уже бабушка и дедушка. А Юльке за тридцать... Как сложилась ее жизнь? Дай Бог, чтобы хорошо. Такая девушка заслуживала счастья.

Над городом висела золотая луна. Свет в доме так и не зажгли. Эта душная ночь была последней в Сантьяго-де-лос-Кавалерос. С рассветом Рик собирался отплыть. Эскадра пиратов взяла богатую добычу и почти не потеряла людей. Но сам капитан расценивал поход, как неудачный. «Стейк» исчез. Не появлялся он ни в Порт-о-Пренс, ни в Сан-Педро-де-Макорис, не видели его ни в одном французском или испанском порту. Шхуна Керби Клейна пропала со сцены Карибов, словно сомкнулись над ней вечные воды. И вместе со шхуной исчезла Ирис Нортон, которую он тоже обещал беречь. Отыскать ее следы капитану так и не удалось.

– Эспаньола, – подумал Рик. – Чертовски далеко от Тортуги. И чертовски близко от Золотого острова. Сказать ли об этом Харди?..

Дэнни Расвен неслышно подошел сзади и встал рядом. Ночь была безоблачной, и друзья долго, молчаливо рассматривали рисунок знакомых созвездий. Небесные знаки могли многое рассказать моряку. В основном о том, куда вести корабль, но также и о том, какая ждет погода. И даже минует ли тебя сабельный удар или шальная пуля, и верна ли тебе подруга. Но сейчас друзья не вычисляли курс и не гадали, а просто любовались вечной

красотой, недостижимой для мелких человеческих страстей и амбиций.

* * *

Маракайбо – это был небольшой портовый городок, каких на берегах испанского Мэйна было если не много, то уж и не мало. Он мирно спал, поскольку была как раз середина ночи. Чуть поскрипывали деревянные вывески на ветру, и дома с острыми двускатными крышами слепо смотрели в ночь, отгородившись от мира витыми решетками.

На узкой улице, сжатой темными, все больше двухэтажными домами и вымощенной крупным булыжником, возникли вдруг две неясные фигуры. Они вывернули из-за угла и остановились, осматриваясь. Улица вывела их на круглую или, сказать точнее, шестиугольную площадь. Ее окружали внушительные дома-крепости в старом испанском стиле. Белая, чуть похудевшая луна, висела над крышами, заливая светом площадь и обязательный фонтан в центре с круглым бассейном. Фонтан молчал.

– Нам, как будто, направо, – вполголоса произнес тот, что был выше ростом, лучше сложен и вызывающе лохмат.

Маленький кивнул, и двое, явно стараясь не шуметь, нырнули в щель между рядами домов. Здесь такие называли улицами. Через несколько шагов высокий остановился.

– По-моему, – тихо, неуверенно проговорил он, – это то, что нам нужно. «Большой дом с террасой, каменный забор и две круглые башенки со шпилями». Как думаешь, Дик?

– Не знаю... – отозвался маленький штурман. – Здесь половина домов с террасами и башенками. Не думаю, что мы сразу наткнулись на нужный. Это было бы слишком просто.

– Дом есть. Забор есть. Башни есть. Вот они, торчат в просвете между кипарисами. Терраса. Что тебе еще нужно? Как хочешь, а я считаю, что этот дом тот самый и есть. И я собираюсь это проверить. Ты как – со мной или снаружи покараулишь?

Дик Вольнер пожал плечами и вслед за своим капитаном подошел к темнеющей в лунном свете решетке ворот. За ней открывался зеленый сад. Мраморные плиты двора были пригнаны так плотно, что почти сливались. В центре небольшой площади на постаменте маленький амур с опущенной головкой скучал, разглядывая свое отражение в чаше фонтана. Харди Мак-Кент в одно мгновение перемахнул с улицы во двор. Дик последовал за ним.

Их появление никого не беспокоило. Дом спал. Поминутно оглядываясь, они двинулись к дому. Миновали скучающего амура, витиеватые скамейки в тени густой акации, попутно отметив, что в черной глубине сада вроде бы светлеет еще одна крыша.

Вблизи дом оказался огромным и пугающе роскошным. Широкая мраморная лестница спускалась под ноги, из белоснежных лепных чаш выглядывали глазки маленьких светлых цветов.

– Это не дом, – прошептал маленький штурман, – Харди, это настоящий дворец.

– Нам и нужен дворец, – отозвался Мак-Кент, пробуя ногой каменную ступень, словно всерьез боялся, что она заскрипит и выдаст незваных гостей.

– Вспомни, что говорила испанка. Вальдоре знатны, но уже давно обеднели.

– Что ты хочешь сказать? – обернулся Мак-Кент.

– То, что мы не туда попали. И нужно поскорее убираться отсюда, пока не проснулись слуги.

Харди нетерпеливо двинул плечами и, стараясь ступать совершенно бесшумно, направился наверх. Маленький штурман догнал его уже на полпути и, не говоря ни слова, пристроился в кильватере, зорко оглядывая двор, лестницу и дорожку, теряющуюся в саду.

Дверь в дом почему-то оказалась незапертой.

Внутри спала беззвучная, глухая темнота. Лишь на мгновение Харди почудилось чье-то учащенное дыхание. Он прислушался, но звук, настороживший его, больше не повторялся.

– За мной, – шепотом скомандовал Мак-Кент и первым проскользнул в дом. Он сделал несколько шагов почти на ощупь. В лунном свете, сочившемся сквозь оконные витражи, не разглядеть было и собственной руки. – Дик, ты здесь?

Шепот прозвучал неожиданно гулко, и мысленно Харди выругал себя за болтливость. Он взял влево и вытянул руку, пытаясь нащупать стену или что-нибудь в этом роде. В это мгновение раздался отчетливый звук: то ли кашель, то ли громкий выдох. Харди отпрянул было назад, но вдруг что-то огромное, невероятно мощное и стремительное возникло из темноты и ударило в грудь, сбив Мак-Кента с ног. Рядом охнул и сдавленно выругался Дик. Лицо Харди обдало жарким дыханием. В грудь уперлась тяжелая, когтистая лапа, похоже, львиная, и прямо над ухом грохнуло басовитое, степенное: «Х-Р-АХВ!» Только один раз. И снова все стихло, но, конечно, ненадолго. Сначала в глубине дома хлопнула одна дверь, потом вторая. Послышался быстрый разговор. Харди попробовал шевельнуться, но чудовище, нависшее над ним, тихо рыкнуло и мышцы капитана мгновенно обратились в кисель.

Потом появились люди, лампы, шпаги и пистолеты. Испанцы кричали, что-то спрашивали, переругивались, поминая папу и Святую Гваделупе, потом все вдруг сразу стихло. Кто-то побежал в глубь коридоров, но скоро вернулся, и в комнате появилась невысокая фигура, плотно закутанная в темный плащ.

Им велели встать, крепко связали, и в быстрой пляске теней Харди едва разглядел двух зверюг, которых он в темноте принял за львов. Это были огромные тяжелые доги: один светло-рыжий, другой – черный, словно адский дымоход им чистили.

– Кто вы? Что делаете здесь, в доме маркиза де Вилья, – на беглом и почти правильном английском спросил высокий мелодичный голос, и Харди поразился: голос был женским.

Она выступила вперед. С головы, словно сама собой, соскользнула мантилья, открывая светлые волосы. Огромные, темные глаза смотрели с вежливым любопытством, но, улучив момент, быстро моргнули. С лица Мак-Кента сползло изумление.

– Мы ирландские моряки, – проговорил он и торопливо добавил: – Католики, ваша милость. Бежали с английского корабля, опасаясь...

Женщина быстро и бесстрастно переводила его слова высокому худому старику в накинutom наспех камзоле. Тот вполголоса буркнул что-то невразумительное.

– Чего вы опасались? – перевела женщина.

Харди нахмурился:

– Я ударил... ударил капитана, ваша милость... Меня должны были высечь.

– За что ты ударил капитана? – быстро спросил седой испанец, и, пока женщина переводила, тяжелый взгляд медленно скользил с лица Харди на лицо Дика и обратно.

– Он назвал меня ирландской собакой, проклятый язычник, – с ходу симпровизировал Мак-Кент.

– А этот? – старик произнес это на своем языке, но жест сухой узкой руки был достаточно красноречив.

Мак-Кент кивнул.

– Я понял. Да, я понял, ваша милость. Он – мой родственник. Зять. И тоже католик. Он вступился за меня. Нам пришлось бежать вместе. Капитан, мистер Джон Уилсон, не любит ирландцев. Они все не любят ирландцев.

– Они дезертиры. Оба, – старый испанец дернул узким ртом.

Взгляд его не смягчился, но потерял кинжальную остроту. Этот все для себя решил.

– Скажите им, сеньорита, что ночь они проведут в северном крыле, – проговорил он, – там нет особых удобств, так как крыло нежилое. Развязывать их мы не будем. Утром хозяин решит, что с ними делать.

Старик отвернулся, отдавая короткие приказы. Харди и Дик выслушали его решение. Мак-Кент кивнул, в знак того, что понял. Дик остался неподвижен, как статуя. Еще раз окинув их пристальным взглядом, старик удалился. Ушла и женщина.

Глава 12

Ирис обернулась и удивленно посмотрела на испанку.

В тесной каюте не было никакой мебели, только подвесная койка да большой, окованный железом сундук.

На него и примостились Мэри и Беатрис. Ирис осталась стоять. Сюда их привели люди Волка и, не сказав ни слова, заперли, предоставив самим догадываться о своей судьбе. Никаких иллюзий у них не было. Беатрис, выросшая на этих широтах, лучше других знала нравы флибустьеров. А испанская кровь, которой она так гордилась, на этом корабле была вещью не только самой нежелательной, но и смертельно опасной. Сейчас графиня согласилась бы стать кем угодно, хоть еврейкой. Тогда бы, по крайней мере, у нее была надежда на выкуп. Ирис Нортон была англичанкой, но последние месяцы научили ее не полагаться чрезмерно на свою национальность.

Волк был беспощаден не только к чужим, но и к своим, и если что-то плохо лежало, он присваивал это, не задумываясь, кто был хозяином: враг – испанец или свой брат – корсар.

Больше всех страдала Мэри. Ей выпали самые тяжелые испытания. Испанский плен и любовь не только не разделенная, но даже и не обнаруженная. И, как венец всего этого, смерть от рук пиратов. Да, хорошо, если дело ограничится убийством. Богатое воображение девушки рисовало ей такие картины, которые вогнали бы в дрожь и человека с более крепкими нервами. Мэри крепилась изо всех оставшихся сил, но их было не так уж много. Она извелась в ожидании худшего, и ее поразил ровный голос испанки.

– Нас повесят? – спросила Беатрис.

Ирис не обернулась.

– Мне-то откуда знать? Я такая же пленница, как и вы.

Беатрис с сомнением покачала головой. В ее голосе сквозило явное недоверие:

– Мне показалось, что вы хорошо знакомы с предводителем пиратов. Или меня обмануло зрение?

– Что означает этот тон? – холодно спросила Ирис, взглянув на Беатрис.

– Карлос пригрозил на груди змею, – выпалила Беатрис. – Вы обманули нас всех. Он доверял вам, а в результате попал в руки пиратов!

Ирис пожала плечами и отвернулась.

– Почему вы молчите? – Беатрис резко поднялась с сундука и шагнула к мисс Нортон.

Та не шелохнулась.

– По-вашему, я должна унизиться до оправданий? – так же ровно спросила она.

Беатрис разозлилась. Забыв о достоинстве, она схватила девушку за плечо с явным намерением вытрясти из нее признание... и, почти против воли, опустила руку, повинувшись властному взгляду серых глаз.

Ирис смотрела, как медленно гаснет в испанке ярость, как она опускает руки, отходит, садится на край сундука, и не чувствовала ни обиды, ни триумфа.

– Выслушайте меня, – в голосе, по-прежнему негромком, проскользнули повелительные нотки, и гордая Беатрис, к удивлению Мэри и своему собственному, беспрекословно подчинилась.

– Да, я знакома с Волком, – продолжала Ирис, поднимая рукав розового платья, – вы видите этот шрам, графиня? Я получила его от сообщников этого человека и по его милости.

Испанка хотела что-то сказать, но Ирис вскинула руку:

– Помолчите, графиня. Мы все напуганы, но это не повод для взаимных подозрений. Виновники наших бед близко. Очень близко. Но, поверьте, не стоит их искать в этой комнате. Здесь их нет. Нам всем есть, чего страшиться. Волк порядком обозлен. Добыча оказалась намного меньше, чем он рассчитывал. Он может приказать утопить нас всех, просто чтобы отвести душу. Мэри, не реви. Слушайте меня, графиня. У вас есть шанс уцелеть. И этот шанс – в моих руках. Но, чтобы использовать его, я должна знать, что именно вы собирались делать и в чем вам должна была помочь Мэри. Вы можете молчать. Я знаю, что не имею права на ваши семейные тайны. Но, спасая вас, я скорее сверну себе шею, если буду идти по краю пропасти с завязанными глазами. Это все, что я хотела сказать.

И она действительно замолчала. Беатрис сидела на сундуке, подтянув колени к

подбородку. Ее надменность несколько полиняла, и глаза смотрели уже не так дерзко и вызывающе. Тихо, почти про себя, испанка прошептала:

– Как я могу вам верить? Ведь вы убили моего отца.

– Видит Бог, графиня, у меня была на это причина, – так же тихо ответила Ирис.

Корабль мягко покачивался на волнах. Его мачты напоминали деревья в зимнем лесу. Деревья с облетевшими листьями. Флибустьеры не торопились убирать с палубы кровь и мертвые тела, гораздо больше их занимал дележ скудной добычи. В этот раз им не слишком повезло, но прекрасный «Сан-Фелипе» был взят без единого выстрела, не поврежденный. Владея таким кораблем можно захватить любой приз. Что ж, им повезет в следующий раз.

Ирис прижалась лбом к стеклу. Ей было тревожно, грустно и еще, Бог знает почему, обидно. Чувству, что вдруг нахлынуло на нее, она не знала названия, да и не пыталась узнать. Она просто молчала, отгородившись незримой стеной от подруг по несчастью, от пиратов и от своей беды. Это было похоже на ожидание, но если бы Ирис спросили, чего она ждет, она бы растерялась. Если раньше она сомневалась, что у нее есть сердце, то теперь сомнения отпали, потому что сердце ныло. И это гнетущее состояние не было страхом. Ирис почти не волновало предстоящее объяснение с Волком. Она всматривалась в серо-голубую воду и не видела моря. Воображение рисовало ей жесткое лицо, внимательные, чуть сощуренные глаза, светлые, выгоревшие брови...

– Где ты? – шепнула девушка одними губами. – Ну, где же ты, когда мне так нужна твоя помощь?!

Волк прислал за ней ближе к ночи, когда ласковый мрак окутал мачты, а на небосвод уже высыпали близкие звезды. Она решила, что угрюмый молчаливый матрос ведет ее в капитанскую каюту, но когда он прошел мимо, Ирис сделалось не по себе.

– Куда вы меня ведете? – спросила она, но конвоир лишь мотнул лохматой головой, повязанной засаленным платком.

Ирис не на шутку встревожилась, но почти сразу заметила силуэт знакомой коренастой фигуры в широкой шляпе, сдвинутой на плешивый затылок. Волк стоял на спардеке и внимательно рассматривал приближающуюся девушку. Лицо его было неподвижно и сурово, но глаза поблескивали хитро и проницательно.

«Сан-Фелипе» шел вперед лишь на кливере и фокее. Скорость без труда можно было довести до восьми узлов, но, видимо, такой черепаший темп устраивал пирата. Волк не торопился на Золотой остров, на свидание с Керби Клейном, стало быть, письма он не получил. Хорошо это или плохо? Сзади маячил темный силуэт «Королевы Марии». Как и фрегат, она не поднимала всех парусов и держалась так, словно действия капитанов были заранее согласованы. Впрочем, скорее всего, так оно и было. Безмолвный конвоир отсалютовал Волку и скрылся бесшумно и ловко. Неожиданно для себя Ирис улыбнулась. Ей пришло в голову, что в последнее время она привыкла к обществу пиратов. Приближаясь к грозному корсару, девушка не ощутила никакого душевного трепета.

– Вам, похоже, весело, леди? – спросил Волк. – Или вы так рады меня видеть?

– Воспитанные люди сначала здороваются, – парировала Ирис.

– Но мы вроде уже виделись.

– Я сказала вам «доброе утро», но вы ничего не ответили.

– Тогда я скажу «добрый вечер», и мы будем квиты, – усмехнулся пират, рассматривая девушку так, словно перед ним была редкая вещица, которую предстояло оценить.

В свою очередь Ирис попыталась так же бесцеремонно «оценить» собеседника и определила, что он настроен ровно и пребывает в состоянии, подходящем для серьезного разговора.

Внезапно Волк спросил:

– Знаете вы, леди, что такое нок-рея?

– Вы спрашиваете, для чего она служит на корабле? – невинно поинтересовалась Ирис.

– Это я знаю, – усмехнулся Волк. – Я хочу убедиться, что вы понимаете, на каком вы свете.

– Ах, вот что, – как будто только что сообразив, Ирис кивнула и негромко рассмеялась. – Вы забыли о том, что у меня есть деньги, Волк. Спросите у своих людей, кто захочет повесить человека, дающего за себя выкуп в двадцать тысяч песо?

– В крайнем случае, я с этим справлюсь сам.

Сказав так, пират подошел к девушке и жесткой рукой приподнял подбородок Ирис. С минуту, а то и больше, Волк неотрывно смотрел в серые глаза, в которых не было даже тени страха...

– Вас трудно напугать, леди, – признал он наконец.

Ирис пожала плечами:

– Сдается мне, вы не очень-то старались.

Сунув ладони за кожаный ремень, Волк сделал два шага прочь. Налетевший ветер взъерошил седые пряди, выбившиеся из-под шляпы, а взошедшая луна осветила ломаный профиль флибустьера. Ирис не смогла определить, что скрывали глаза, прикрытые тяжелыми веками. Голос прозвучал сурово и даже мрачно.

– Небогатая леди, дающая за себя губернаторский выкуп... «Сестра» Джеймса Рика, которая на поверку оказывается его любовницей... – Волк усмехнулся. – Не знающая ни словечка по-испански... Это ведь тоже ложь? Не многовато ли для девушки с такими искренними глазами?

– А вы всегда говорите только правду? – поинтересовалась Ирис, но Волк, казалось, не услышал.

– А ведь я вам поверил. Почти поверил, потому что полностью, здесь, в Вест-Индии нельзя верить даже родной матери, только Богу! Но я поверил вам настолько, насколько я вообще способен верить.

– И поэтому вы заманили меня в ловушку? – осведомилась Ирис, ни мало не тронутая странным признанием Волка.

– Но ведь карту вы не принесли?

– Разумеется, – кивнула она. – А вы хотели, чтобы я ограбила того, кто, хоть и не брат мне, каюсь, но спас жизнь? И, если вы помните, я вам ничего не обещала.

– Ну вот, снова... – Волк зажмурился.

Его лицо застыло, ладони сжали широкий ремень перевязи, на которой висела шпага. Казалось, он изо всех сил борется с какой-то навязчивой идеей. Ирис, занятая своими мыслями, этой борьбы не заметила. Впрочем, причиной такой невнимательности, скорее, была наступившая вдруг темнота, скрывшая все вокруг, кроме белой рубахи Волка и сверкнувшей в лунном свете седой пряди.

– Какой благородный гнев. Какая искренность. Какой чистый взгляд, – пробормотал Волк едва слышно. – О, как же искусны женщины в обмане! Я принял вас за ангела. Божьего вестника, что прибыл с небес принести в мою душу свет раскаяния. Я, до мозга костей погрязший в грехе, заглянув в ваши глаза, словно умылся из источника благодати. И впервые на меня снизошли покой и мир. Я понял, что мое решение верно, и Господь послал мне вас, чтобы возвестить об этом и укрепить меня.

– И вы немедленно отправили ангела, сошедшего с небес, к Рику, воровать карту. Вероятно, клад был предназначен в дар церкви.

Ирония, прозвучавшая в словах Ирис, отрезвила Волка. Он разжал кулаки, покрутил головой, возвращая себе способность соображать, и уже спокойно спросил:

– А ваши пропавшие друзья? Это тоже был блеф?

– Нет. Мне удалось их найти, но не вас я должна благодарить за это.

Вопреки логике такой ответ успокоил Волка и даже отчасти вернул ему хорошее настроение.

– Женщины коварны, – проговорил он почти весело, – но вам я почему-то верю. Опять верю. Господь, наш владыка, сурово покарает меня за этот грех, но старине Волку не привыкать к Божьей немилости...

Корсар замолчал, так и не закончив свою мысль. По тому, как переместилась луна,

Ирис догадалась, что времени прошло много, и ночь успела перекатиться на вторую половину.

– Что стало с капитаном «Сан-Фелипе»? – спросила она.

– Если эти испанцы богаты, они заплатят выкуп и пускай катятся на все четыре стороны, – хмуро ответил Волк.

– А дети?

– Если мои парни их в свалке не придавили, где-то здесь крутятся...

Ирис вздохнула с облегчением. Хатита – сообразительная девчонка и, наверно, нашла способ укрыться от пиратов.

– А команда корабля?

Волк равнодушно пожал плечами:

– Утопил. А что еще делать с еретиками да еще испанцами?

Ирис показалось, что земля уходит из-под ног, но почти невыносимым усилием она сдержала крик...

* * *

К вечеру следующего дня почти вся команда Волка скучилась на тесном пространстве батарейной палубы. Пираты сидели на лафетах пушек, пустых бочонках из-под пороха, а то и просто на полу. Ирис, которую вместе с другими пленниками привели под конвоем, качало от слабости, но ступать она старалась твердо и глядела гордо и вызывающе. Прошлой ночью, покинув Волка и оказавшись вновь под замком, она дала себе клятву, что страшная участь испанских моряков не сломает мисс Нортон, наследницу «Торговой Компании Нортон» и англичанку. Она выдержит этот ад. И, вопреки всему, останется в живых, чтобы свидетельствовать против Волка не только перед Богом, но и перед людьми!

Увидев группу пленников, Волк кивнул одной лишь Ирис, остальных демонстративно не заметил. Пираты ждали начала какого-то спектакля с заметным интересом, предвкушая забаву. Встретившись взглядом с Хатитой, Ирис ободряюще улыбнулась. Почти тут же чья-то маленькая цепкая рука схватила ее за рукав. Девушка опустила глаза и увидела бледное лицо маленького испанца.

– С тобой все в порядке? – спросила она, всматриваясь в беспокойные глаза мальчика. – Ты дрожишь, малыш.

– Со мной – да, – кивнул Диего, – а вот Хатиту сегодня высекли и чуть не протащили под килем. Она пыталась добыть нам мясо на камбузе.

Голос мальчика дрожал от гнева. Про себя Ирис подивилась: дьяволенок избегал отца, не любил брата, третировал сестру и неожиданно горячо привязался к бродячей цыганке. И чего только в жизни не бывает? Додумать эту интересную мысль Ирис не успела. На сцену уже поднимались главные действующие лица. Их было трое: католический священник, пастор – отец Дуг и сам Волк. По отношению к вечно пьяному пастору в разодранной рясе вся команда Волка – ревностные протестанты – испытывала немалое почтение, именуя священника-бандита «Святым». Он получал львиную долю добычи, в суровых передрыгах каждый мечтал прикрыть его своим телом. Отцу Дугу доставался лучший кусок и последний глоток воды. Желания священника были законом и для команды, и для капитана, а требовали от него только одного: неустанно молиться за души, погрязшие в грехе. Святой отец Дуг плавал на бриге Волка уже седьмой год.

День, выбранный Волком, как в насмешку, был ясен и чист. Солнце не жгло, а ласкало кожу. Легкий ветер гнал «Сан-Фелипе» на северо-запад со скоростью шести узлов. Он пел в парусах странные, непонятные песни, от которых на душе у измученной Ирис становилось как-то спокойнее... Внизу, с шелковым свистом, рвалась под форштевнем изумрудная вода.

Испанский священник был молод, худощав и изящен. Он легко взошел на помост и, заметив Беатрис, почтительно кивнул графине. Следом, пошатываясь, вскарабкался отец Дуг. На последней ступени он запнулся и чуть не загремел вниз. Матросы затаили дыхание,

но Волк быстро подскочил и поддержал авторитет местного «Святого». Пираты перевели дух, а тонкое лицо испанского священника тронула ледяная, презрительная улыбка.

В глазах Волка, мрачно темневших из-под тяжелых век, тлел страшноватый фанатичный огонь.

— Братья! — воззвал он. — Сегодня у нас великий день! Мы славно потрудились, защищая нашу святую церковь от еретических собак-католиков, и этим деянием искупили множество грехов!

Капитану ответил одобрителный гул. Он перевел дух и заговорил, все более воодушевляясь:

— Отец наш и владыка небесный смотрит на нас и печалится, ибо вместо поклонения ему, Единому, люди кланяются женщине, презренному сосуду греха и, погрязнув в разврате, забывают свои нечестивые молитвы, как коты на помойке, дабы Отец наш небесный не знал утешения в скорби своей. Воистину, терпение Господа велико и неистощимо, ибо видит он скверну, поглотившую мир, и не обрушит на эту зловонную яму громы и молнии! Не карает недостойных новым потопом, ибо милосерден Господь!

В этот раз конец фразы был встречен гробовым молчанием. Береговые братья истово крестились.

— В этот великий день, — загремел с помоста голос проповедника в обвисшей шляпе с целым арсеналом за поясом, — мы собрались, чтобы Господь наш увидел, что не все еще погрязли в ереси. Есть у Него верные сыны. И сегодня мы докажем Ему нашу сыновнюю любовь. Вот здесь, перед вами стоит папист, трижды, семижды проклятый! Он осквернил Святую Веру своими еретическими песнопениями, равно противными и Господу и людям. Что заслуживает этот поганый пес?

— Смерти! — дружно рявкнуло воинство Волка.

— Истинно, братья! — произнес Волк, обводя матросов тяжелым взглядом. — Он заслуживает смерти. Но Святой Отец, который уже семь лет заботится о спасении наших грешных душ, нашел в своем великом сердце искру милосердия даже к этой мерзкой католической собаке.

Толстощекий, грузный человек в рясе с большим трудом пробормотал что-то одобрителное. Отец Дуг уже успел порядком нагрузиться.

— Испанцу будет дарована жизнь, — объявил капитан, — если сейчас, на глазах у двух сотен истинно верующих, он отречется от своих богомерзких песнопений и примет протестантство.

Тонкое лицо испанского священника исказила судорога. Он что-то крикнул, но его слова потонули в реве восторга, встряхнувшем «Сан-Фелипе».

— Что сказал этот пес? — спросил Волк, глядя мимо испанца.

— Он упорствует в ереси, сын мой, — глухо, как из пустой бочки, ответил отец Дуг.

— Упорствует? — капитан дернул уголком губ. — Тем хуже, сто залпов ему в глотку, — и неожиданно рявкнул: — Ханслоу!

Матроса не пришлось звать дважды. Он выскочил перед помостом, как чертик из табакерки, взбежал по ступеням. Длинные, цепкие руки уже вязали узлы на веревке.

— Ты отрекаешься? — спросил Волк, в первый раз взглянув на испанца.

Вопрос прозвучал неожиданно проникновенно. Глаза пирата были тревожны.

— Я забочусь о спасении твоей души. Может статься, ты и не достоин спасения, но любить ближнего заповедал нам Господь, — Волк перекрестился, и зрители этой жуткой, нереальной сцены замерли в ожидании. Католический священник вскинул удивленный взгляд. Несмотря на свою молодость, он был хорошим священником и умел различить «крестоносца» и истинно верующего. Волк искренне страдал от его «заблуждений», и в страстном обращении пирата не было ни капли лицемерия. Но, вспомнив о своем сане, отец Фернандо отвернулся и высокомерно промолчал. Плечи капитана поникли, казалось, его пригнуло к земле страшное горе.

— Вы правы, отец Дуг, он упорствует, — глухо произнес Волк, — но мы все равно спасем

его, даже если ему это будет стоить жизни, чтоб мне вовек не видеть света! Ребенком я был обещан Богу и нашел средство служить ему даже в этом Содоме! Начинай, Том, – сорванно скомандовал он и махнул рукой.

Ханслоу ловкими длинными, как у обезьяны, руками быстро обернул веревку вокруг головы испанца, сунул туда длинный, продолговатый брусочек и медленно повернул. Только сейчас Ирис поняла, что должно произойти, и ужаснулась. Узлы впились в голову священника. Сейчас ему, должно быть, было еще не очень больно, но несколько поворотов бруска, и... Ирис почувствовала, как жуткий холод поднимается вдоль позвоночника. Пожалуй, впервые на этом корабле ей стало по-настоящему, до обморока страшно.

Отец Фернандо, побледневший до голубизны, неожиданно встретился с ней глазами.

– Бог един, – произнесла Ирис одними губами.

Испанец печально улыбнулся, на мгновение прикрыл глаза, признавая ее правоту. И отвернулся.

– Ты согласен принять истинную веру? – спросил отец Дуг и услышал в ответ «Аве Мария», произнесенное побелевшими губами.

Ирис закрыла глаза, но тотчас открыла, с ожесточением напоминая себе клятву: видеть! помнить! свидетельствовать! Она досмотрит до конца, если милосердный Бог не лишит ее разума. Мэри была бледна, как только что выбеленное полотно. Она стояла, зажмурившись, и изо всех сил зажимала руками уши. Из-под сомкнутых век бежали слезы. Том Ханслоу невозмутимо закручивал бечевку. Силы священника таяли. Он полушептал-полустонал католическую молитву, обращенную к святой Деве, и, наверное, тоже призывал своего Бога подарить смерть или безумие. Ирис сдалась и опустила глаза. Ей было... непереносимо. Боль, гнев, стыд, сострадание смешались в какую-то гремучую смесь, которая вдруг закипела в ней, дотла выжигая страх. И неизвестно, что бы сотворила Ирис Нортон в следующую секунду... но тут католический Бог наконец явил свое милосердие. Лицо донна Фернандо исказила страшная гримаса, с побелевших губ сорвался стон. Том Ханслоу выпустил «четки боли». Испанский священник тяжело осел на помост, уже недоступный ни издевательствам, ни боли. Черты тонкого лица разгладились, и стало ясно, как он был красив.

– Демон, – прошелестело над толпой. – Его демон освободился.

Обессиленный вконец, Ирис рухнула на жесткие доски палубного настила и потеряла сознание.

* * *

– Признайтесь, вы католичка?

Ирис молчала, глядя в пол, а флибустьер, дрожа от ярости, метался по узкой каюте, как зверь по клетке.

– Когда демон освободил его, вас оставили силы. Я видел это, не отпирайтесь! А может, вы тайная прислужница дьявола?

Ирис не выдержала и рассмеялась. Не слишком весело, но от души.

– Бедняга. Да вы совсем спятили, Волк.

– Почему же тогда вы потеряли сознание? – заорал взбешенный флибустьер и подался вперед.

Рука с кошачьей ловкостью вцепилась в плечо Ирис и больно сжала. Она не поморщилась и даже не подумала вырваться.

– Меня потрясла его смерть. Я жалела его, – холодно ответила девушка.

– Католика? – поразился Волк.

– Человека, – поправила Ирис. – Вам этого не понять, ведь вы давно забыли, что такое жалость. Если только когда-нибудь знали это. Я – женщина, и не могу спокойно смотреть на такие зверства. Всему есть предел, и моему терпению тоже. А теперь, когда я объяснила свой поступок, можете меня повесить. Я не расстроюсь. По крайней мере, на том свете я

избавлюсь от вашего общества, которое мне надоело смертельно.

– Ах, вот что, – запоздало сообразил Волк.

Он выпустил плечо девушки, и Ирис удержалась, чтобы не схватиться за него прямо сейчас. Хватка у старого флибустьера была железной.

Взгляд Волка выразил Ирис все возможные извинения. По мысли пирата-христианина не было большего оскорбления, чем обвинить человека в связях с Сатаной.

– Вы должны были сказать сразу, леди. Я не заставил бы вас смотреть на Богом проклятого еретика... Ради всего святого – простите. Но вы держались так смело и гордо, я почти позабыл, что вы не мужчина, и это зрелище непереносимо для вас. Простите, – повторил он.

– С чего это вас вдруг обуяло раскаяние? – поинтересовалась Ирис и, не дождавшись ответа, сказала: – Вы еще не отказались от мысли заполучить Большой Приз Карибов в личное пользование?

Волк, начав было подниматься, оторопело замер... и рухнул назад, в кресло, жалобно заскрипевшее под его тяжестью.

– Мне нужны гарантии безопасности: моей, супругов де Кастильяно, детей и Мэри Мод, – произнесла Ирис.

Волк торопливо вышел из-за стола. Плавное прикрыл дверь, вернулся и присел на край столешницы.

– Говорите.

– Карта зашифрована. Ключ знает только Ричмонд с «Морского коня», верно?

Волк кивнул:

– Пока да.

– А карта у Джеймса Рика. У вас, если не ошибаюсь, только неумный аппетит?

– Вы можете предложить что-то более существенное?

Ирис откинулась в кресле, сощурилась и азартно сказала:

– Во-первых – к черту Ричмонда. Он лишний.

– Согласен. Он и мне не нравится. Кто в деле?

– Трое. Рик, вы и я.

– Какова моя доля? Треть?

– А вы не хотите спросить, как я собираюсь расшифровать карту? – ловко вывернулась Ирис.

– Говорите, – повторил Волк.

– Ключ находится в судовом журнале бригаантины «Воскресение Христово». Командует ею богатый крещеный еврей Перейра. Этот корабль – склад драгоценностей.

Увидев блеск в глазах Волка, девушка подлила масла в огонь.

– А сейчас, когда еврей собрался жениться, трюмы должны ломиться от свадебных даров.

– Ваш рассказ похож на арабскую сказку, леди. И где сейчас эта бригантина?

– Об этом вам скажет дон Родриго де Вальдоре. Если он еще жив.

– Я объяснил, мы не убиваем тех, кто способен дать за себя выкуп, – отмахнулся Волк.

– Так вот, – продолжала Ирис, – незадолго до вашего нападения «Сан-Фелипе» спешил на встречу с «Воскресением», чтобы передать на борт Беатрис, которую брат просватал за Перейру.

– Дальше! – потребовал Волк.

– А дальше все просто. Перейре известно, что на randevу должны прибыть два корабля. Заметьте! У нас тоже два.

– Ага! – воскликнул Волк, начиная понимать.

– Мы встретим «Воскресенье». Вы передадите на борт Беатрис с горничной. Со мной. И пока испанка будет заговаривать старику зубы, я доберусь до бортового журнала.

И так как пират молчал, Ирис, чтобы убедить его в своей искренности, добавила:

– У вас останутся заложники.

– Ага, заложники, – задумчиво кивнул Волк, – так что моя доля?

– Пятая часть, – ответила Ирис.

– Треть. Нас же трое.

Ирис уселась поудобнее и начала загибать пальцы:

– Во-первых, конечный капитал делится на равные части, когда пайщики вложили равные доли в начальный капитал. Когда же доли были неравные, конечный капитал распределяется в зависимости от личного вклада каждого пайщика. Не возражайте, я дочь коммерсанта и разбираюсь в таких вещах. Во-вторых – в деле не три человека, а двести матросов Рика да нас пятеро.

– У меня тоже почти две сотни дьяволов, – возмутился Волк.

– О ваших головорезах не может быть и речи, – отрезала Ирис. – С них довольно «Воскресения». Пятая часть – только ваша доля. С моей стороны это вообще чистая благотворительность.

– Чистая благотворительность, вот как, – скривился корсар. – Но вы, кажется, забыли, что вы сами находитесь в плену на моем корабле.

– Я помню об этом, – усмехнулась Ирис, – иначе вообще не заговорила бы с вами о кладе. Пятая часть – это цена свободы моей и моих друзей. Вы считаете – этого мало?

С минуту корсар внимательно рассматривал свою пленницу, потом хрипло расхохотался.

– Вы здорово изменились за эти три месяца, леди. Сказать по чести, я вас не узнаю. Давно ли вы предлагали мне все и вся без условий, лишь за намек на участь ваших друзей...

– Все течет, все меняется, – философски проговорила Ирис, пожимая плечами. – Так вы принимаете мой план?

– Да, – кивнул Волк, – но с одной поправкой. Вы отправляетесь к этому, как его... Перейре и добываете журнал, а я предоставляю полную свободу вам и этой Мэри. Могу даже прибавить цыганку, я щедр. Это и будет вашим выкупом, а остальные позаботятся о себе сами.

С минуту Ирис внимательно глядела в жесткие и умные глаза корсара, потом улыбнулась и вполголоса произнесла:

– Что ж, неплохо. Прибавьте еще Хосе Мартинеса, и мы столкнемся.

Темнело. Над мачтами «Сан-Фелипе» клубился фиолетовый сумрак. Тонкий, почти невидимый месяц казался беззащитным и очень одиноким. Звезд еще не было.

Но сумерки здесь коротки, и Ирис не успела добраться до своей каюты, когда тьма окружила фрегат, бледный месяц налился золотой силой и вытянул на небосвод бриллиантовые звезды, а вода за бортом заблестела серебром. Ветер нес прохладу, и Ирис недовольно подумала, что утром опять будет туман. Она научилась не доверять туманам.

Она и людям сейчас не доверяла. Даже этой гордой кастильской графине, которая здесь, среди пиратов, ходила по острию. Причем ей – в особенности.

Матрос-конвойный подождал, пока девушка переступит порог, и захлопнул за ней тяжелую дверь. Лязгнул засов.

На нее уставились две пары глаз: светлые – с облегчением, темные – настороженно. Ирис перевела взгляд с одной на другую. Обе измучены. Под глазами тени. Бледные щеки и красные от бессонницы глаза не украшали их. Ирис подумала о том, как выглядит сама.

– Мэри, у тебя есть зеркало?

– Зеркало? – нервно переспросила горничная, уверенная, что ослышалась.

– Ну да, зеркало. Что странного в моем вопросе? Есть оно у тебя?

Мэри ошарашенно помотала головой и медленно сползла с сундука.

– В крышке... должно быть. Сундук новый...

Вдвоем девушки кое-как подняли тяжелую крышку и привалили к стене. Сундук был почти пуст. На самом дне валялись какие-то старые шелковые тряпки. Но в крышке действительно оказалось небольшое зеркало.

Ирис поднесла поближе чадающую лампу и заглянула в его прохладную серебряную

глубину, почти ожидая увидеть жуткое бледно-зеленое существо. Однако все оказалось не так страшно. Светлая кожа потемнела от загара, но серые глаза смотрели по-прежнему спокойно и твердо, и в целом она не слишком отличалась от той Ирис Нортон, которая около трех месяцев назад отправилась в путешествие на «Полярной звезде».

– У тебя, наверно, и гребня нет, – бросила она и, не слушая ответа, распустила волосы, скрученные в жгут и заколотые шпильками.

– Что случилось? – подала голос графиня де Сильва.

– Ничего, – улыбнулась Ирис, – решительно ничего, подруга. Кроме того, что мы с Мэри свободны.

– А мы, – вырвалось у Беатрис.

– А вам свою свободу придется купить. Ведь вы, кажется, богаты. Во всяком случае, так думает Волк.

– А чем заплатили вы? – насторожилась испанка.

– Жизнью. Мы с Мэри за свою свободу скорее всего умрем... Если мне повезет хоть чуть-чуть меньше, чем обычно.

Мэри всхлипнула, но истерики не последовало. Она устала и слегка отупела от бессонницы. А хозяйка расчесала волосы пальцами, кое-как закрутила, заколола и с грохотом захлопнула сундук.

– Я не понимаю вас, – воскликнула Беатрис, – может, вы все-таки объясните, что происходит.

– Я бы непременно так и сделала, но пока вам лучше оставаться в неведении. Вам ничего не угрожает.

– А... Карлосу?

– Не волнуйтесь. Граф де Сильва вполне может позаботиться о себе.

– Как вы смеете? – взорвалась испанка. – Он сидит в трюме, связанный, беспомощный.

– Связан и посажен в трюм, но отнюдь не беспомощен, – возразила Ирис с легкой улыбкой. – Дон Карлос де Кастильяно очень умный и хладнокровный человек. И знает о здешнем быте и нравах куда больше, чем можно предположить, глядя на его изысканные манеры. Он еще спасет нас всех, Беатрис.

Графиня не успела ответить; в окошко тихонько поскреблись. Ирис осторожно приоткрыла деревянный ставень. В узком проеме показалось личико Хатиты.

– Здравствуй, девочка, – тихонько шепнула Ирис, – тебя никто не видел?

– Кто может выследить ночных духов Сантили? – тихо рассмеялась цыганка.

– То, что я передала тебе... ты знаешь, что с этим делать?

– Знаю что, но не знаю когда, – отозвалась Хатита.

Заметив, что Беатрис настороженно прислушивается к их разговору, Ирис наклонилась к самому уху Хатиты. Девочка сосредоточенно кивала, что-то соображая про себя. Потом тихонько хихикнула.

– ...и, как бы незначай, скажи о богатстве жениха доньи Беатрис, – уловила испанка, – будто на «Воскресении» бриллианты под ногами валяются, а матросы едят на золоте. Надеюсь, этот голубоглазый волчонок достаточно жаден и достаточно сообразителен. И достаточно сильно хочет стать капитаном. И вот еще... Честно говоря, не знаю, как ты это сделаешь, но пленники в трюме должны узнать о нашем маленьком заговоре. Без них ничего не получится. Кто-то должен взять на себя переговоры с Волком. На Мэри я не надеюсь.

Хатита на мгновение задумалась, но почти сразу кивнула:

– Есть! Придумала. Они все узнают. У цыган... свой способ переписки. Мы не умеем читать книги, как знатные синьоры, но и то, что напишет Хатита, не прочтет ни один альгвасил.

Девочка быстро размотала тонкую бечеву, закрученную вокруг талии.

– Меня уже не гоняют с камбуза. Я суну письмо в миску с едой. Хосе поймет.

Ловкие пальцы девочки быстро двигались, и через мгновение она просунула в окно

бечеву, завязанную хитрыми узлами. Ирис невольно улыбнулась:

– И что здесь написано, сеньорита?

– Да благословит Бог донью Аэрес, – прищурилась Хатита.

– Сдается мне, здесь записано что-то другое, – тихонько рассмеялась Ирис, – ну беги же, беги. Я верю в тебя.

И цыганка беззвучно растворилась в темноте. Впрямь, как ночной дух.

* * *

День выдался жарким. Чересчур жарким даже для этих широт. Солнце ярилось, точно проклятое, немилосердно обжигая голые спины гребцов. Ни говорить, ни спорить не хотелось, да и времени не было. Шлюпка уже подходила к борту тяжелогруженной бригадины дон Луиса Веласкеса де Перейры, новообращенного христианина, еврея по национальности и арабского султана по размерам состояния. Волк встретил его на четвертые сутки точно в назначенном месте.

Матросы сделали широкий гребок, и шлюпка вплотную подошла к темно-красной бригадине, названной «Воскресение Христово», видимо, для отвода глаз Святой инквизиции. С борта спустили трап, и полуголые матросы поволокли на палубу тяжелые сундуки с приданым высокородной испанки. Всего их было девять. От палубного настила пахло разогретой смолой, и Беатрис с удовольствием дышала воздухом родных Карибов. Она пустилась в опасное предприятие, но чувствовала не страх, а пьянящий азарт и предвкушение чего-то необыкновенного. Команда «Воскресения» выстроилась на палубе, чтобы встречать и приветствовать невесту хозяина, и две шеренги матросов в одинаковых светлых рубашках из бумажной ткани с наивным восторгом рассматривали девушек. Главный почет и внимание достались, конечно, Беатрис, и не только потому, что она должна была стать здесь хозяйкой, и не из-за смуглой, почти цыганской красоты, а главным образом потому, что она была настоящей кастильской аристократкой. Это значило очень много в глазах сброда, который из экономии набирал дон Перейра. Наконец появился и сам жених. Несмотря на торжественный момент и невыносимую жару, Беатрис тихонько прыснула.

Низенькая, чрезмерно расплывшаяся фигурка, облаченная в нелепый малиновый костюм, больше всего напоминала рыхлый торт-желе, украшенный лентами и страусиными перьями. Маленькие глазки терялись, сдавленные низким лбом и подушками щек. Но цепкий взгляд жениха насторожил графиню и начисто смел веселье.

Почти непроизвольно она оглянулась назад. Туда, где поднимались мачты фрегата. Поймав ее взгляд, Ирис ободряюще улыбнулась, успев подумать, что со стороны сцена выглядит вполне естественно. Невеста встречается с женихом и, понятно, волнуется, как все девушки перед венцом. Но вот отчего так не по себе любимой горничной госпожи. Ведь ей-то не выходить замуж.

Роль прислуги она почти провалила. Этикет требовал смотреть в пол, но Ирис, почти против воли, подняла глаза и на мгновение встретилась взглядом с Перейрой. И поняла, что ступает по тонкому льду. За этими маленькими глазками скрывался ум, такой же маленький, цепкий и недобрый.

– Добро пожаловать на «Воскресение», – голос жениха был сдавлен излишками жира и прозвучал неожиданно тонко. – Я рад, что путешествие окончилось благополучно, и немедленно вознесу молитву Всевышнему, – еврей набожно перекрестился. Команда последовала его примеру. Беатрис присела в глубоком реверансе.

– Благодарю за любезный прием, дон Перейра. Впрочем, иного я и не ждала от благородного идалго.

Последние слова господину в малиновом костюме безбожно льстили и были, вероятно, тонким издевательством, но он принял их за комплимент и маленькие глазки заблестели от удовольствия.

– Прощу простить меня, дорогая... благородная... – он запнулся, – донья...

– Просто Беатрис, – помогла испанка.

– Прошу простить меня, Беатрис, – выговорил жених, справившись со смущением. – Но на моем скромном судне никогда не принимали дам. У меня мало опыта. Вы, наверно, устали или, быть может, голодны?

– Не устала и не голодна, но мечтаю выкупаться и переодеться, – ответила Беатрис, – покажите мою каюту и велите подать туда воды.

– Никогда не принимал дам! Какая низкая ложь! – взорвалась испанка, едва дверь каюты захлопнулась за слугой и заговорщицы остались одни. – А донна Коломба, убитая здесь по приказу этого чудовища?! Нет, дайте мне только срок, и я сполна расплачусь за все. Команда – всего двадцать человек. Для пиратов – это пустяки. Но как он нагло лжет. А еще воображает, будто ровня мне!

Испанка опустилась на мягкий восточный диван, почти скрытый под ворохом цветных подушек, и с удовольствием сбросила туфли. Мягкий ворс темно-красного ковра приятно щекотал ступни. Рядом, на низком, массивном столике из черного дерева графиня обнаружила большую резную шкатулку. Приподняла тяжелую крышку, почти ожидая увидеть бриллиантовое ожерелье, но там оказались всего лишь сладости, которые на такой жаре выглядели как насмешка.

– Он не лжет, – вдруг сказала Ирис.

– Что? – насторожилась испанка.

– Когда была похищена донна Коломба?

– Девять лет назад, – все еще не понимая, ответила Беатрис.

– Это не тот корабль. Я выросла на верфи и могу поклясться, что «Воскресение» не плавает и года. Бригантина совсем новая. Здесь не могло быть донны Коломбы, и даже бортовой журнал, при условии, что мы до него доберемся, в лучшем случае, откроет нам, что ваш жених возит ром индейцам.

– Что же нам делать? – ошарашенно спросила испанка.

– Топиться, – мрачно пошутила Ирис.

Каюта, куда дон Перейра с большим почетом проводил невесту, поразила даже ее, притерпевшуюся к безвкусной роскоши Нортон-хауза. Будучи человеком, начисто лишенным чувства меры, дон Перейра научился замещать качество количеством. Девушка обвела взглядом временное пристанище, помотала головой и зажмурилась. Тут можно было смело открывать сезонную распродажу ковров, подушек, мебели и разных изящных мелочей для дома. Правда, перед входом следовало повесить табличку: «Лиц, ниже вице-короля, просьба не беспокоиться». Купить такие вещи даже по сниженным ценам мог только очень богатый человек.

Каждая по отдельности была милой и красивой, но собранные вместе они производили впечатление кошмара персидского шаха. Нет, безукоризненная простота и морской порядок каюты Джеймса Рика были ей куда милее.

От этого непрошеного воспоминания сердце тревожно и тоскливо сжалось, но больше Ирис не удивлялась и не осуждала себя. Ее брак с графом Эльсвиком отодвинулся куда-то «в туманную даль». Что толку загадывать о будущем, если сегодня ее, возможно, повесят на рее, заставят «сплясать по доске» или придумают что-нибудь еще... Не отдавая себе отчета, девушка приняла здешние правила игры: жить единым мигом и не отказывать себе ни в чем. И если раньше Ирис гнала прочь опасные мысли, то сейчас она бросилась в них, как в омут, со всей страстью и безрассудством юности. Графиня молчала, к чему-то напряженно прислушивалась.

– Как думаете, это он? – спросила она, кажется, на полсекунды раньше стука в дверь.

Ирис переглянулась с испанкой и тенью скользнула от окна, притаившись за темно-зеленым бархатным занавесом, закрывающим вход в спальню.

– Войдите, – ровным голосом произнесла Беатрис.

Дверь чуть приоткрылась, и в проеме показалась лысина дона Перейры.

– Добрый день, дорогая...

Договорить он не успел. Ирис бесшумно появилась за его спиной, протянула руку и ловко выдернула из-за пояса Перейры длинный пистолет. Тот обернулся скорее удивленно, чем испуганно.

– Спокойно, – произнесла Ирис, предусмотрительно отступая, – кричать не советую. Я умею стрелять.

– Что это значит, Беатрис? – дон Луис повернулся к невесте, совершенно не беспокоясь о том, что ствол пистолета смотрит ему в спину.

Ирис досадливо поморщилась. На Карибах женщин с оружием совсем не боялись.

– Уймите свою прислугу, – проговорил Перейра.

– Помолчи-ка, – нервно рассмеялась Ирис, – на кой черт мне такой хозяин, когда я сама умею отдавать приказания. Кстати, позвольте представить вам графиню де Сильва.

Перейра дернул шеей, точно от булавочного укола, и растерянно повторил:

– Графиня де Сильва?

– Да, синьор Перейра, – кивнула Ирис. – И слишком хорошая христианка, чтоб нарушить закон церкви. Она замужем и вашей женой быть не сможет.

– Понятно, – протянул дон Луис, хотя не понял ровным счетом ничего, и его вопрос это подтвердил. – Зачем же вы тогда здесь, донья Беатрис?

– Уж конечно не потому, что скучала без вас, – криво усмехнулась испанка.

– Де Сильва... – повторил еврей и торопливо перекрестил потный лоб, – меч Господа. Что вам нужно, благородная синьора, от старого купца? Уж конечно не деньги?

Испанка гордо вскинула подбородок, но дочь купца опередила аристократку:

– Деньги тоже. Но это потом. А сейчас вы расскажете, при каких обстоятельствах была убита супруга вашего друга – Коломба де Кастильяно.

– Коломба? – купец поспешно обернулся, словно только сейчас вспомнил, что в спину глядит его собственный пистолет. И уставился на тонкую руку Ирис так, словно хотел понять – насколько она тверда.

– Я не убивал Коломбу, – проговорил он наконец, поднимая взгляд. И по глазам «прислуги» понял – она не верит. И, пожалуй, не замедлит спустить курок.

– Я не убивал, – торопливо заговорил он, – ее никто не убивал. Она умерла сама. Я хотел на ней жениться, не в обиду вам, госпожа Беатрис...

– Чтобы заполучить ключ от шифра Жерома Ферье, я полагаю, – произнесла Ирис вполголоса. Губы пересохли. Очень хотелось облизнуть их, но она сдержалась, – я права?

– Ферье? – озадаченно переспросил Перейра.

Ирис сделала несколько мягких, осторожных шагов прочь, не спуская глаз с купца. От нее не укрылось, что Перейра встревожен. Но, пожалуй, не испуган. Не верит, что она настроена серьезно. А как объяснить? Умный человек опасен. Но куда опаснее хитрый глупец.

– Да, Ферье, – кивнула она. – Жером Ферье. Вы знаете это имя. И я его знаю. С этим именем пираты связывают легенду о самом большом сокровище, зарытом на одном из островов испанского Мэйна. Но мало кто знает, что Большой Приз – больше, чем легенда. Вы – один из немногих. И я... Я тоже из них, дон Перейра.

– Да что вы можете знать? – возмутился еврей. – Ферье, по вашей легенде, зарыл свой клад двадцать лет назад. Тогда вас и на свете не было. С тех пор золото здорово поднялось в цене.

– Да, золото подорожало изрядно, – кивнула Ирис, – а как на счет совести? Она, часом, не подешевела? Вы спросили, что я знаю. Я расскажу. Ферье обратился к вам с просьбой ссудить его деньгами для экспедиции в Новый Свет. Это было... – она оглянулась на Беатрис.

– Десять лет назад, – сказала графиня.

– Десять лет, – повторила Ирис. – Он обещал вам фантастический процент прибыли, но вы, не веря на слово, потребовали гарантий. Ферье был в безвыходном положении и, вероятно, в отчаянии. Он совершил непоправимую ошибку – рассказал о сокровище. Так вы

впервые услышали о Большом Призе. И, побуждаемый жадностью, решили, что доля, обещанная вам, слишком мала. В самом деле, целое яблоко больше половины. Кстати, сколько он вам обещал? Впрочем, это не существенно. Рассудив, что одному эта кость не по зубам, вы поделились секретом с ближайшими друзьями: графом де Сильва и Хуаном де Вальдоро. У одного были приятельские отношения с алькадом, другой неплохо знал Карибское море и даже держал там свой собственный маленький флот. И вот ночью, когда город спал, или же днем, когда он бодрствовал, это не столь важно, в дом Ферье вломились альгвасилы. Он был арестован за пиратство в испанских водах и брошен в тюрьму. На всю оставшуюся жизнь, как рассчитывали вы. А карта досталась вашей, далеко не святой троице. Вот тут-то и выяснилось, что и судьба сыграла с вами злую шутку. Карта оказалась зашифрованной, причем так хитро, что, сколько вы над ней не бились, все напрасно. Я пока нигде не ошиблась?

Перейра потерянно молчал. Ирис кивнула и продолжила:

– Вы добились свидания с заключенным и пообещали ему свободу за ключ от шифра. Но Ферье рассмеялся вам в лицо. Он поверил вам один раз и был жестоко обманут, а этот человек был из тех, кого трудно обмануть, и уж вовсе невозможно обмануть дважды. Ферье сказал, что клад принадлежит только одному человеку – его дочери. И если он не достанется ей – пусть совсем пропадет. Все верно?

Итак, ваш блестящий план потерпел блестящий провал и должен был быть предан забвению, но три миллиона реалов не такая вещь, которая легко забывается. И вы придумали новый план. Ключевым звеном стала юная девушка – Коломба Ферье. Вы, господин Перейра, были слишком стары для забав со стрелами амура, Вальдоро – женат, а вот граф де Сильва только что овдовел. Он без особого труда очаровал юную, доверчивую девушку и привез в свое родовое гнездо как жену. Но и этот план провалился. Дочь ничего не знала о спрятанных сокровищах или же просто умела молчать не хуже отца. В это время случилось событие, которого никто из вас не мог предвидеть – Ферье бежал из тюрьмы и вскоре снова объявился в районе Антильских островов. Его слава гремела, как никогда прежде, а дела сравнивались с делами Монбара-Истребителя, его знаменитого соотечественника. Как вы себя чувствовали тогда, дон Перейра? Вероятно, не слишком хорошо.

Ирис сделала паузу, чтобы осмыслить следующий ход. Пока игра была ее, и каждое слово било точно в центр мишени, как стрела Робин Гуда.

– Думаю, граф де Сильва был смелым человеком, – заговорила она, – ведь это он предложил вывезти Коломбу в район Карибского бассейна, чтобы приманить отца. Впрочем, едва ли вы понимали, на что идете. Ферье не повезло. Крупно не повезло, иначе бы он море под вами поджег. Однако не повезло и вам. Вместо того чтобы передать графу клад в качестве приданого, пират отбил дочь, а вместе с ней и карту. Бедняжка. Она стала костью, из-за которой подрались шакалы. В жарком климате обострилась ее болезнь, и когда Коломба вновь попала в руки графа, она уже не была той юной красавицей, которую он назвал женой. Вы с Вальдоро и раньше-то откровенно брезговали ее обществом, а теперь и вовсе ополчились на женщину, не оправдавшую ваших надежд. Вы требовали ее крови так, словно кровь могла заменить золото, которое вы потеряли. «Пусть умрет», сказали вы, но граф де Сильва рассудил иначе. Он насмерть рассорился с Вальдоро и увез жену в Испанию, навсегда отказавшись от пиратского сокровища. Граф защищал и берег ее, как супруг и настоящий рыцарь, и свято хранил ее тайну, выдумав ей мнимое дворянство. А когда пришло время – отдал за нее жизнь, и этим искупил многие свои грехи.

Ирис наконец замолчала.

– Откуда вам это известно? – потрясенно спросил еврей.

– Кое-что мне рассказала нынешняя графиня де Сильва, кое-что ее муж, а остальное – корсар Джеймс Рик. Это грязная история, дон Луис, и она рисует вас не в лучшем свете. Оставшись без мужа-защитника, несчастная женщина снова попала в ваши руки. Вы опять привезли ее сюда, чтобы сторговаться с Ферье, и этим убили ее так же верно, как пулей или ножом. Я права? – спросила Ирис.

В каюте повисла гнетущая тишина. Беатрис беззвучно плакала. Купец тяжело вздохнул и чуть слышно прошептал:

– И все напрасно. Мы так и не узнали ключа к шифру.

– Что? – глаза Беатрис мгновенно высохли. – Вы не знаете его?

– Нет.

Испанка беспомощно оглянулась на свою «горничную» и встретила с полным иронии взглядом серых глаз, не подвластных панике.

– Я и не надеялась найти его здесь, – объяснила она. – Да ключ мне и не нужен. Мне нужно нечто совсем другое.

– Что? – спросила Беатрис, уничтожая следы слез на щеках.

– Корабль. Для меня, графа де Сильва, ну и, если хотите, для вашего милого брата, – Ирис рассмеялась. – Ваша семья принесла мне много неприятностей. И если я у вас на глазах найду проклятый клад – это будет красивая месть.

Неожиданно Луис де Перейра вскинул голову:

– Я допускаю, что вы знаете, где карта. Но вы никогда не сможете узнать ключа... Ферье мертв. Мертва и Коломба, и вы не сможете достать их с того света.

– А никто и не предлагает, – отозвалась Ирис. – Ни к чему. Я знаю ключ.

* * *

Волк остановился на верхней ступени деревянной лестницы. В трюме пахло сыростью, потом и крепким табаком. Грязные, обросшие испанские гранды, кровные враги до самой смерти, сидели на одной цепи. Она крепилась к массивному кольцу, вверченному в пол, заляпанный какой-то склизкой гадостью. Тяжелые кандалы быстро натерли мозоли и теперь при каждом движении причиняли боль.

Рядом с аристократами расположился атаман разбойников, Хосе Мартинес. Позорное заключение не оставило на нем заметных следов. Старая рубаша и кожаные штаны видали и не такое и не страдали в крепком корабельном трюме. Черные глаза цыгана посматривали вокруг с настоящим, не наигранным безразличием и отрешенностью. Он один мог здесь крепко спать и есть с аппетитом, и с этим Волк ничего поделать не мог. Хосе Мартинес не боялся ни смерти, ни жизни.

– Для чего я вам понадобился? – на ломаном испанском спросил Волк, оглядывая трюм внимательными, все подмечающими глазами.

Отметил он, между прочим, и то, что миски с безвкусной едой, которую приносили по утрам, впервые за четыре дня оказались пусты.

– Поговорить надо, – лениво произнес Карлос де Кастильяно, возвращая пирату такой же острый и пронизывающий взгляд.

Это заставило Волка присмотреться к аристократу, которого он не принимал всерьез.

– О сумме выкупа, вероятно, – спросил пират, облокотившись на дверь.

– О нашем освобождении, – невозмутимо поправил Карлос, невольно или, скорее, демонстративно трогая глубокую ссадину на лбу. – Полагаю, сейчас самое время. Не хочу показаться невежливым, но нам с шурином слегка осточертело ваше гостеприимство.

Жесткий рот корсара дернулся в довольной усмешке. Смелых врагов он уважал.

– Я могу освободить ваши души с помощью пеньковой веревки прямо сейчас, если угодно.

– Не советую, – улыбнулся Карлос, и эта безмятежная улыбка вновь сказала Волку, что он столкнулся с серьезным противником.

– Вы собираетесь давать мне советы? – поразился Волк.

Карлос так же лениво кивнул:

– Непременно. И если вы умный человек, то прислушаетесь к ним.

Родриго привстал. Он не узнавал зятя. Кастильяно был прекрасным капитаном и любящим мужем для Беатрис, но до этой минуты Родриго и не предполагал, как его

родственник опасен.

– Какие козыри вы прячете в рукаве, амиго? – едва заметно Волк подался вперед.

– Говорите по-английски, я пойму, – сказал Карлос. – А козырь один, но это туз, и он бьет любую карту, Волк. Вам знакома игрушка, которую делают из трубки и двух пробок? Она называется «бамбуковая мина».

– Что? – голос подвел пирата.

– Ничего, кроме того, что Хатита спрятала ее здесь, на корабле. Зажженную, разумеется.

Волк побледнел и мгновенно выпрямился:

– Дьявол. Вы блефуете.

Карлос сухо рассмеялся:

– Я даже разубедить вас не буду, Волк. Даже не попытаюсь. Мне, собственно, без разницы, один я отправлюсь на тот свет или в вашей компании.

С минуту пират смотрел на испанца неподвижным взглядом и вдруг рванулся к выходу. У порога он задержался и крикнул, не оборачиваясь, чтобы не видеть улыбки Карлоса:

– Через пять минут я узнаю, где эта чертова штука, и тогда, католическая собака, я с тебя, живого, шкуру сдеру и в масле зажарю!

– Меня или шкуру? – бросил вслед граф де Сильва.

Волк его не услышал. Через мгновение на палубе разнесся пронзительный свист боцманской дудки и суматошный топот над головами узников без слов сказал: жаркого из шкуры не будет. Когда Волк спустился в трюм, он был по-прежнему злой, но изрядно присмиревший.

– Куда делась цыганка? – глухо спросил он.

– О, Хатита, – рассмеялся Карлос. – Это было чудесное создание. Почти святая. Вероятно, Господь забрал ее на небо во плоти.

– В сундуке! – догадался Волк и, заметив ехидные искорки в глазах испанца, грязно, но очень обстоятельно выругался. Пленники слушали его с видимым наслаждением и веселились от души.

– Проклятье! – оборвал себя Волк. – Игра еще не кончена! Мои пушки наведены на «Воскресение», и сейчас я прикажу канониру продырявить им борт ниже ватерлинии. Мы еще посмотрим, чья возьмет.

Волк дернулся было к трапу, но Карлос негромко обронил:

– Вы погубите своего сына.

Старый пират замер. Нога зависла над ступенькой. Мгновение он стоял как оловянный солдатик, потом медленно опустил ногу и так же медленно развернулся с каменным лицом. Просчитав варианты, Волк понял, что его карта кругом бита. Флибустьер умел проигрывать. Он задал только один вопрос:

– Кто это придумал. Вы? Или она?

– Идея принадлежит Ирис Нортон, – признал Карлос. – Вы ведь ее имели в виду?

Волк задумчиво потер заросший подбородок. Усмехнулся.

– Вот ведь дьявол, – наконец произнес он, и в голосе старого пирата проскользнуло неподдельное восхищение.

– Это было невероятно! – воскликнул Родриго, едва шаги Волка стихли, и лязгнул снаружи засов. – Граф, вы были великолепны! Позвольте пожать вам руку.

– Жмите, – усмехнулся Карлос, – сдается мне, сегодня я это заслужил. Однако мой учитель сказал бы: «Придумано неплохо. Но половина работы сделана грязно, а вторая половина вообще не сделана». И, пожалуй, я бы с ним согласился.

– Учитель? – слегка удивленно переспросил Родриго.

– Он учил меня плавать в этих водах, – задумчиво ответил Карлос. – И еще одному, очень трудному искусству. Оставаться здесь не только живым, но и хотя бы отчасти порядочным.

– И кто это был? – спросил заинтригованный Родриго.

– Наши соотечественники называют его Люцифер. А англичане – Джеймс Рик.

* * *

– Вы поняли, что вам следует делать, дон Перейра? Или повторить?

Ирис все еще держала еврея на прицеле, но пальцы уже онемели, а рука начинала слегка подрагивать. Испанка глядела на нее заворуженно, словно Ирис на ее глазах обратила воду в вино или выдохнула огонь.

«Служанка» позволила себе улыбнуться «хозяйке». Но только чуть-чуть.

Перейра переводил взгляд с одной на другую. И вдруг стремительно метнулся вперед. Ирис не успела ничего сообразить, лишь коротко вскрикнула, когда запястье ожгла резкая, злая боль, и разжавшиеся пальцы выпустили оружие. Она дернулась, попыталась вырвать руку и тут же со страхом поняла, что борется с силой, которую ей не одолеть. Которую никто не мог бы разглядеть под дряблыми жировыми складками. Ирис упала на колени и в бешенстве и отчаянии вцепилась зубами в белую мягкую кисть, чуть ниже широкого манжета.

Неожиданно железная хватка ослабла. Ирис отпрянула, лихорадочно шаря по ковру в поисках пистолета.

– Тяжелая... – нервно произнесла Беатрис, совсем рядом.

Ирис подняла глаза и увидела графиню. Резная шкатулка в ее руках мгновенно объяснила, отчего дон Луис де Перейра безвольной кучей осел на пол. Ирис поднялась,правила платье и вдруг истерично хихикнула.

– Мне даже самой интересно, какими словами я теперь буду убеждать его отдать нужные приказы.

– Он не станет этого делать, – подтвердила Беатрис.

– Да? – холодно осведомилась Ирис Нортон, окончательно приходя в себя. Во взгляде, брошенном на испанку, появилось что-то новое.

– А куда он денется, – после паузы сказала она. – Все-таки с нами иметь дело лучше, чем с пиратами... по крайней мере, я надеюсь, что он считает именно так.

* * *

По команде Волка штурвальный «Сан-Фелипе» переложил руля левее и встречные курсы кораблей оказались строго параллельными. Матросы, столпившиеся на палубе, затаили дыхание. Одни знали, что от успеха зависит их жизнь, другие ничего не знали, но близкое соседство пиратов и стремительная смена власти заставят занервничать кого угодно. Корабли медленно сближались, и наконец их форштевни оказались на одном траверзе. Пушечные порты были задраены, согласно договору. Шлюпка отошла от «Сан-Фелипе» и медленно направилась в сторону «Воскресения». Она несла пятерых пассажиров: бородатые, заросшие грязью мужчины держали на мушке гребцов, громадный, свирепого вида цыган с массивной серьгой в ухе невозмутимо водил ножом возле самой шеи седого капитана. Солнце сверкало на широком лезвии, и солнечные зайчики прыгали по воде и темному дереву. Пятой была Мэри Мод. Шлюпка ударилась о борт, и матросы спустили трап. Беатрис с радостным криком повисла на шее супруга, и тот обнял ее с нетерпением, невольно выдавшим его тревогу. Хосе опустился на колени и почтительно поцеловал руку графини.

Волк не заметил этой нежной встречи. Он не видел хмурых взглядов своих матросов, не слышал торжествующего смеха испанцев, не чувствовал удушливой жары. Пират видел только глубокие, темные от бессонной ночи, такие знакомые глаза. Они глядели на него без торжества и без презрения. И без тепла. Но за это Волк не мог ее винить. За это он был ей благодарен. В его жизни было всякое, но еще ни разу не пришлось выбирать между Богом и женщиной. И, слава Всевышнему, что этот выбор снова минул его.

– Вы опять обманули меня, леди, – сказал он.

– У меня не было выбора, – ответила девушка. – Вы сами-то подумайте, можно ли с вами поступать честно?

С усмешкой Волк покачал головой.

– Фредди жив?

– Да, – кивнула девушка. – Я не причиню ему вреда. Но и не отпущу. Вы сможете забрать сына через некоторое время в Кюрасао. Это наша страховка на случай, если вы решите поиграть в догонялки. Я даю слово, что с мальчиком ничего не случится, даже если он сам будет меня провоцировать.

– Вы можете поклясться?

– Бог мне свидетель, – легко сказала Ирис.

Эта легкость насторожила Волка.

– Как я могу быть уверен, что вы не солгали? Клятва, данная при таких обстоятельствах...

– Для меня священна любая клятва, даже данная под дулом пистолета, – отрезала Ирис.

– Я верю вам, – просто сказал Волк.

– Правильно делаете. Но вы догадались, зачем я просила «Сан-Фелипе» подойти так близко к «Воскресению»?

– Сундуки, – кивнул Волк.

– Да. Ваши люди слишком опасны, а мы здесь на вражеской территории, и не можем рисковать, выпуская на волю шестнадцать вооруженных головорезов. Мы спустим эти восемь сундуков за борт, а вы уж сами ловите и отпирайте.

– Есть план получше, – возразил Волк. – Я сам отопру ребят. Если я прикажу, они не посмеют ослушаться и не будут устраивать вам неприятности. Впрочем, можете взять меня заложником, пока они не отплывут.

Ирис покачала головой.

– Не волнуйтесь, капитан. Сундуки крепкие, а расстояние невелико. Никто не пострадает.

– Вы мне не верите? – по-настоящему удивился Волк.

– Дело не в доверии, – возразила Ирис. – Просто у вас совсем нет времени, капитан. Бамбуковая мина в пороховом погребе и прогорит через сорок минут.

– Так скоро? – вырвалось у Волка.

Они посмотрели в глаза друг другу и поняли, что думают об одном и том же. Если бы девушка промолчала, то Карибское море стало бы братской могилой опаснейшему конкуренту и его команде. Три миллиона реалов.

Ее шансы возросли бы десятикратно. Но она не промолчала. Неожиданно Волк хрипло рассмеялся.

– Что с вами? – поразилась Ирис.

– Ничего, – рукой он отер слезы, выступившие от смеха. – Я ошибся, леди. Вы ничуть не изменились.

– Семь футов под килем и попутного ветра, святой отец, – улыбнулась она. Восемь сундуков, один за другим, покачиваясь, отплывали от бригаантины «Воскресение Христово».

* * *

Это была неслыханная удача – так мирно разойтись с пиратами. Мысленно перебирая свои действия, Ирис порой удивлялась, как это ее угораздило так слепо положиться на волю случая. Но то ли новичкам везет, то ли Бог на свете есть, а, скорее, и вправду, ее звезда была в зените.

Она обедала в обществе графа и его супруги, им прислуживала Мэри, ловко менявшая тарелки.

Кают-компанию Ирис оборудовала по своему вкусу. Оставила только светлую мебель и распорядилась вынести все лишние ковры и подушки. Она бурно обрадовалась, обнаружив

большого зеленого попугая в деревянной клетке и услышав картавое: «Слава Его Католическому Величеству».

Сейчас Боцман, так она окрестила птицу, сидел на высокой спинке тяжелого стула и флегматично поглядывал на «общество», собравшееся за столом. Один стул пустовал. Дон Перейра не пожелал присоединиться к компании, предпочтя заточение в своих личных апартаментах. Впрочем, никто его особо не уговаривал. Несколько дней Ирис раздумывала, не дать ли Перейре письмо с поручением к голландскому банку, чтобы компенсировать купцу потерю бригантины, но, вспомнив о несчастной Коломбе, ограничилась разрешением сохранить деньги и драгоценности.

По молчаливому соглашению в компании не упоминалось ни о пиратах, ни о Большом Призе, ни об арестантах в носовом трюме. Говорили о музыке, о поэзии. Обсуждали сложные отношения, которые сложились между Испанией и Британией.

Но в этот раз Ирис нарушила установившуюся традицию. Подождав, пока Мэри расставит дымящиеся чашки и выйдет, Ирис, ни на кого не глядя, негромко произнесла:

– Сегодня мы бросим якорь в Кюрасао. Настало время решать – что мы будем делать дальше.

За столом установилась напряженная тишина. Пристальные взгляды четы Кастильяно смутили ее... Правда, ненадолго. Она тут же обрела свою самоуверенность и ответила им таким же прямым взглядом.

– Дольше тянуть нельзя, – пояснила она, не замечая, что почти оправдывается.

– А зачем тянуть? – Беатрис пригубила чай, глядя на англичанку поверх золотого ободка чашки. – Мы сойдем в Кюрасао, а вы, мисс Нортон, продадите «Воскресение» и вернетесь в Англию. Наверняка вы найдете какого-нибудь «купца».

– Нет, – отрезала Ирис.

Она старательно рассматривала тонкую, почти невесомую фарфоровую чашку с желтыми цветами и золотыми хвостатыми птицами... Почему-то ей было трудно встретиться взглядом с Беатрис. С дочерью убитого ею Хуана де Вальдоро. Которую сейчас ей приходилось просить. Просить не бросать ее. Просить о помощи, ничего не обещая взамен, потому что дать супругам де Кастильяно Ирис ничего не могла. Однако коммерсант должен уметь делать и это.

– Вы думаете о кладе Ферье? – мягко улыбнулся Карлос, и Ирис, благодарная, улыбнулась в ответ.

– И о нем тоже. Вы должны понять меня, граф. Это опасное предприятие и, пожалуй, только Кассандра могла бы с уверенностью сказать, чем оно кончится. С этой командой я на такую авантюру не решусь. Перейра набрал настоящий сброд. Воры, пьяницы, беглые каторжники. У двоих я видела на руках следы от кандалов.

Беатрис, побледнев, отставила узорную чашку.

– Это правда?

– К сожалению, – кивнул Карлос. – Это судно – действительно плавучий притон. Мы с Родриго спим на пистолетах. Я наобещал им золотые горы, завербовал четверых лазутчиков, повесил петлю на нок-рее и только после этого перевел дух. Да благословит Бог Люцифера за то, что он научил меня обращаться с этим отребьем.

– Люцифера? – заинтригованно переспросила Ирис. – Вы призываете благодать Бога на самого... падшего ангела или...

– Вы знаете его под другим именем, – подтвердил Карлос.

– Вы знакомы с Риком? – Боже, как встрепенулось сердце.

Ирис поспешно спрятала руки под стол и переплела пальцы в крепчайший замок.

– И очень хорошо, – подтвердил Карлос, улыбаясь в ответ на недоумевающий взгляд супруги. – Если вам интересно знать, мы познакомились шесть лет назад. Я был уже далеко не мальчиком но, пожалуй, несмотря на все мои «подвиги», не был и мужчиной. А он только пришел в Новый Свет, но быстро прослыл отчаянным и удачливым малым. И – несравненным капитаном. Я брал у него уроки морского дела и попутно учился мужеству и

терпению. Это – странный человек. У него на сердце лежит какая-то тайна. Я ни о чем его не спрашивал, чтоб ненароком не растревожить рану, но как-то показал ему миниатюру, портрет Беатрис. Он вернул его мне со странными словами: «Красивая девушка... Она совсем не похожа на Эдит».

Тихо вошла Мэри и стала собирать чашки на поднос.

– Эдит... – не отдавая себе отчета, Ирис произнесла это вслух. – Кто бы мне рассказал, что это за «Эдит» и где она сейчас...

– А граф Эльсвик? – мягко спросил Карлос.

Ирис вскинула голову, встретив пыливый взгляд испанца своим, холодным и упрямым.

– Причем тут Джордж Эльсвик, хотела бы я знать? Я обещала найти его и найду. Если, конечно, он еще жив.

Грохот, треск и звон бьющегося фарфора заставил компанию вздрогнуть и обернуться. Мэри стояла бледная, как смерть, глядя на хозяйку с ужасом. Ирис перевела взгляд на пол. Ни одной чашки не уцелело.

– Простите, – опомнилась Мэри и кинулась собирать осколки.

– Оставь, – поморщилась Ирис, – потом убереешь. Выйди пока.

– Так что же нам все-таки делать, – повторила она, когда служанка скрылась и притворила дверь. – Вы согласились со мной, что команда у нас ненадежная. Хорошо. В Кюрасао мы ее сменим. Но чтобы идти в такой рейс, мне нужен капитан. Настоящий капитан. Которому я смогу доверять. В этих водах есть три капитана, к которым я испытываю определенное доверие. Одного я сама спровадила на Ямайку, второй неизвестно где... Простите, граф, но вы – мой единственный шанс добраться и до клада и до Эльсвика. Нравится вам это или нет.

Ее сердце пело. У нее есть корабль. Есть капитан. Есть ключ к таинственному шифру. И она отправляется за пиратским кладом. «Пятнадцать человек на сундук мертвеца!» Пожалуй, ради этого стоило родиться на свет... дважды.

Эпилог

За год до описанных событий

Скрипнула тяжелая дубовая дверь, пропуская невысокого, плотного мужчину в комнату, где по углам и вдоль стен сгустился тяжелый, дышащий тревогой сумрак. Большие окна были занавешены тяжелыми шторами, почти не пропускавшими солнечный свет, на темном толстом ковре, устлавшем пол, лежала лишь узкая полоса, не способная разбить темноту. На столике, рядом с большой кроватью с красным бархатным балдахином горели три свечи в массивном, медном канделябре. В кресле рядом сидел совсем еще молодой человек и, казалось, дремал. В комнате пахло лекарствами, сожженными свечами, пылью и застоявшимся воздухом.

На кровати, разметавшись на льняных простынях, то ли в тяжелой дреме, то ли без сознания лежала девушка: белокурая, с тонкими чертами лица, бледной кожей и неестественно алыми, словно налитыми кровью губами.

Вошедший на цыпочках подошел к кровати, наклонился над спящей. От девушки дохнуло жаром.

– О Господи! – сдавленно воскликнул мужчина.

Спящий мгновенно проснулся и не на шутку испугался.

– Господин Альфред, что вы тут делаете! Отойдите немедленно!

Мужчина отпрянул назад, побледнев, кажется, больше, чем больная.

– Почему? Почему мне нельзя быть рядом с ней?

– Потому что это опасно, – веско сказал молодой человек, – доктор велел ни в коем

случае не входить в эту комнату, и, тем более, не приближаться к больной никому, кроме меня и кривой Маргариты.

– Кривой Маргариты? – повторил мужчина, – но ведь это означает, что... Скажи, Джаспер, доктор Уилмор уверен в своем диагнозе? Ошибки быть не может? Ведь пятен на лице нет...

– Увы, – Джаспер развел руками, – доктор уверен – это черная оспа. А пятен иногда может и не быть.

– Но что доктор собирается делать?

– Вечером больной дадут слабительное. Если жар не спадет, попробуем пустить кровь...

– А лекарства? Вы даете ей какие-нибудь лекарства?

– Я понимаю ваши чувства, господин Альфред, – проговорил Джаспер, стараясь не отводить глаза, – но вы знаете и сами: от черной оспы не существует лекарств. Либо больная выживет, как в свое время выжил я и кривая Маргарита. Либо...

– Либо умрет, как ее мать, – договорил Альфред Нортон то, что никак не решался сказать ему ученик лекаря, – но ведь что-то мы можем сделать?

– О да, конечно. Обтирать больную льдом и молиться Господу.

– Джаспер, Ирис – моя единственная дочь! У меня больше никого нет. Чтобы спасти ей жизнь, я готов отдать любой свой корабль с грузом!

– Боюсь, господин Альфред, деньги тут бессильны. С Господом не торгуются, его смиренно просят. Пожалуйста, выйдите из комнаты и не приближайтесь к больной. Мне хватает забот с уходом за вашей дочерью. Если еще и вы свалитесь на мои руки, я могу не справиться.

– Да, конечно, Джаспер. Прости, – мужчина неохотно отступил, не отводя глаз, полных тревоги, от ложа, где его дочь боролась за жизнь со смертельно опасным врагом. Врагом, который выкосил половину Уэрствуда и не собирался останавливаться.

* * *

Родиться дважды... Есть мнение, что и один-то раз родиться на свет – это большая удача. А уж дважды!

Но в первые минуты после своего «второго рождения» девушка сильно усомнилась в том, что ей повезло. Скорее уж совсем наоборот.

... – Леди Из Общества! Уснула? Реплика!

Она живо развернулась к партнерше:

– О, конечно, молодой герцог очень мил, – и замерла, ожидая очередного нагоняя от режиссера. Который не замедлил последовать.

– Дорогая моя Леди Из Общества, вы совершенно не попадаете в роль. Разве так ведут себя на балу дамы семнадцатого века?

– Прошу прощения, – процедила она сквозь зубы, – как-то в последнее время не доводилось бывать на балах, да еще в семнадцатом веке. Герцог приглашения не прислал.

Партнерша хихикнула, но потихоньку. Вызывать огонь на себя – охотников не было.

– Леди, у вас должен быть мед в голосе и яд в словах, понимаете? Вы якобы хвалите жениха подруги, но она должна почувствовать, что с молодым герцогом что-то не так. Ньюансы, Леди, тут все на ньюансах... Неужели не чувствуете?

Молодая и, как говорили ее преподаватели, довольно перспективная актриса драматического театра имени Волкова города Ярославля в настоящий момент не чувствовала ничего, кроме раздражения. А ведь так была счастлива, когда только получила эту небольшую роль без имени, с двумя выходами, но в знаменитой пьесе! Режиссеру понадобилась всего пара недель, чтобы ее лучезарное счастье потускнело. И еще пара, чтобы актриса уверовала в собственную бездарность и неспособность играть. В последнее время она поднималась на сцену, как на эшафот, и лишь врожденное упрямство и неумение

смириться с поражением толкало ее на это унижение раз за разом. Ей казалось, что вся труппа над ней втихомолку смеется. Хотя почему «втихомолку». Партнерша, например, хихикала вполне открыто.

Начинающей актрисе и в голову не могло прийти, что хихикали актеры над режиссером, что как профессионалу ему до Товстоногова еще семь верст баттерфляем плыть, что в реалиях семнадцатого века он разбирается примерно так же, как и любой, кто родился на триста лет позже... и что играет девятнадцатилетняя студентка театрального училища совсем даже неплохо. Опытные партнеры по сцене отмечали, что спину она держит прямо, кринолин носит так же естественно, как джинсы и топ, а «молодой герцог» действительно очень мил, и довольно трудно произнести эту фразу сквозь зубы, глядя на самого обаятельного мужчину труппы.

– Репетируем сцену обморока. Я надеюсь, в обморок упасть вы сможете? – язвительно поинтересовался режиссер, – Там даже говорить почти ничего не надо.

Девушка вспыхнула... но сдержалась.

– Я очень постараюсь, – ответила она... тоном безупречно воспитанной Леди Из Общества.

– По местам! Герцог, реплика!

– Я сожалею, госпожа, но ваш брат сегодня утром убит на дуэли, – скучающим тоном бросил Герцог, глядя в сторону. Его местный Немирович-Данченко тоже изрядно достал.

– Боже, нет! – воскликнула девушка, поднесла руку к глазам. И аккуратно «упала», оберегая голову и локоть.

– И это – обморок?! Вы надо мной издеваетесь. Кто так падает в обморок? С балкона видно, что вы просто садитесь на пол. Еще раз! Герцог – реплика.

– Я сожалею, госпожа...

Усталость, раздражение и злость на собственную неумелость накатили волной. Девушка поклялась, что сделает все как надо, пусть даже рассадит себе лоб. И после положенных слов зажмурилась, стиснула зубы и рухнула со всего размаху, так, словно ей подрубили ноги.

Голова с глухим звуком соприкоснулась с деревянным полом и мир исчез...

– Хорошо, – вяло кивнул режиссер. – Вставай.

– Что с ней? Посмотрите там...

– Она...

Последовали шлепки по щекам, тормошение за плечи...

– Она...

– Скорую! Звоните же кто-нибудь, – режиссер вскочил с места.

– В гримерку! Ее надо отнести в гримерку...

– Мужчины, ну сделайте же что-нибудь!

Бесчувственное тело отнесли в маленькую гримерку. Народ испуганно суетился. Кто-то убежал за водой, нашатырем. Кто-то звонил в неотложку. А кто-то пошел курить...

«Скорая помощь» приехала на удивление быстро. Двое мужчин в бирюзовых халатах, спешно вошли в гримерку.

– А где же больная?

Следом протиснулся режиссер, обвел взглядом пустую комнату и, обернувшись к толпившейся у дверей труппы, неуклюже спросил:

– Куда она делась?

* * *

Возвращение было мучительным.

Ужасно болела голова. Кажется, именно от этой боли она и очнулась. Ощутимо подташнивало. Неужели сотрясение мозга? Лежать было неудобно. С одного боку – холодно, другой просто обжигало жаром. Спинай девушка ощутила какую-то неровную

поверхность... что-то вроде видавшего виды дачного тюфяка, который настолько слежался, что, в конце концов, его решили выбросить. Пахло отвратительно: словно рядом свалили полцентнера заношенных мужских носков. А еще ей вдруг мучительно захотелось почесаться. Тело зудело. Да и голова, похоже, тоже.

Она осторожно приоткрыла глаза.

Полутьма. Прямо перед глазами низко нависал потолок: деревянный, но не покрашенный, а скорее – закопченный. Как будто тут несколько лет смолили дешевые папиросы или топили «буржуйку».

Она сделала попытку оглядеться.

Помещение было относительно небольшим и холодным. Его очень плохо освещала одна-единственная лампа, подвешенная над входом. От него шел узкий проход, а по обе стороны, на грубо сколоченных деревянных топчанах, едва прикрытые тонкими одеялами и каким-то тряпьем, лежали люди. Много людей. Иногда – по двое на одной постели. Двое или трое метались в жару, бредили. А одна, похоже, пожилая женщина со спутанными волосами лежала неестественно спокойно. Ее глаза были широко открыты и, не мигая, смотрели в потолок.

И запах, это чудовищный запах...

Больница? Уж скорее это была какая-то ночлежка для бомжей. Девушка осторожно повернула голову и отшатнулась: она тоже была не одна. Постель не первой свежести, в желтых пятнах мочи и, похоже, засохшей рвоты с ней делила какая-то старуха. Именно от нее исходил такой жар. Седые волосы были мокры от пота, а от виска на подушку медленно двигалось... двигалась... Когда девушка поняла, что именно ползет по волосам старухи, ее вырвало прямо на вытертое до дыр одеяло. Испустив слабый стон, она снова провалилась в забытие. Первый раз в жизни она увидела живую, настоящую вошь и такую крупную, что это зрелище сразило ее наповал.

Дверь открылась, и в комнату вошли, а вернее, протиснулись двое. Высокая худая дама с желтоватым цветом лица и тремя грубыми рубцами на лбу, в бесформенном сером платье и переднике, голову ее венчал белоснежный, накрахмаленный чепец. Вторым был молодой человек в черном, без парика, с вместительной сумкой через плечо. Он с порога оглядел помещение и сразу же заметил неестественную неподвижность одной из пациенток.

– Вторую койку можно освободить, – негромко сказал он, – эта женщина скончалась.

Его спутница кивнула и перекрестилась, не проявляя никаких эмоций.

– Мистер Джаспер – это оспа? – только и спросила она.

– Оспа, – кивнул Джаспер, – сколько человек здесь сейчас?

– Без умершей – два десятка. Думаете, никто из них не выживет?

– Если больные оспой будут лежать вперемешку с теми, кто сломал ногу или просто ослаб от голода, то, конечно, шансов у них мало, – произнес молодой ученик доктора.

– Что делать, – пожала плечами женщина, – это бесплатная больница для бедных, она существует на те средства, которые скапливаются в церковной приходе. У нас нет возможности разделить больных оспой и остальных.

– Значит, у гробовщика будет много работы, – философски изрек Джаспер и начал обход. Делал он это умело, но быстро и достаточно небрежно: касался лба, трогал запястье, смотрел зрачок, кивал и шел дальше. Его ассистентка несла лампу, чтобы Джасперу было удобнее.

Дойдя до койки, где, плотно прижавшись друг к другу, лежали старуха и молодая белокурая девушка, Джаспер вдруг замер и не мигая уставился на одну из пациенток.

– Кто она? – глухо спросил Джаспер, – откуда?

– Девица? Ее принесли почти три дня назад. С тех пор она не приходила в сознание. Сначала мы думали, что это какая-то леди. Платье, украшения, прическа...

– Леди? – поразился Джаспер.

– О нет. Совсем нет. Платье из дешевой ткани, просто пошито как платья знатных дам. Украшения стеклянные. Наверное, актриса какого-нибудь бродячего театра. Ее подобрали

лежащей на улице с раной на голове. Видно, кто-то попытался ее ограбить, решив, что украшения настоящие.

– Постойте, – Джаспер выпрямился и недоверчиво посмотрел на свою спутницу, – вы сказали – три дня. Она три дня лежит рядом с больной оспой? И она здорова! Во всяком случае, оспы нет, это точно. Ни жара, ни других признаков. Ничего, кроме солидной шишки на голове. Как это может быть?!

– Пути Господни неисповедимы, – ответила женщина и опустила лампу, готовясь пройти дальше.

А молодой ученик доктора задержался. Во все глаза он смотрел на неизвестную девушку, подобранную на улице, и все больше удивлялся странной игре природы.

– Одно лицо... – пробормотал он так тихо, что его никто не услышал, – те же волосы... вот только чуть короче...

– Она точно не приходила в себя?

– Нет, господин Джаспер, совершенно точно.

– Странно...

«Готов спорить на что угодно, когда она откроет глаза, они будут серыми, – мысли ученика доктора уперлись в образ знакомой ему девушки, дочери владельца не бедной торговой компании. Образ пациентки, которая сейчас умирает от оспы и без сомнений доживает последние часы. – Боже мой, одно лицо... фигура... и она здорова. Вот уж, воистину, чудо Господне!..»

Опасаясь, как бы его внимание к бродяжке не заметила спутница, Джаспер торопливо прошел дальше. Его взгляд блуждал по обреченным лежащим на грязных койках. Он совершенно потерял к ним интерес. Его мозгом полностью завладели мысли о... «Корабль с грузом... Нортон обещал и наверняка сдержит слово. Он любит дочь без памяти, – глаза Джаспера сверкнули и губы едва заметно дрогнули в улыбке. – А эта незнакомка, кто бы она не была, вряд ли откажется от безбедного будущего». План, простой и сулящий огромные барыши, мгновенно составил в голове Джаспера.

– А знаете, Малона, – ученик доктора остановился и обернулся к смотрительнице. – Я кажется, узнал эту девушку...

Малона удивленно изогнула брови.

– Да-да. Определенно это дочь одного моего пациента... мистера Илсторба. Да-да. Эту юную леди кажется, зовут Элеонора. Да, совершенно точно – Элеонора Илстроб. Неугомонная девчонка. Представьте себе, Малона, эта проказница сбежала от отца с бродячими актерами.

– Я так и думала! Бедный отец, – смотрительница, вскинула руку к лицу, – наверное, он сбился с ног...

– Да. Я думаю, он будет рад, такой находке.

– А вы знаете, где он живет?

– О, конечно, это же все-таки мой пациент. – Джаспер решил действовать быстро и решительно.

Краткий словарь морской терминологии

Абордаж – способ ведения морского боя в эпоху гребного и парусного флотов, заключающийся в сближении кораблей вплотную с целью овладения ими посредством рукопашной схватки.

Бак – надстройка в носовой оконечности судна, начинающаяся от форштевня. Служит для защиты верхней палубы.

Бакштаг – курс парусного судна относительно ветра, когда угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет более девяноста, но менее ста

восьмидесяти градусов. Бакштаг называют полным, если указанный угол превышает сто тридцать пять градусов. И крутым, если он менее ста тридцати.

Батарейная палуба – палуба, на которой размещались корабельные орудия.

Бейдевинд – курс парусного судна, когда угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет менее девяноста градусов.

Бизань-мачта – кормовая мачта парусников, а также – нижний треугольный парус на бизань-мачте.

Борт – боковая стенка корпуса судна от форштевня до ахтерштевня и от днища до верхней палубы.

Брамсель – прямой парус на брам-стеннге.

Брамсельный ветер – постоянный ветер, без резких порывов, при котором ставили и верхние паруса.

Брасопить – поворачивать паруса по горизонтали при помощи тросов – брасов.

Бриг – парусное двухмачтовое судно с прямыми парусами.

Бриз – легкий ветер, который в течение суток меняет свое направление.

Галеон – парусный (трех-четыrehмачтовый) военный корабль, распространенный в Англии, Испании, Франции, с мощным артиллерийским и парусным вооружением.

Галс – курс судна относительно ветра. Сделать галс – пройти одним галсом, не поворачивая. Лечь на другой галс – повернуть судно.

Галфвинд – курс судна, при котором угол между направлением движения судна и направлением ветра составляет девяносто градусов.

Грот-мачта – вторая мачта на судне, считая от носа.

Дек – палуба на судне.

Каракка – крупное военное или торговое судно.

Карронада – короткое, тонкостенное орудие большого калибра, установленное на неподвижном станке.

Корвет – военное парусное судно с прямыми парусами.

Люггер – двух-, реже трехмачтовое судно небольшого водоизмещения. Быстроходно и маневренно. Часто использовался как посыльное судно.

Пинас – торговое судно, схожее по строению и вооружению с флейтом.

Риф – приспособление для уменьшения поверхности паруса. Обычно представляет собой ряд продетых сквозь парус завязок, с помощью которых, подтягивая гик или рей,

делают на парусе складку, то есть зарифляют его.

Рифить паруса – зарифить паруса – уменьшение площади паруса при помощи рифов.

Склянки – удар корабельного колокола. Склянки отбивали каждые полчаса.

Фальконет – небольшое орудие, крепившееся на длинном штыре, который глубоко вбивался в корабельный борт на корме. Фальконеты были предназначены для поражения живой силы во время ближнего боя.

Флейт – тип парусного, трехмачтового судна, созданного в Голландии в конце XVI века. Получил распространение и в других странах. Обладал хорошей мореходностью и довольно большой скоростью.

Фрегат – однопалубный военный трехмачтовый корабль с полным парусным вооружением и мощным артиллерийским вооружением.

Шканцы – часть верхней палубы между баком и ютом.

Шкафут – часть палубы около бизань-мачты, где был расположен штурвал.

Шнява – небольшое двухмачтовое судно с прямыми парусами и бушпритом. В XVII–XVIII веках шнявы были распространены в Англии, Франции и Швеции. Военная шнява называлась шлюпом.

Штормовые паруса – паруса меньшего размера, которые шьются из самой толстой и прочной парусины, поднимаются при очень свежей, штормовой погоде.

Шхуна – легкое военное или торговое судно с косыми парусами.